ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Центр японских исследований

В. В. Нелидов

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЯПОНИИ

Москва
2022

УДК 327(520)
ББК Т3(5Япо)63–Ф4(5),302
Н49

Рекомендовано
Ученым советом Института востоковедения РАН

Ответственный редактор
Д. В. Стрельцов, д-р ист. наук, проф., ФГБУН ИВ РАН

Рецензенты
В. О. Кистанов, д-р ист. наук, ИДВ РАН
К. О. Саркисов, канд. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН

Нелидов, В. В.

Н49 Внешнеполитический процесс в послевоенной Японии : [Монография] / В. В. Нелидов ; Ин-т востоковедения РАН, Центр японских исследований ; [отв. ред. Д. В. Стрельцов]. — Москва : ФГБУН ИВ РАН. — 2022. — 228 с.

ISBN 978-5-907543-20-1 (пер.)

В монографии рассматриваются характерные черты внешнеполитического процесса в Японии в период правления Либерально-демократической партии в 1955–1993 гг. Большое внимание уделено политике Японии в связи с подготовкой и ратификацией японо-американского Договора безопасности 1960 г., с реакцией официального Токио на заявление Вашингтона в 1971 г. о начале процесса нормализации японо-китайских отношений («китайский шок Никсона»), а также с ответными действиями японского правительства на войну в Персидском заливе 1990–1991 гг.

Предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов, а также для всех интересующихся.

УДК 327(520)
ББК Т3(5Япо)63–Ф4(5),302

Издание подготовлено при содействии
Международного благотворительного фонда Шодиева.

ISBN 978-5-907543-20-1 (пер.)

© В. В. Нелидов, 2022
© ФГБУН ИВ РАН, 2022
© МОО «Ассоциация японоведов», 2022

Содержание

Введение 5

Глава 1. Японо-американский Договор безопасности 1960 г.: от подготовки к ратификации 30

1.1. Внутри- и внешнеполитический фон разработки Договора безопасности 1960 г. 30

1.2. Процесс принятия внешнеполитических решений в Японии в связи с подписанием Договора безопасности 1960 г. 38

1.3. Выводы 85

Глава 2. «Шок Никсона» и нормализация отношений Японии и КНР (1971–1972 гг.) 90

2.1. Внутриполитическая борьба в Токио вокруг признания КНР 90

2.2. Процесс принятия внешнеполитических решений в Японии в связи с нормализацией связей с Пекином 113

2.3. Выводы 139

Глава 3. Реакция Японии на войну в Персидском заливе (1990–1991 гг.) 145

3.1. Внутриполитический фон в Японии к началу 1990-х гг. 145

3.2. Процесс принятия внешнеполитических решений в Японии во время вооруженного конфликта в Персидском заливе 153

3.3. Выводы 192

Заключение 197

Библиография 209

Summary 228

Введение

Понимание содержания и мотивации внешней политики современных государств, ее оценка и прогнозирование последствий невозможны без изучения внутренней логики внешнеполитических решений. В особенной степени это замечание относится к тем странам, где внешнеполитический курс зависит не только от сильной лидерской роли главы государства, но и от взаимодействия ведущих политических акторов, имеющих свои интересы, цели и представления относительно того, какие решения должны приниматься при формировании **внешнеполитической** стратегии и ее реализации в той или иной ситуации.

Ярким примером подобной децентрализованной системы принятия внешнеполитических решений может служить послевоенная Япония, в частности в период так называемой «системы 1955 года» — с 1955 по 1993 г., когда у власти находилась Либерально-демократическая партия (ЛДП). В силу того, что особенности этой эпохи определяют актуальность исследуемой темы, а также выбор методологического инструментария, необходимой предпосылкой для постановки исследовательской проблемы в настоящей работе является следующая краткая характеристика «системы 1955 года» — целостного и уникального этапа в истории современной Японии.

Международно-политический контекст, определявший в этот период направление развития **страны восходящего** солнца, обуславливался прежде всего тем, что Япония была неотъемлемым элементом коллективного Запада в условиях биполярной системы международных отношений. **Япония**, оказавшаяся после поражения во Второй мировой войне в условиях оккупационного режима (формально установленного победившими союзными державами в **войне** на Дальнем Востоке, а фактически Соединенными Штатами), сохранила ориентацию на сотрудничество с США и после восстановления своего статуса суверенного государства. Данный курс был закреплен в японо-американском Договоре безопасности 1951 г., подписанном в один день с Сан-Францисским мирным договором, а позже, в 1960 г., замененном на японо-американский Договор о взаимном сотрудничестве и безопасности.

Принципиальный внешнеполитический курс Японии в этих условиях часто называют «доктриной Ёсида» (по имени премьер-министра Ёсида Сигэру, возглавлявшего японское правительство в 1946–1947 и 1948–1954 гг.), суть которой заключалась в том, что Япония отказывается от масштабного перевооружения, опираясь взамен на гарантии безопасности со стороны Соединенных Штатов, и сосредотачивается на внутреннем экономическом развитии. Необходимо отметить, что, несмотря на все перемены, произошедшие в последующие десятилетия, подобный подход продолжает оказывать влияние на внешнюю политику Японии и по сей день: военно-политический союз с США по-прежнему остается основой политики Японии в сфере национальной безопасности, а сохранение «мирной» 9-й статьи конституции означает, что японские правящие круги все еще вынуждены считаться с существенными ограничениями на развитие военного потенциала.

Но следование за США в вопросах безопасности не означало полной пассивности Японии на международной арене. После того, как были решены проблемы послевоенного урегулирования со странами, пострадавшими от японской агрессии в годы войны, она начала активно развивать отношения с азиатскими государствами, особенно с теми, которые поддерживали союзнические отношения с Соединенными Штатами. При этом Токио опирался главным образом на экономические инструменты: официальную помощь развитию (ОПР), инвестиции, торговлю. Можно сказать, что США и Япония выполняли взаимодополняющие функции, в то время как первые обеспечивали поддержание интересов западного блока военно-политическими методами, вторая вносила свой вклад методами экономическими и выполняла роль «витрины капитализма» в Азии.

С внутриполитической точки зрения «система 1955 года» характеризовалась существованием в Японии на протяжении почти четырех десятилетий «полуторапартийности» или «системы доминантной партии». С одной стороны, правящей партией оставалась Либерально-демократическая партия, образованная в ноябре 1955 г. в результате объединения консервативных политических сил. Вплоть до 1993 г. она удерживала большинство в нижней палате парламента (палате представителей), а большинство в верхней палате (палате советников) потеряла лишь незадолго до конца этого периода, в 1989 г., и потому на протяжении всех 38 лет «системы 1955 года» могла формировать правительство самостоятельно.

При этом ЛДП была далеко не монолитной организацией. На протяжении всего периода своего существования она оставалась довольно рыхлым конгломератом фракций —

неформальных объединений политиков[1], построенных на патерналистских принципах, во многом напоминающих феодальные отношения сюзерена и его вассалов[2]. Идеологические различия между ними, если они и имели место, играли вторичную роль, а главной функцией фракций было участие в распределении партийных и правительственных постов, а также организационных и финансовых ресурсов, необходимых для проведения предвыборных кампаний.

Последнее было особенно важно в условиях использовавшейся при выборах в нижнюю палату системы «средних избирательных округов», при которой от каждого избирательного округа в парламент избирались, как правило, от 3 до 5 депутатов. Эта система оказалась одним из важнейших институциональных столпов «системы 1955 года» и просуществовала в итоге до 1994 г.[3] В этих условиях, чтобы обеспечить себе большинство в нижней палате, либерал-демократам приходилось выставлять по несколько кандидатов в каждом округе, что вынуждало кандидатов от правящей партии конкурировать не только с представителями оппозиции, но и друг с другом.

Фракционность ЛДП выступала ограничителем влияния стоящего во главе исполнительной власти премьер-министра (этот пост в условиях доминирования ЛДП, по

[1] Центральная роль парламента в политической жизни Японии означает, что политические партии — это прежде всего парламентские организации, для которых массовое членство играет вторичную роль. Партийные лидеры (особенно если речь идет о крупных партиях) в подавляющем большинстве случаев являются также и депутатами одной из двух палат парламента, а их парламентский «стаж» оказывается одним из ключевых факторов, определяющих их авторитет внутри партии и уровень партийных и правительственных постов, на которые они могут претендовать.

[2] Павленко П. А. Либерально-демократическая партия в политической системе современной Японии (1955–2001). М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 27.

[3] Стрельцов Д. В. Система доминантной партии в Японии: некоторые уроки исторического опыта // Японские исследования. 2016. № 3. С. 73.

сути, автоматически занимал председатель партии). В лучшем случае глава правительства был лишь представителем самой сильной из этих фракций, вынужденным, тем не менее, продолжать считаться с мнением своих однопартийцев. Но нередко (особенно к концу периода «системы 1955 года») он был просто компромиссной фигурой, назначенной в результате закулисных консультаций партийных боссов.

С другой стороны, главным оппонентом либерал-демократов была Социалистическая партия Японии (СПЯ), образованная в октябре того же 1955 г. и остававшаяся второй после ЛДП силой в парламенте на протяжении всего периода «системы 1955 года». Были в Японии и другие политические партии: параллельно с социалистами существовала Коммунистическая партия Японии (КПЯ), имевшая, впрочем, значительно меньшее представительство в парламенте, а со временем на политической арене начали возникать новые силы: так, в 1960 г. от СПЯ откололась левоцентристская Партия демократического социализма (ПДС), а в 1964 г. на базе необуддистской организации «Сока гаккай» была сформирована левоцентристская же Комэйто («Партия чистой политики»).

При этом, даже несмотря на почти четыре десятилетия господства ЛДП, японская политика продолжала соответствовать всем демократическим критериям и нормам: проводились регулярные и честные выборы, оппозиция могла свободно высказывать свое мнение, а правящая партия не прибегала к силовым методам давления на нее, хотя и использовала возможности «административного ресурса» для обеспечения поддержки со стороны избирателей путем политики клиентелизма за счет перераспределения бюджетных средств. Последнее приводило к «сращиванию» трех элементов системы государственного управления, — поли-

тических кругов, делового сообщества и карьерной бюрократии, традиционно игравшей ведущую роль во многих сферах государственного управления — в рамках так называемых «железных треугольников», определявших принятие решений во многих сферах.

Естественно, что подобные отношения подчас были завязаны на коррупционные схемы, связанные с тем, что значительная часть «пожертвований», получаемых политиками от своих спонсоров, имела теневой характер. Однако эти средства использовались политиками не только (и даже не столько) для личного обогащения, но и для сохранения власти путем финансирования избирательных кампаний, поддержания неформальных отношений в рамках правящей партии и т. п. Что еще важнее, свобода СМИ и реальная независимость трех ветвей власти означали, что хотя политики из правящей партии подчас и не были кристально чисты перед законом, но факты коррупции периодически становились достоянием общественности и приводили к крупным политическим скандалам и судебным разбирательствам, от последствий которых не были застрахованы даже самые влиятельные деятели правящей партии[4].

Наконец, еще одной специфической чертой политической жизни в эпоху «системы 1955 года» было то, что наиболее принципиальные противоречия между ЛДП и СПЯ касались не столько внутренней, сколько внешней политики. Действительно, ЛДП делала акцент на целях обеспечения высоких темпов экономического роста и развития экспортных отраслей, в то время как СПЯ в большей мере настаивала на приоритетах социальной политики. Но здесь

[4] Более подробно см.: Стрельцов Д. В. Политическая коррупция в Японии в период «системы 1955 года» // Японские исследования. 2018. № 4. С. 44–59.

разногласия были скорее количественными, нежели качественными: СПЯ была в принципе не против сохранения рыночной экономики, в то время как ЛДП проводила курс, приводящий к повышению уровня жизни самых широких слоев населения. Гораздо четче граница между двумя крупнейшими партиями была прочерчена в сфере внешней политики: ЛДП выступала за ориентацию на военно-политический союз с США, а часть ее деятелей открыто ратовала за отмену «пацифистской» 9-й статьи Конституции Японии[5] и активное развитие вооруженных сил[6], в то время как СПЯ настаивала на сохранении конституционных ограничений на использование военной силы и невооруженный нейтралитет Японии на международной арене.

Все эти особенности японской политической жизни эпохи «системы 1955 года»: межфракционная борьба внутри доминирующей в политике Либерально-демократической партии, существование активной парламентской оппозиции, высокий статус карьерной бюрократии, развитое гражданское общество — вели к тому, что система принятия решений (не исключая и внешнеполитических) подчас отличалась высокой степенью децентрализованности. Иными словами, решения, в том числе и в сфере внешней политики, принимались не единолично, а в результате сложного

[5] Нихон коку кэмпо: (Конституция Японии) // Национальная библиотека парламента Японии. URL: http://www.ndl.go.jp/constitution/etc/j01.html (дата обращения: 02.11.2021).

Далее везде, где идет речь о конституционных ограничениях на использование военной силы, подразумевается именно 9-я статья Конституции Японии, провозглашающая отказ от войны как суверенного права нации, от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров, а также от создания сухопутных, морских и военно-воздушных сил и других средств войны.

[6] В то же время многие представители ЛДП были за сохранение конституционных ограничений, так как это снижало бы вероятность вовлечения Японии в военные конфликты за рубежом.

и подчас конфликтного взаимодействия множества политических игроков.

Исследование политики и общества вообще обладает своей спецификой, связанной с тем, что ключевые понятия подчас употребляются в неодинаковом смысле авторами, принадлежащими к различным школам. Поэтому, прежде чем формулировать исследовательский вопрос работы, следует уточнить определения используемых в ней терминов, поскольку в русскоязычной и англоязычной научной литературе в отношении феноменов, связанных с формированием внешней политики, используется несколько понятий с близкими значениями: «внешнеполитический процесс», «процесс принятия внешнеполитических решений», а в англоязычной литературе — «foreign policy process» и «foreign policy decision making».

С одной стороны, в некоторых работах, предметом которых являются вопросы формирования внешнеполитического курса государства, этот процесс сводится именно к принятию решений различными акторами. Примером такого подхода может послужить англоязычная «Оксфордская исследовательская энциклопедия международных исследований», где утверждается: «Политические меры (policies. — *B.H.*) или стратегии, ведущие к международным результатам, являются продуктом выбора (choices. — *B.H.*) индивидов, малых групп или коалиций, представляющих национальные государства»[7]. Более того, в англоязычной литературе непосредственно к двум понятиям — «внешнеполитического процесса» (foreign policy process. — *B.H.*)

[7] Brulé D. Foreign Policy Decision Making: Evolution, Models and Methods [Electronic Resource) / D. Brulé, A. Mintz // Oxford Research Encyclopedia of International Studies. 2017. URL: http://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-185?print=pdf (date of access: 09.11.2021).

и «принятия внешнеполитических решений» (foreign policy decision making. — *В.Н.*), — подчас используемым взаимозаменяемо, добавляется и еще одно — «анализ внешней политики» (foreign policy analysis. — *В.Н.*)[8], понимаемое как изучение процесса формирования внешней политики.

Представлен подобный подход, фактически ставящий знак равенства между внешнеполитическим процессом и процессом принятия внешнеполитических решений, и в отечественной науке. Так, Т. А. Алексеева и А. А. Казанцев дают следующее определение: «Внешнеполитический процесс (ВПП) *является процессом принятия внешнеполитических решений* (курсив наш. — *В.Н.*) в условиях определенных ограничений, налагаемых внешней средой и так или иначе осознаваемых акторами, принимающими решения»[9].

С другой стороны, представляется, что сведение внешней политики только к процессу принятия решений политическими игроками не отражает всей полноты факторов, влияющих на формирование внешнеполитического курса государства. Такие явления, как политическая культура и культура принятия решений, политические институты — как формальные, так и неформальные, — влияние со стороны различных внешних сил, также играют свою роль, которую далеко не всегда уместно интерпретировать лишь как детерминанту принятия решений теми или иными внутриполитическими акторами. В этой связи представляется целесообразным разделить приведенные выше понятия и дать следующие их определения:

---

[8] См., напр.: Potter W. C. Issue area and foreign policy analysis // International Organization. 1980. Vol. 34, Is. 3. P. 405–427.

[9] Алексеева Т. А., Казанцев А. А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 4.

Внешнеполитический процесс — это процесс формирования внешнеполитического курса государства во всей его многогранности под действием факторов как внутреннего (действия различных политических акторов, культурная специфика, формальные и неформальные политические институты), так и внешнего характера.

Процесс принятия внешнеполитических решений — это составная часть внешнеполитического процесса, заключающаяся в деятельности различных внутриполитических акторов, оказывающих влияние на формирование внешнеполитического курса государства по поводу тех или иных конкретных внешнеполитических вопросов.

Таким образом, основной исследовательский вопрос настоящей работы заключается в том, какова была специфика внешнеполитического процесса в Японии периода «системы 1955 года» в свете указанных выше особенностей существовавшей в то время политической системы. Представляется, что для полноценного ответа на него необходим именно такой широкий подход к анализу внешнеполитического процесса, который принимал бы во внимание как роль в нем отдельных политических акторов и их взаимодействие между собой в процессе выработки составляющих внешнеполитический курс решений, так и общие характеристики этого процесса, обусловленные и внутренними, и внешними факторами.

Актуальность данной темы обусловлена прежде всего тем, что период «системы 1955 года» в немалой степени является формативным и для современной Японии. Сложившиеся тогда характерные черты политической системы во многих случаях продолжают существовать по сей день: в 2021 г. у власти снова находилась именно ЛДП (теперь, правда, в коалиции с партией Комэйто, сейчас придерживающейся правоцентристских взглядов), а стоящие перед

внешней политикой этой страны проблемы, связанные и с отношениями с США, и с участием Японии в международном сотрудничестве, и со многими другими вопросами, нередко уходят корнями именно в период «системы 1955 года».

Поэтому настоящее исследование, нацеленное на то, чтобы изучить один из важных аспектов истории Японии данного периода, значимо и с теоретической, и с практической точек зрения. Его теоретическая значимость заключается в том, что оно позволит лучше понять закономерности, характерные для процесса выработки внешнеполитического курса и принятия решений в целом в политических системах, имеющих общие черты с Японией эпохи «системы 1955 года». Практическая значимость исследования обусловлена тем, что понимание специфики внешнеполитического процесса в Японии периода «системы 1955 года», имеющего немало сходств с современной Японией, сможет не только помочь более эффективно предсказывать будущие внешнеполитические решения японского государства, но и подсказать, какие подходы могли бы быть наиболее плодотворными при выстраивании отношений между Российской Федерацией и Японией, что особенно актуально в начале 2020-х годов в условиях все возрастающей неопределенности на международной арене вообще и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в частности.

Хронологические рамки исследования естественным образом очерчиваются рамками существования «системы 1955 года»: начиная с объединения консервативных сил в единую Либерально-демократическую партию в 1955 г. и до первого ухода ее в оппозицию в результате поражения на выборах в нижнюю палату парламента в 1993 г.

Вместе с тем в настоящей работе для подробного анализа выбраны следующие три конкретные ситуации (примера), поскольку рассмотрение внешнеполитического процесса в целом на протяжении почти четырех десятилетий вынудило бы ограничиться лишь самой общей его характеристикой. Детали, значимость и политический контекст каждой из них будут рассмотрены в соответствующих главах:

1. Подготовка и ратификация японо-американского Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности (Договора безопасности) 1960 г.
2. Реакция Японии на так называемый «китайский шок Никсона» (сообщение о том, что США намерены начать процесс нормализации отношений с КНР) в 1971 г., приведшая к нормализации японо-китайских отношений в 1972 г.
3. Реакция Японии на войну в Персидском заливе 1990–1991 гг.

Представляется, что каждый из этих примеров дает возможность достаточно наглядно продемонстрировать общие и особенные черты внешнеполитического процесса на том или ином этапе существования «системы 1955 года».

Решение не рассматривать какие-либо ситуации, связанные с отношениями Японии с СССР и (в самом конце периода «системы 1955 года») Россией, таких, например, как процесс, приведший к заключению советско-японской Совместной Декларации 1956 г., является сознательным и обусловлено тем, что ввиду значимости этих ситуаций с точки зрения именно российской науки и российской внешней политики их подробный анализ заслуживает отдельного крупного исследования. И хотя библиографический обзор исследований, так или иначе затрагивающих японский внешнепо-

литический процесс в связи с отношениями с СССР и Россией, выходил бы за рамки настоящей работы, некоторые труды на эту тему все же заслуживают упоминания, даже если они не имеют прямого и непосредственного отношения к событиям, рассматриваемым здесь. Это, в частности, вышедшая в 2015 г. под редакцией А. В. Торкунова и М. Иокибэ коллективная монография «Российско-японские отношения в формате параллельной истории», опубликованная на русском[10] и японском[11] языках, а также труды авторства или под редакцией С. В. Гришачева[12], Т. Иногути[13], Т. Танака[14], Д. Хеллманна[15].

Целью исследования является изучение характерных черт внешнеполитического процесса в Японии в период «системы 1955 года». Для достижения этой цели ставятся следующие задачи:

– характеризовать значимость каждой из рассматриваемых ситуаций для послевоенной внешней и внутренней политики Японии;

---

[10] Российско-японские отношения в формате параллельной истории: коллективная монография / под общ. ред. акад. А. В. Торкунова и проф. М. Иокибэ. М.: МГИМО(У), 2015. 1024 с.

[11] Нитиро канкэй си: парарэру хисутори: но тё: сэн (История российско-японских отношений: вызов параллельной истории) / под общ. ред. акад. А. В. Торкунова и проф. М. Иокибэ. Токио: То: кё: дайгаку сюппанкай [Издательство Токийского университета), 2015. 713 с.

[12] История российско-японских отношений: XVIII — начало XXI века: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. С. В. Гришачева. М.: Аспект Пресс, 2015. 336 с.

[13] Нихон то Росиа: магяку ка со: и ка (Япония и Россия: полная противоположность или сходство?) / под ред. Т. Иногути. Токио: Харасёбо, 2015. 245 с.

[14] Tanaka T. The Soviet-Japanese Normalization in 1955–6 and US-Japanese Relations // Hitotsubashi Journal of Law and Politics. 1993. Vol. 21. P. 65–93.

[15] Hellmann D. C. Japanese Foreign Policy and Domestic Politics. The Peace Agreement with the Soviet Union Berkeley: University of California Press, 1969. 202 p.

– показать внутри- и внешнеполитический фон каждой из этих ситуаций;
– проанализировать процесс принятия внешнеполитических решений в каждой из этих ситуаций;
– изучить роль участников внешнеполитического процесса в рассматриваемых событиях и их взаимодействие между собой, а также влияние на внешнеполитический процесс различных внешних и внутренних факторов;
– определить характерные черты внешнеполитического процесса, проявляющиеся во всех рассмотренных ситуациях и, таким образом, сохраняющиеся на протяжении всего периода «системы 1955 года»;
– оценить значимость результатов проведенного исследования для анализа современного внешнеполитического процесса в Японии.

Тема данной работы находится фактически на пересечении исследования внешней и внутренней политики, а потому имеющие к ней отношение проблемы затрагивались в значительном количестве работ, посвященных политической жизни послевоенной Японии. Поэтому для того, чтобы оценить степень разработанности темы и отдельных ее аспектов в отечественной и зарубежной науке, представляется целесообразным классифицировать существующие работы на следующие категории.

К одной из таких категорий относятся работы разных лет тех советских, российских, японских и западных исследователей, которые, проводя комплексный анализ внешнеполитического курса Японии того или иного периода, затрагивали также и тот процесс, посредством которого принимались соответствующие решения. В качестве примеров таких работ, объектом которых является именно внешняя политика японского государства, в отечественной науке можно назвать труды В. О. Киста-

нова[16], М. И. Крупянко[17], Л. Н. Кутакова[18], Э. В. Молодяковой[19], Д. В. Петрова[20], а среди зарубежных исследователей — Р. Дрифте[21], Т. Иногути[22], М. Иокибэ[23], К. Того[24], Г. Хука[25].

Другой категорией работ, имеющих отношение к проблематике настоящего исследования, являются те публикации, авторы которых рассматривали процесс принятия решений в системе государственного управления Японии в целом (не обязательно ограничиваясь внешнеполитической сферой). Здесь можно назвать труды авторства или под редакцией Д. В. Стрельцова[26], Д. Кэмпбелла

[16] Кистанов В. О. Япония в АТР. Анатомия экономических и политических отношений. М.: Восточная литература, 1995. 336 с.

[17] Крупянко М. И. Япония в системе Восток — Запад: политика, экономика. М.: Наука, 1991. 246 с.

[18] Кутаков Л. Н. Внешняя политика и дипломатия Японии. М.: Международные отношения, 1964. 535 с.

[19] Внешняя политика Японии. История и современность: учеб. пособие / отв. ред. Э. В. Молодякова. М.: Восточная литература, 2008. 318 с.

[20] Петров Д. В. Япония в мировой политике. М.: Международные отношения, 1973. 296 с.

[21] Drifte R. Japan's Foreign Policy. New York: Council on Foreign Relations Press, 1990. 112 p.

[22] Inoguchi T. Japan's Foreign Policy in an Era of Global Change. New York: St. Martin's Press, 1993. 210 p.

[23] Иокибэ М. Сэнго Нихон гайко:си (Дипломатическая история послевоенной Японии). Токио: Ю:хикаку, 2014. 380 с.

[24] Того К. 50 лет японской дипломатии (1945–1995 гг.). М.: МФТИ, 1996. 175 с.; Togo K. Japan's Foreign Policy, 1945–2003. The Quest for a Proactive Policy. 2nd edition. Leiden, Boston: Brill, 2005. 484 p.

[25] Hook G. D. et al. Japan's International Relations. 3rd edition. New York: Routledge, 2012. 587 p.

[26] Стрельцов Д. В. Система государственного управления Японии в послевоенный период. М.: МАКС Пресс, 2002. 304 с.

и И. Шайнера[27], А. Малган[28], М. Накано[29], Т. Пемпеля[30], Х. Фукуи[31], Н. Икэда[32].

В то же время изучение именно внешнеполитического процесса как отдельного объекта исследования является относительно новым направлением для отечественного японоведения и востоковедения в целом. Фактически первой крупной работой, сосредотачивающейся на вопросах, аналогичных тем, что поднимаются в настоящем исследовании, на материале стран Азии, является опубликованная в 2011 г. под редакцией Д. В. Стрельцова коллективная монография «Внешнеполитический процесс в странах Востока»[33], одна из глав которой посвящена внешнеполитическому процессу в Японии. Другой значимой публикацией на эту тему является цитировавшаяся выше работа «Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ» Т. А. Алексеевой и А. А. Казанцева[34], где и рассматриваются теоретические вопросы анализа внешнеполитического процесса,

---

[27] Campbell J. C. Fragmentation and Power: Reconceptualizing Policy Making under Japan's 1955 System // Japanese Journal of Political Science. 2008. Vol. 9, Is. 1. P. 89–113.

[28] Mulgan A. G. Japan's Political Leadership Deficit // Australian Journal of Political Science. 2000. Vol. 35, No. 2. P. 183–202.

[29] Накано М. Гэндай Нихон но сэйсаку катэй (Политический процесс в современной Японии). Токио: То: кё: дайгаку сюппанкай (Издательство Токийского университета), 1992. 301 с.

[30] Policymaking in Contemporary Japan / ed. by T. J. Pempel. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1977. 345 p.

[31] Fukui H. Party in power. The Japanese liberal-democrats and policy-making. Berkeley: University of California Press, 1970. 301 p.; Fukui H. Economic Planning in Postwar Japan: A Case Study in Policy Making // Asian Survey. 1972. Vol. 12, No. 4. P. 327–348.

[32] Икэда Н. «Цуёсугиру Дзиминто:» но бё:ри. Ро:дзин сихай то Нихон кэй попюридзуму (Патология «слишком сильной ЛДП». Господство стариков и популизм по-японски). Токио: PHP Кэнкю: ся, 2016. 189 с.

[33] Внешнеполитический процесс в странах Востока / под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2011. 336 с.

[34] Алексеева Т. А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ.

и дается общая характеристика, в том числе, внешнеполитического процесса в Японии. Кроме того, проблемы внешнеполитического процесса на примере Японии или других стран Востока комплексным образом изучаются также в статьях Д. В. Стрельцова[35], В. Я. Белокреницкого[36], И. В. Дьячкова[37], Е. В. Колдуновой[38], П. И. Пашковского и Е. В. Крыжко[39].

Отдельной (хотя и близкой к указанным выше исследованиям) категорией являются те русскоязычные работы, объектом рассмотрения которых оказывается не столько японский внешнеполитический процесс в целом, сколько дипломатическая служба этой страны в частности. Здесь следует назвать прежде всего работы А. Н. Панова[40], а также опубликованное в 2015 г. под редакцией А. В. Торкунова и А. Н. Панова пособие «Дипломатическая служба зарубежных стран»[41].

---

[35] Стрельцов Д. В. Внешнеполитический процесс в современной Японии // Вестник МГИМО(У). 2010. № 1(10). С. 245–256.; Стрельцов Д. В. Внешнеполитический процесс на Востоке: некоторые подходы к методологии исследования // Вестник МГИМО(У). 2010. № 1(10). С. 145–152.

[36] Белокреницкий В. Я. Внешнеполитический процесс в Пакистане: внутренние и внешние детерминанты // Вестник МГИМО(У). 2010. № 1(10). С. 177–188.

[37] Дьячков И. В. Внешняя политика КНДР: специфические черты // Архитектура безопасности и сотрудничества в Восточной Азии. Доклады, представленные на IV Международной конференции молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 106–113.

[38] Колдунова Е. В. Внутренние факторы внешнеполитического процесса в Таиланде // Вестник МГИМО(У). 2010. № 1(10). С. 212–220.

[39] Пашковский П. И., Крыжко Е. В. Особенности внешнеполитического механизма Индии // Теории и проблемы политических исследований. 2017. № 2А. С. 248–262.

[40] Панов А. Н. Японская дипломатическая служба. М.: Международные отношения, 1988. 184 с.; Панов А. Н. Дипломатическая служба Японии и эволюция японо-советских и японо-российских отношений в послевоенный период (1945–1995 гг.): учеб. пособие. М.: МГИМО, 1994. 94 с.

[41] Дипломатическая служба зарубежных стран: учебник / под ред. А. В. Торкунова, А. Н. Панова. М.: Аспект Пресс, 2015. 400 с.

Однако в западной и японской науке вопросы, связанные с влиянием внутриполитических факторов на внешнеполитический курс Японии, ставились и ранее. Так, особого упоминания из англоязычных работ заслуживает вышедшая еще в 1977 г. коллективная монография «The Foreign Policy of Modern Japan» под редакцией Р. Скалапино[42], а также работы К. Заковски[43], К. Калдера[44], М. Майнора[45], Т. Нобаяси[46], Т. Пемпеля[47], Д. Пульезе[48], Х. Фукуи[49], Х. Ханаи[50], Т. Хосоя[51], Д. Хэйгана[52].

---

[42] The Foreign Policy of Modern Japan / ed. by R. A. Scalapino. Berkeley: University of California Press, 1977. 426 p.

[43] Zakowski K. Japan's Foreign Policy Making. Central Government Reforms, Decision-Making Processes, and Diplomacy. Cham, Switzerland: Springer International Publishing, 2018. 242 p.

[44] Calder K. E. Japanese Foreign Economic Policy Formation: Explaining the Reactive State // World Politics. 1988. Vol. 40, No. 4. P. 517–541.

[45] Minor M. Decision Models and Japanese Foreign Policy Decision Making // Asian Survey. 1985. Vol. 25, No. 12. P. 1229–1241.

[46] Нобаяси Т. Тайгай сэйсаку кэттэй катэй кэнкю: но син до:ко: о:ганидзэ:сёнару апуро:ти но итидзукэ (Новые направления в исследовании процесса принятия внешнеполитических решений: место организационного подхода) // До:сися Амэрика кэнкю: (Американские исследования в университете Досися). 1975. № 11. С. 73–80; Nobayashi T. Prime Minister, Bureaucracy and Ruling Party: Leadership Characteristics in Japan's Foreign Policy Decision-Making // The Doshisha Law Review. 1979. Vol. 30, Is. 5. P. 1–32.

[47] Pempel T. J. Japanese foreign economic policy: the domestic bases for international behavior // International Organization. 1977. Vol. 31, Is. 04. P. 723–774.

[48] Pugliese G. Kantei diplomacy? Japan's hybrid leadership in foreign and security policy // The Pacific Review. 2017. Vol. 30, Is. 2. P. 152–168.

[49] Fukui H. Too Many Captains in Japan's Internationalization: Travails at the Foreign Ministry // The Journal of Japanese Studies. 1987. Vol. 13, No. 2. P. 359–381.

[50] Ханаи Х. Син гайко: сэйсаку рон (Новая теория внешней политики). Токио: То: ё: кэйдзай симпося, 1998. 350 с.

[51] Hosoya C. Characteristics of the Foreign Policy Decision-Making System in Japan // World Politics. 1974. Vol. 26, Is. 3. P. 353–369.

[52] Hagan J. D. Foreign Policy by Coalition: Deadlock, Compromise, and Anarchy // International Studies Review. 2001. Vol. 3, No. 2. P. 169–216.

Отдельно следует выделить те труды, где основной акцент делается не столько на построении теоретической схемы или модели, характеризующей внешнеполитический процесс в целом, сколько на анализе этого процесса в рамках одного или нескольких конкретных примеров. Ввиду близости их методологической ориентации и подходов тем, на которые опирается и настоящее исследование, именно подобные работы представляют наибольший интерес с точки зрения ставящихся здесь цели и задач. Среди публикаций, в которых рассматриваются те или иные аспекты анализируемых ниже примеров внешнеполитического процесса, можно назвать:

По вопросу подготовки и ратификации Договора безопасности 1960 г. — работы Т. Аруга[53], Д. Миллер[54], Д. Пакарда[55], С. Хатано[56], Р. Элдриджа[57].

По вопросу «китайского шока Никсона» и нормализации японо-китайских отношений — работы Ч. Джонсона[58],

[53] Aruga T. The Problem of Security Treaty Revision in Japan's Relations with the United States: 1951–1960 // Hitotsubashi Journal of Law and Politics. 1985. № 13(02). P. 31–60.

[54] Miller J. M. Cold War Democracy. The United States and Japan. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2019. 358 p.

[55] Packard G. R. Protest in Tokyo: The Security Treaty Crisis of 1960. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1978. 423 p.

[56] Хатано С. Рэкиси тоситэ но нитибэй ампо дзё: яку: кимицу гайко: кироку га акасу «мицуяку» но кёдзицу (Японо-американский Договор безопасности как история: правда о «секретных соглашениях», которую показывают секретные протоколы переговоров). Токио: Иванами сётэн, 2010. 291 с.

[57] Eldridge R. D. The revision of the US-Japan security treaty and Okinawa: Factional and domestic political constraints on Japanese diplomacy in the 1950s // Japanese Diplomacy in the 1950s: From Isolation to Integration. London; New York: Routledge, 2008. P. 164–180.

[58] Johnson C. The Patterns of Japanese Relations with China, 1952–1982 // Pacific Affairs. 1986. Vol. 59, No. 3. P. 402–428.

М. Ёсии[59], Д. Менделя[60], С. Огата[61], Л. Фарнсуорта[62], Ф. Хои[63], Ц. Чжао[64], Г. Ф. Кунадзе[65]. По вопросу реакции Японии на войну в Персидском заливе — работы Е. В. Арутюняна[66], В. О. Кистанова[67], С. Такидзава[68], К. Паррингтона[69], А. Сибата[70], Т. Иногути[71], К. Ито[72], Т. Сёдзи[73], Д. Ямагути[74].

---

[59] Yoshii M. The Creation of the "Shock Myth": Japan's Reactions to American Rapprochement with China, 1971–1972 // The Journal of American-East Asian Relations. 2008. Vol. 15. P. 131–146.

[60] Mendel D. H. Sino-Japanese Relations in Crisis // China Report. 1972. Vol. 8, Is. 4. P. 18–27.

[61] Ogata S. Normalization with China. A Comparative Study of U.S. and Japanese Processes. Berkeley: Institute of East Asian Studies, University of California, 1988. 113 p.

[62] Farnsworth L. W. Japan: The Year of the Shock // Asian Survey. 1972. Vol. 12. No. 1. A Survey of Asia in 1971: Part I. P. 46–55.

[63] Hoey F. Sato, America and the Cold War: US-Japanese relations, 1964–72. New York: Palgrave Macmillan, 2015. 245 p.

[64] Zhao Q. Japanese Policymaking: The Politics Behind Politics. Informal Mechanisms and the Making of China Policy. Westport, Connecticut: Praeger, 1993. 230 p.

[65] Кунадзе Г. Ф. Японо-китайские отношения на современном этапе (1972–1982) М.: Наука, 1983. 184 с.

[66] Арутюнян Е. В. Политика Японии в регионе Персидского залива в период ирано-иракской войны и ирако-кувейтского конфликта // Япония 2015. Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 57–64.

[67] Кистанов В. О. Война в Персидском заливе и Япония // Япония 1991–1992. Ежегодник. М.: Наука: Восточная литература, 1994. С. 5–18.

[68] Такидзава С. Ванган сэнсо: ни миру гэндайсэйдзи (Современная политика через призму войны в Персидском заливе). Токио: Цукидзисёкан, 1992. 259 с.

[69] Purrington C. Tokyo's Policy Responses during the Gulf Crisis // Asian Survey. 1991. Vol. 31, No. 4. P. 307–323; Purrington C. Tokyo's Policy Responses During the Gulf War and the Impact of the "Iraqi Shock" on Japan // Pacific Affairs. 1992. Vol. 65, No. 2. P. 161–181.

[70] Shibata A. Japanese Peacekeeping Legislation and Recent Developments in U. N. Operations // Yale Journal of International Law. 1994. Vol. 19, Is. 2. P. 307–348.

[71] Inoguchi T. Japan's Response to the Gulf Crisis: An Analytic Overview // The Journal of Japanese Studies. 1991. Vol. 17, No. 2. P. 257–273.

[72] Ito K. The Japanese State of Mind: Deliberations on the Gulf Crisis // The Journal of Japanese Studies. 1991. Vol. 17, No. 2. P. 275–290.

[73] Сёдзи Т. Хо:ан сакусэй о мэгуру арасои. Гаймусё:то кокурэн хэйва кё:рёку хо:ан сакусэй катэй (Борьба вокруг составления законопроекта. Министерство иностранных дел и процесс составления законопроекта о миротворческом сотрудничестве с ООН) // Нэмпо: сэйдзигаку. 2011. № 62(2). С. 206–227.

[74] Yamaguchi J. The Gulf War and the Transformation of Japanese Constitutional Politics // The Journal of Japanese Studies. 1992. Vol. 18, No. 1. P. 155–172.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что настоящая работа не является прямым аналогом подобных исследований, поскольку главная ее цель — не столько максимально детальное рассмотрение конкретных ситуаций, сколько анализ на их примере общих характеристик внешнеполитического процесса, свойственных в том числе и другим аналогичным ситуациям.

Наконец, в качестве еще одной категории исследований, имеющих отношение к тематике настоящей работы, следует выделить те монографии и статьи, в которых рассматриваются те или иные характеристики политической системы послевоенной Японии, пусть и не обязательно имеющие непосредственное отношение именно к внешнеполитическому процессу. Из отечественных работ на эти темы можно назвать труды авторства или под редакцией В. Н. Еремина[75], И. А. Латышева[76], П. А. Павленко[77], В. Б. Рамзеса[78], Д. В. Стрельцова[79], С. В. Чугрова[80], а из зарубежных — ра-

[75] Еремин В. Н. Политическая система современного японского общества. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИВ РАН, 1993. 216 с.

[76] Латышев И. А. Правящая Либерально-демократическая партия Японии и ее политика. М.: Наука, 1967. 338 с.

[77] Павленко П. А. Либерально-демократическая партия.

[78] Япония без предвзятостей / отв. ред. В. Б. Рамзес. М.: Изд-во «Япония сегодня», 2003. 315 с.; Япония: полвека обновления / отв. ред. В. Б. Рамзес. М.: ТОЛК, 1995. 575 с.

[79] Политическая система современной Японии: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2013. 384 с.; Стрельцов Д. В. Современный японский парламент. М.: Наука, Восточная литература, 1994. 199 с.; Стрельцов Д. В. Система доминантной партии в Японии…; Стрельцов Д. В. Политическая коррупция в Японии…; Стрельцов Д. В. Партийная система современной Японии: от господства ЛДП до реальной многопартийности // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 3. С. 120–136; Стрельцов Д. В. «Система 1955 года»: внешняя и внутренняя политика Японии эпохи холодной войны. М.: ИВЛ, 2019. 239 с.

[80] Чугров С. В. Социокультурное пространство и внешняя политика современной Японии. М.: ИМЭМО РАН, 2007. 252 с.

боты Х. Бервальда[81], Ж. Буиссу[82], Г. Кёртиса[83], М. Коно[84], Д. Масуми[85], К. Оцука[86].

Стратегия настоящего исследования заключается в том, чтобы, опираясь на результаты анализа отдельных примеров внешнеполитического процесса в Японии периода «системы 1955 года», прийти к выводам относительно характерных черт внешнеполитического процесса рассматриваемого периода в целом. Применение подобного подхода представляется обоснованным, поскольку три изучаемых примера внешнеполитического процесса достаточно репрезентативны как с хронологической точки зрения, охватывая периоды, соответственно, начала, середины и конца существования «системы 1955 года», так и в плане того, какие именно проблемы стояли перед японской внешней политикой в том или ином случае: первая ситуация касается отношений Японии с США, вторая — с Китайской Народной Республикой (хотя отдельные ее аспекты затрагивают также и проблемы отношений с Соединенными Штатами и Тайванем), а в случае с третьей ситуацией — вставшие перед японской внешней политикой вопросы касались роли Японии в международном сообществе в целом.

В качестве конкретной аналитической схемы, позволяющей структурировать изучение внешнеполитическо-

[81] Baerwald H. H. Japan's Parliament. An Introduction. London; New York: Cambridge University Press, 1974. 155 p.

[82] Bouissou J. — M. Party factions and the politics of coalition: Japanese politics under the «system of 1955» // Electoral Studies. 2001. Vol. 20, No. 4. P. 581–602.

[83] Curtis G. L. The Logic of Japanese Politics. Leaders, Institutions, and the Limits of Change. New York: Columbia University Press, 1999. 303 p.

[84] Kohno M. Japan's Postwar Party Politics. Princeton: Princeton University Press, 1997. 172 p.

[85] Masumi J. The 1955 System in Japan and Its Subsequent Development // Asian Survey. 1988. Vol. 28, No. 3. P. 286–306.

[86] Оцука К. Нихон но сэйдзи бунка (Политическая культура Японии). Токио: Кэйсо:сёбо:, 2008. 277 с.

го процесса в каждом из трех рассматриваемых примеров, представляется целесообразным придерживаться подхода, примененного, в частности, в названной выше монографии «Внешнеполитический процесс в странах Востока», особенно в главе этой монографии, посвященной внешнеполитическому процессу в современной Японии[87]. Согласно этой схеме, основным содержанием анализа внешнеполитического процесса является изучение участия в нем и взаимодействия друг с другом различных задействованных в нем акторов — как индивидуальных (премьер-министр, министр иностранных дел и т. п.), так и институциональных, причем характер последних может быть и формальным (МИД, другие министерства и ведомства, политические партии), и неформальным (здесь наибольшую роль играют фракции и группировки внутри политических партий). При этом стоит подчеркнуть, что само определение тех или иных институциональных акторов зависит от конкретной ситуации и уровня ее анализа: так, безусловно, японский парламент в целом является важнейшим актором японской политики, но в рассматриваемых ситуациях, как будет показано ниже, имеет смысл сосредотачиваться не столько на роли во внешнеполитическом процессе парламента в целом, сколько на действиях отдельных групп его депутатов — будь то партии или внутрипартийные фракции. Наконец, отдельными важными факторами, которые должны приниматься во внимание, являются влияние на внешнеполитический процесс делового сообщества, а также общественного мнения в целом.

Состав источниковой базы исследования обусловлен необходимостью представления, по возможности, максимально целостной и объективной картины рассматриваемых событий и процессов. Для этого в работе, помимо прочего,

[87] Внешнеполитический процесс в странах Востока. С. 306–336.

используются различные официальные документы, заявления и публикации, протоколы мероприятий (в том числе протоколы заседаний японского парламента) и тексты выступлений политических деятелей. Отдельной и важной группой источников являются воспоминания и интервью политиков и чиновников, принимавших непосредственное участие в рассматриваемых событиях: С. Ёсида[88], Н. Киси[89], И. Коно[90], Т. Курияма[91], М. Кусуда[92], М. Орита[93], М. Тамба[94], А. Фудзияма[95].

Каждая из трех изучаемых ситуаций (подготовка и ратификация Договора безопасности 1960 г.; «шок Никсона» и нормализация японо-китайских отношений; реакция Японии на войну в Персидском заливе) рассматривается в отдельной главе. Каждая из глав имеет единообразную

[88] Yoshida S. The Yoshida Memoirs. The Story of Japan in Crisis. London: Heinemann, 1961. 302 p.

[89] Киси Н. Киси Нобусукэ кайкороку: хосю го: до: то ампо кайтэй (Воспоминания Киси Нобусукэ: объединение консервативных сил и пересмотр Договора безопасности). Токио: Косайдо сюппан, 1983. 643 с.

[90] Коно И. Ко: но Итиро: Дзидэн (Автобиография Коно Итиро). Токио: Токума сётэн, 1965. 269 с.

[91] Курияма Т. Сэнго Нихон гайко: кисэки то кадай (Послевоенная японская дипломатия: траектория и проблемы). Токио: Иванами сётэн, 2016. 271 с.

[92] Интабю:. Кусуда Минору си (Сато: Эйсаку сюсё: сэки хисёкан) [Интервью. Кусуда Минору (личный секретарь премьер-министра Сато Эйсаку)]. 16 ноября 1995 г. [Электронный ресурс] // The National Security Archive. The George Washington University. URL: https://nsarchive2.gwu.edu//japan/kusuda.pdf (дата обращения: 07.11.2021); Кусуда М. Сюсэки хисёкан. Сато: со: ри то но дзю: нэнкан (Главный секретарь. Десять лет с премьером Сато). Токио: Бунгэйсюндзю, 1975. 220 с.

[93] Орита М. Ванган сэнсо:, Футэмма мондай, Ираку сэнсо: : Гайко: сё:гэнроку (Война в Персидском заливе, проблема Футэмма, война в Ираке: дипломатические воспоминания). Токио: Иванами сётэн, 2013. 272 с.

[94] Тамба М. Вага гайко: дзинсэй (Моя дипломатическая жизнь). Токио: Тюокоронся, 2011. 196 с.

[95] Фудзияма А. Сэйдзи вага мити. Фудзияма Айитиро: кайсо:року (Мой путь в политике. Мемуары Фудзияма Айитиро). Токио: Асахи симбунся, 1976. 315 с.

структуру из трех параграфов. В первом параграфе дается общая характеристика значимости данной ситуации для внешней политики послевоенной Японии, а также описывается внутри- и внешнеполитический (по необходимости) фон, определявший, какую роль в процессе принятия внешнеполитических решений играли те или иные акторы и с какими ограничениями они были вынуждены считаться. Второй параграф дает характеристику процесса принятия внешнеполитических решений в рамках того или иного примера как центрального элемента внешнеполитического процесса. Наконец, в третьем параграфе приводятся выводы относительно специфики внешнеполитического процесса на примере рассмотренной ситуации. Содержание работы и выводы отдельных глав обобщаются в заключении, где также приводится краткий анализ возможных направлений дальнейшего исследования данной темы.

Специфика Японии и японского языка заставляет сделать ряд связанных с ней технических замечаний. Для транскрибирования японских слов в работе используется общепринятая в российском японоведении система Поливанова. В соответствии с устоявшейся практикой долгота гласных обозначается двоеточием в терминах и названиях работ, но не отражается в именах собственных, за исключением тех случаев, когда это имя входит в состав библиографического описания работы или источника на японском языке. Японоязычные термины и названия, не имеющие широкого употребления в отечественной литературе, выделяются курсивом. Японские имена записываются в полной форме в обычном для японского языка порядке: сначала фамилия, потом имя. Однако если имя обозначается инициалом, то он ставится перед фамилией (например: Киси Нобусукэ, где «Киси» — фамилия, а «Нобусукэ» — имя, но Н. Киси). При этом японские личные имена, вне зависимости от пола, не склоняются.

Глава 1

Японо-американский Договор безопасности[1] 1960 г.: от подготовки к ратификации

1.1. Внутри- и внешнеполитический фон разработки Договора безопасности 1960 г.

Одной из ключевых вех внешней политики Японии в период «системы 1955 года» были подготовка, подписание и ратификация японо-американского Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности[2], осуществленные правительством премьер-министра Киси Нобусукэ. Этот документ, до сих пор являющийся фундаментом все-

---

[1] В литературе и Договор безопасности 1951 г., и Договор о взаимном сотрудничестве и безопасности 1960 г. нередко называются просто «Договор безопасности» (англ.: Security Treaty; яп.: Ампо дзё:яку). Далее там, где иное не будет оговорено особо, так будет обозначаться именно подписанный 19 января 1960 г. Договор о взаимном сотрудничестве и безопасности.

[2] На английском языке: Treaty of Mutual Cooperation and Security Between Japan and the United States of America. Washington, January 19, 1960 [Electronic resource] // «The World and Japan» Database (Project Leader: TANAKA Akihiko). URL: http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/docs/19600119.T1E.html (date of access: 07.11.2021).

На японском языке: Нитибэй андзэн хосё: дзё:яку (син) (Нихон коку то Амэрика гассю:коку то но айда но со:го: кё:рёку оёби андзэн хосё: дзё:яку) ([Японо-американский договор безопасности (новый) (Договор о взаимном сотрудничестве и безопасности между Японией и Соединенными Штатами Америки)]. Вашингтон, 19.01.1960 [Электронный ресурс] // Дэ:та бэ:су «Сэкай то Нихон» (дайхё: : Танака Акихико) [База данных «Мир и Япония» (руководитель проекта: Танака Акихико)]. URL: http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/docs/19600119.T1J.html (дата обращения: 07.11.2021).

го комплекса военно-политических связей между Токио и Вашингтоном, был подписан 19 января 1960 г., заменив предыдущий японо-американский военно-политический пакт — Договор безопасности 1951 г.,[3] подписанный 8 сентября 1951 г., в один день с Сан-Францисским мирным договором.

Обсуждение ключевых положений нового договора в самой Японии оказалось далеко не простым. Недовольство оппозиционных сил и широкой общественности вылилось в крупнейшее за всю послевоенную историю Японии движение протеста, получившее в японской историографии название «борьбы против Договора безопасности», «*ампо то:со*». Но и внутри правящей Либерально-демократической партии процесс согласования ключевых положений договора выявил значительные разногласия, а то, какими методами правительство добилось ратификации этого документа в парламенте, спровоцировало сильнейшее сопротивление оппозиции, обвинявшей премьер-министра в бесцеремонном попрании демократических и парламентских норм. И даже хотя, несмотря на противодействие оппозиции и массовые протесты, в июне 1960 г. Договор безопасности был ратифицирован, сам Н. Киси был вынужден взять на себя ответственность за разразившийся политический кризис и вместе со своим Кабинетом уйти в отставку.

---

[3] На английском языке: Security Treaty Between Japan and the United States of America. San Francisco. 08.09.1951 [Electronic resource] // «The World and Japan» Database (Project Leader: TANAKA Akihiko). URL: http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/docs/19510908.T2E.html (date of access: 05.11.2021).

На японском языке: Нитибэй андзэн хосё: дзё:яку (кю:) (Нихонкоку то Амэрика гассю:коку то но айда но андзэн хосё: дзё:яку) [Японо-американский Договор безопасности (старый) (Договор безопасности между Японией и Соединенными Штатами Америки)]. Сан-Франциско, 08.09.1951 [Электронный ресурс] // Дэ:та бэ:су «Сэкай то Нихон» (дайхё: : Танака Акихико) [База данных «Мир и Япония» (руководитель проекта: Танака Акихико)]. URL: http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/docs/19510908.T2J.html (дата обращения: 05.11.2021).

Подобные драматические события, в которых активную роль приняли и различные силы внутри правящей партии, и парламентская оппозиция, и общественные движения, позволяют наглядно проследить функционирование внешнеполитического процесса в Японии начального периода существования «системы 1955 года», показать роль в нем различных политических акторов, их взаимоотношения, мотивацию и цели. Но прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению процесса подготовки нового Договора безопасности, необходимо дать краткую характеристику политического фона, на котором начали разворачиваться эти события и который определил их ход и результат.

О том, что Договор безопасности 1951 г. будет иметь временный характер, американская сторона говорила еще до его подписания. Так, во время своего визита в Японию в начале 1951 года занимавший тогда должность специального представителя президента США Джон Фостер Даллес подчеркивал, что готовившийся документ будет заменен полноценной системой коллективной безопасности, но сделано это будет тогда, когда Япония обретет необходимый для самообороны военный потенциал. Однако конкретизировать эти обещания Соединенные Штаты отказались: попытки японского правительства внести в текст первого Договора безопасности положение о десятилетнем сроке его действия закончились неудачей. Американская сторона отклонила это предложение Токио, ссылаясь опять-таки на временный характер готовившегося документа и ограничившись лишь содержащимся в статье 4 указанием на то, что договор прекратит свое действие, когда, по мнению правительств Японии и США, в силу вступит такая система безопасности Объединенных Наций или такие альтернативные индивидуальные или коллективные системы безопасности, кото-

рые удовлетворительным образом обеспечат поддержание Объединенными Нациями или другим образом международного мира и безопасности в районе Японии».

К замене Договора безопасности 1951 г. на новый документ японскую сторону толкало не только то, что и Токио, и Вашингтон с самого начала рассматривали это соглашение как временное. Целый ряд положений данного документа вызывал недовольство сил, представлявших различные части политического спектра Японии, не исключая и части представителей консервативного лагеря, недовольных теми положениями Договора 1951 г., которые ущемляли статус Японии как суверенного государства (к ним относились, в частности, статья 1, где говорилось о возможности использования американских войск для подавления внутренних беспорядков в Японии, и статья 2, запрещающая Японии без согласия Соединенных Штатов размещать у себя базы или допускать проход через свою территорию вооруженных сил третьих стран), а также тем, что этот документ формально не обязывал США защищать Японию в случае внешнего нападения. В особенности это касалось тех консервативных политиков, которые стояли в оппозиции представлявшему Либеральную партию премьер-министру Ёсида Сигэру, возглавлявшему японское правительство сначала в 1946–1947 гг., а потом в 1948–1954 гг.

В отличие от проамерикански настроенного С. Ёсида, считавшего, что Японии следует полагаться на гарантии США в сфере национальной безопасности и сосредоточить все ресурсы на экономическом развитии (как уже упоминалось выше, эта точка зрения получила название «доктрины Ёсида»), его оппоненты стояли на более националистических позициях и ратовали за перевооружение Японии, пересмотр «мирной» конституции и более независимую внешнюю политику. Центральной фигурой среди консерва-

торов подобного толка был Хатояма Итиро, возглавлявший другую крупную консервативную политическую силу — Демократическую партию — и сменивший С. Ёсида на посту премьер-министра в декабре 1954 г.[4]

Впрочем, разногласия между двумя крупнейшими консервативными партиями Японии того периода не стоит переоценивать: именно во время премьерского срока И. Хатояма в ноябре 1955 г. произошло слияние этих двух ведущих консервативных сил в единую Либерально-демократическую партию (ЛДП), остававшуюся у власти до 1993 г. Противоречия между различными группировками японских консерваторов по вопросам внешней и внутренней политики сохранялись и после образования ЛДП, но теперь они уже проявляли себя как дискуссии между внутрипартийными фракциями.

Несмотря на стремление и правящих кругов, и оппозиции, и широкой общественности добиться в той или иной форме пересмотра условий японо-американского сотрудничества, прописанных в Договоре 1951 г., первые попытки Японии получить согласие американской стороны на этот шаг, предпринятые в середине 1950-х годов, успехом не увенчались. В конце августа 1955 г., еще до образования единой ЛДП, Сигэмицу Мамору, министр иностранных дел правительства И. Хатояма, посетил Вашингтон в сопровождении двух других видных консервативных политиков — Киси Нобусукэ, в то время генерального секретаря Демократической партии, и Коно Итиро, занимавшего должность министра сельского хозяйства.

М. Сигэмицу объяснил американской стороне, что японское общество считает Договор безопасности 1951 г. неравноправным, и предложил госсекретарю Д. Ф. Даллесу пе-

[4] Aruga T. The Problem of Security Treaty Revision. P. 37–40.

ресмотреть это соглашение. Тот, однако, ответил отказом. Аргументация американской стороны заключалась в том, что пункт 3 принятой 11 июня 1948 г. резолюции Сената США № 239, известной также как Резолюция Ванденберга[5], допускал участие США только в таких международных соглашениях в сфере безопасности, которые были бы основаны на «продолжительной и эффективной самопомощи и взаимопомощи». А поскольку конституционные ограничения (в частности, «пацифистская» 9-я статья Конституции 1947 г.) и общественное мнение не позволяли Японии взять на себя оборонительные обязательства, выходящие за рамки ее собственных границ, то и США, в свою очередь, не могли пойти на то, чтобы официально принять на себя обязанность защищать Японию в случае внешнего нападения[6]. Это привело к тому, что в совместном заявлении, принятом по итогам переговоров Сигэмицу и Даллеса, хотя и говорилось о перспективе замены действующего Договора безопасности на более равноправный документ, но это увязывалось с принятием Японией на себя большего объема обязанностей по обороне собственной территории[7].

Как уже было упомянуто выше, примерно в то же время в Японии складывается партийная система, доминирующую роль в которой играла единая Либерально-демократическая партия. Но господство либерал-демократов было

[5] U. S. Senate Resolution 239. 80th Congress, 2nd Session, 11th June 1948 (The Vandenberg Resolution) [Electronic resource] // North Atlantic Treaty Organization. URL: https://www.nato.int/ebookshop/video/declassified/doc_files/Vandenberg%20resolution.pdf (date of access: 02.11.2021).

[6] Aruga T. The Problem of Security Treaty Revision. P. 41.

[7] Сигэмицу гаймудайдзин то Дарэсу бэйкокумутё:кан но кё:до: сэймэй (Совместное заявление министра иностранных дел Сигэмицу и госсекретаря США Даллеса). 31.08.1955 [Электронный ресурс] // Дэ:та бэ:су «Сэкай то Нихон» (дайхё:: Танака Акихико) [База данных «Мир и Япония» (руководитель проекта: Танака Акихико)]. URL: http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/JPUS/19550831.D1J.html (дата обращения: 03.11.2021).

далеко не абсолютным. Второй крупнейшей политической силой в стране стала Социалистическая партия Японии (СПЯ), сформированная в октябре 1955 г. в результате преодоления длившегося с 1951 г. раскола Социалистической партии на Левую СПЯ и Правую СПЯ. При этом парламентский вес воссоединившейся Социалистической партии Японии был весьма значительным: так, на выборах в палату представителей 22 мая 1958 г. из 467 мест ЛДП получила 287 (61,5%), а СПЯ — 166 (35,5%), притом что другая левая партия, Коммунистическая партия Японии (КПЯ), смогла завоевать лишь одно место[8].

Все это вело к тому, что вторая половина 1950-х годов в Японии оказалась временем острой политической борьбы как в стенах парламента, так и за его пределами. Попытка правительства Хатояма Итиро, занимавшего пост премьер-министра до декабря 1956 г., добиться пересмотра избирательной системы и введения одномандатных округов вместо системы «средних избирательных округов» потерпела неудачу именно из-за противодействия оппозиции. А ряд других законопроектов, касавшихся, в частности, поправок в законодательство об Управлении национальной обороны (УНО) и Силах самообороны Японии (ССЯ), а также реформы образовательной системы, хотя и стали законами, но, тем не менее, все равно столкнулись с жестким и продолжительным сопротивлением со стороны оппозиции[9].

Противостояние между стоящими у власти представителями консервативного лагеря, с одной стороны, и оппо-

[8] Persons Elected and Votes Polled by Political Parties of Elections for the House of Representatives (1958–1993) [Electronic resource] // Statistics Japan. URL: http://www.stat.go.jp/data/chouki/zuhyou/27–08-a.xls (date of access: 14.02.2019).

[9] The Cambridge History of Japan. Vol. 6. The Twentieth Century / ed. by P. Duus. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 186.

зиционными прогрессивными[10] силами — с другой было, впрочем, далеко не единственной существенной разделительной линией в японской политике. Именно со второй половины 1950-х годов в ЛДП окончательно формируется существующая и поныне система фракций. До этого если и можно было говорить о фракционном противостоянии внутри консервативной части политического спектра, то оно, по сути, сводилось к борьбе между лагерем сторонников С. Ёсида и его оппонентами, среди которых наиболее влиятельной фигурой был И. Хатояма. Но с рубежа, определяемого пребыванием на посту премьер-министра Т. Исибаси (1956–1957) и Н. Киси (1957–1960), в единой ЛДП складывается система фракций, получившая образное название «восьми армий» (*хаккосидан*) и состоявшая из фракций Киси[11], Икэда, Сато, Оно, Коно, Мики (также известна как фракция Мики-Мацумура), Исии, Исибаси.

Конкуренция между фракциями сопровождалась постоянным образованием и распадом их тактических коалиций, поскольку ни одна фракция не могла монополизировать все партийные и правительственные посты, притом что в соответствии с негласным правилом фракционная борьба допускалась лишь при условии, что она не будет вести к образованию новых партий. Вследствие этого в ЛДП существовало деление на фракции «основного течения» (*сюрю:ха*), которые поддерживали действующего председателя партии,

[10] Традиционным для японской политики является деление политического спектра именно на «прогрессивную» и «консервативную» части. В настоящей работе эти термины используются без каких-либо оценочных коннотаций.

[11] Фракции, формально организованные как «общества», «исследовательские советы» и т. п., имели и свои названия. Так, например, фракция Н. Киси называлась «Тоока кай» («Общество десятого числа/дня»). Тем не менее, поскольку эти наименования, как правило, не обладают особенной содержательностью для стороннего наблюдателя и поскольку одна и та же фракция могла менять названия, в прессе и в научной литературе они чаще всего обозначаются по имени своего лидера.

и партийную оппозицию — «антиосновное течение» (*хансюрю:ха*)[12].

Статус той или иной фракции в качестве части, соответственно, «основного» или «антиосновного» течения мог меняться очень быстро. Так, на момент начала премьерского срока Н. Киси в феврале 1957 г. к числу его сторонников и, таким образом, к «основному течению» принадлежали, помимо его собственной фракции, также фракции Сато, Коно и Оно, а к «антиосновному» — фракции Икэда, Исибаси, Мики-Мацумура и Исии, но уже к концу его срока фракция Коно перешла в оппозицию премьеру, а ее место в «основном течении» заняла фракция Икэда[13].

В этих условиях противостояния как между консервативными и прогрессивными политическими силами, так и внутри правящей ЛДП Япония подходила к началу подготовки нового соглашения с Соединенными Штатами, что и стало определяющим фактором сложности и противоречивости связанного с этим внешнеполитического процесса.

1.2. Процесс принятия внешнеполитических решений в Японии в связи с подписанием Договора безопасности 1960 г.

Пересмотр условий японо-американского сотрудничества по-настоящему стал приоритетной внешнеполитической задачей японского правительства лишь после того, как вслед за пришедшим на смену И. Хатояма Исибаси Тандзан (он занимал пост премьера всего около двух

[12] Павленко П. А. Либерально-демократическая партия. С. 33–34.

[13] Накамура Т. Сё:ва си. Гэ (1945–89) [История Сёва. Т. 2 (1945–1989 гг.)]. Токио: Тоё: кэйдзай симпося, 2012. С. 628–630.

месяцев и ушел в отставку из-за проблем со здоровьем) в феврале 1957 г. премьер-министром становится Киси Нобусукэ. Во время Второй мировой войны Н. Киси был членом Кабинета Тодзё Хидэки, а после поражения Японии по подозрению в совершении военных преступлений провел несколько лет в токийской тюрьме Сугамо. Тем не менее в 1948 г. на волне проводившегося оккупационными властями «обратного курса» Н. Киси был освобожден и, вернувшись в политику, стал одним из самых проамерикански настроенных политических деятелей Японии[14], что, впрочем, не мешало ему в определенной степени оставаться и националистом, мечтавшим о восстановлении военной мощи и международного престижа Японии[15]. С декабря 1956 г. Н. Киси занимал должность министра иностранных дел в правительстве Т. Исибаси и первое время после занятия поста премьер-министра оставил этот портфель у себя. Однако в июле 1957 г. на должность министра иностранных дел был назначен Фудзияма Айитиро — крупный промышленник, близкий соратник и политический спонсор Н. Киси.

Активизации вопроса о пересмотре юридической основы сотрудничества Токио и Вашингтона в конце 1950-х годов способствовал целый ряд факторов. Вследствие нормализации советско-японских отношений качественно изменилось международное положение Японии: благодаря подписанию Совместной Декларации 19 октября 1956 г. Токио вновь установил полноценные дипломатические отношения с Москвой, и Япония смогла вступить в ООН, реше-

[14] Schaller M. America's Favorite War Criminal: Kishi Nobusuke and the Transformation of U.S. — Japan Relations // Japan Policy Research Institute. 1995. Working Paper No. 11: July. URL: http://www.jpri.org/publications/workingpapers/wp11.html (date of access: 20.01.2018).

[15] Накамура Т. Сё:ва си. С. 631.

ние о чем было принято Генеральной Ассамблеей 18 декабря 1956 г.[16]

Официальный Токио занял более активную позицию по вопросу наращивания собственного оборонительного потенциала. Это выразилось в принятии в июне 1957 г. первого «Плана развития оборонного потенциала» (*Бо:эйрёку сэйби кэйкаку*), рассчитанного на период 1958–1960 гг. и предусматривавшего увеличение численности Сухопутных ССЯ до 180 000 военнослужащих, тоннажа кораблей Морских ССЯ — до 124 тыс. тонн, а численности Воздушных ССЯ — до 1300 самолетов[17]. При этом успехи японской экономики доказывали, что наращивание оборонительных возможностей может опереться на прочную базу. Фактически именно к концу 1950-х годов сформировалось своеобразное «разделение труда» между японскими и американскими вооруженными силами, в общих чертах существующее и по сей день: первые все в большей степени брали на себя ответственность за обеспечение безопасности собственно японской территории, в то время как вторые обеспечивали Японии гарантии безопасности в форме «ядерного зонтика» и поддерживали потенциал проекции силы в регионе Дальнего Востока в целом[18]. Таким образом, требования о создании собственного военного потенциала, выдвигавшиеся

[16] Резолюция ГА ООН 1113 (XI). Прием Японии в члены Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/1113(XI) (дата обращения: 13.11.2021).

[17] Бо:эйрёку сэйби мокухё: ни цуитэ (дай 1 дзи бо:) [О целях развития оборонного потенциала (Первый план развития оборонного потенциала)]. Какуги рё:кай [Решение Кабинета министров]. 14 июня 1957 г. (Электронный ресурс) // Национальная библиотека Парламента Японии. URL: https://rnavi.ndl.go.jp/politics/entry/bib01273.php (дата обращения: 03.11.2021).

[18] Нелидов В. В. Полвека японо-американскому Договору безопасности: некоторые итоги и перспективы // Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политические, экономические и социально-культурные аспекты. М.: Восточная литература, 2009. С. 76.

Вашингтоном в качестве условия пересмотра положений Договора безопасности 1951 г. в сторону большего равноправия, могли быть выполнены хотя бы отчасти.

Наконец, играл свою роль и личный фактор: как подчеркивает японский историк Аруга Тадаси, американская сторона доверяла Н. Киси гораздо больше, чем двум его предшественникам на посту премьера, И. Хатояма и Т. Исибаси, а по сравнению с С. Ёсида Н. Киси был в большей степени нацелен на повышение роли Японии в ее союзе с США. Это означало, что ради сохранения у власти готового следовать за Соединенными Штатами Н. Киси Вашингтон был готов на уступки и по вопросу о пересмотре положений Договора безопасности 1951 г. Изменение отношения американской стороны было наглядно продемонстрировано, когда в июне 1957 г. Н. Киси, теперь уже в должности премьер-министра, прибыл с визитом в США. Определенного решения относительно пересмотра юридической основы японо-американского сотрудничества в тот раз официально принято не было (хотя на неофициальном уровне соответствующие заверения и давались), но госсекретарь Д. Ф. Даллес отнесся к предложениям Н. Киси с гораздо большим пониманием, нежели за два года до того — к предложениям министра иностранных дел М. Сигэмицу[19].

Свидетельством изменения отношения американской стороны к вопросу пересмотра положений Договора безопасности было то, что в принятом по итогам визита совместном заявлении премьер-министра Н. Киси и президента Д. Эйзенхауэра было подтверждено, что Договор безопасности 1951 г. является временным документом, который не должен остаться в его текущем виде навсегда[20].

[19] Aruga T. The Problem of Security Treaty Revision. P. 43–44.

[20] Joint Communique of Japanese Prime Minister Kishi and U.S. President Eisenhower Issued on January 19, 1960. Washington [Electronic resource] // «The

Среди конкретных результатов визита было и учреждение Японо-американского комитета по вопросам безопасности (*Андзэн хосё: ни кансуру нитибэй иинкай*), призванного «обсуждать вопросы, возникающие в связи с Договором безопасности». Японскую сторону в этом органе представляли министр иностранных дел и начальник Управления национальной обороны, а также, в случае необходимости, другие министры. Со стороны США в состав комитета вошли: американский посол в Японии, командующий Тихоокеанским флотом и в качестве заместителя последнего — командующий силами США в Японии[21].

Тем не менее активное обсуждение вопроса о пересмотре положений Договора безопасности 1951 г. в самой Японии началось только в следующем 1958 г., после прошедших 22 мая 1958 г. выборов в палату представителей, на которых правящая ЛДП, как указывалось выше, смогла получить 287 из 467 (61,5%) мест. Как отмечал в своих мемуарах А. Фудзияма, для самого Н. Киси, заручившегося благодаря успеху своей партии на выборах необходимой поддержкой со стороны избирателей, пересмотр условий Договора безопасности изначально был не самоцелью, а лишь частью спланированной им политической комбинации. Премьер-министр надеялся решить эту значимую для Японии проблему, закрепить успех, организовав визит в Японию президента Д. Эйзенхауэра — это должно было продемонстрировать и японскому народу, и международному сообществу успех сотрудничества Токио и Вашингтона — и благодаря этим

World and Japan». Database (Project Leader: TANAKA Akihiko). URL: http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/JPUS/19600119.D1E.html (date of access: 07.11.2021).

[21] Гаймусё: но хяку нэн. Гаймусё: хяку нэн си хэнсан иинкай хэн (Сто лет Министерства иностранных дел. Под редакцией Комитета по составлению столетней истории Министерства иностранных дел). Т. 2. Токио: Хара сёбо:, 1969. С. 938–939.

достижениям гарантировать себе длительное пребывание на посту премьер-министра[22].

Летом 1958 г. было принято решение о визите министра иностранных дел А. Фудзияма в США. В преддверии этой поездки министр проводил в Токио неформальные консультации с послом США Дугласом Макартуром II (племянником знаменитого военачальника) относительно того, в какой именно форме следует реализовать пересмотр положений Договора безопасности 1951 г. Первоначально рассматривались три варианта: заключение нового договора, внесение изменений в существующий договор либо же сохранение существующего договора при унификации его толкования путем обмена нотами, обнародования совместных заявлений и т.п[23].

Занимавший тогда должность директора департамента международных договоров МИД Японии Такахаси Мититоси позже сообщал, что в самом Министерстве иностранных дел склонялись скорее ко второму варианту, поскольку заключение нового договора оказалось бы наиболее сложной с дипломатической и политической точек зрения задачей: для этого потребовалось бы и пересмотреть значительное по объему Административное соглашение, и пройти непростую процедуру ратификации нового договора в парламенте. Однако премьер Н. Киси выступал за первый вариант, и именно его мнение оказалось решающим. Когда 1 августа 1958 г. состоялась встреча Н. Киси, А. Фудзияма и посла Макартура в официальной резиденции японского министра иностранных дел, Д. Макартур перечислил в качестве возможных три указанных выше варианта и поинтересовался, какой из них предпочла бы японская сторона. В ответ

[22] Фудзияма А. Сэйдзи вага мити. С. 61.

[23] Гаймусё: но хяку нэн. С. 941.

на это Н. Киси уверенно ответил, что желаемым для Токио вариантом является именно заключение нового договора[24]. Таким образом, решение относительно конкретной юридической формы пересмотра этого документа было принято премьер-министром практически единолично, вопреки мнению внешнеполитического ведомства.

Визит А. Фудзияма в США состоялся в сентябре 1958 г. В ходе прошедших переговоров госсекретарь Д. Ф. Даллес согласился с тем, что за прошедший с момента заключения Договора безопасности 1951 г. срок ситуация в мире изменилась, выразил удовлетворение устойчивостью японо-американских связей в сфере безопасности, а также высказал принципиальное согласие с предложением японской стороны начать подготовку нового договора[25].

Это позволило открыть официальные японо-американские переговоры относительно содержания нового документа, первый раунд которых прошел в Токио 4 октября 1958 г. и которые первоначально проводились с периодичностью примерно раз в месяц. Японскую делегацию на первой встрече возглавлял сам Н. Киси, но впоследствии эта обязанность была возложена на А. Фудзияма. С американской стороны главным переговорщиком был посол Макартур[26]. При этом, как это часто бывает в японской политике, где наиболее важные вопросы решаются не на официальных переговорах, а на закулисных совещаниях, имели место и неформальные встречи между американскими и японскими представителями, которые для сохранения секретности

[24] Фудзияма А. Сэйдзи вага мити. С. 61–62.

[25] Memorandum of Conversation. Washington, 11.09.1958, 2–4:20 p. m. [Electronic resource] // Office of the Historian, Bureau of Public Affairs. United States Department of State. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958–60v18/d26 (date of access: 07.11.2021).

[26] Гаймусё: но хяку нэн. С. 943.

и недопущения утечек в прессу проводились в токийском отеле «Тэйкоку»[27].

Хотя инициатива начала переговоров и определения общей формы нового документа и принадлежала лично Н. Киси, техническую работу по определению деталей будущего соглашения выполняли кадровые сотрудники Министерства иностранных дел. Для решения этих задач еще перед началом переговоров в МИД Японии была создана рабочая группа, главным образом с участием специалистов из американского департамента и департамента международных договоров, целью которой была проработка вопросов, которые имели особую значимость для японской стороны[28].

Претензии официального Токио к Договору безопасности 1951 г. и, соответственно, цели японской делегации на переговорах, согласно официальному ежегодному докладу МИД Японии за 1959 г. (позже, с 1987 г., такие публикации стали официально называться «Синяя книга дипломатии Японии» — «*Гайко: сэйсё*»), заключались в следующем.

Во-первых, недовольство японской стороны вызывало то, что, несмотря на право США размещать свои войска в Японии, на американскую сторону по-прежнему не возлагалось обязательство защищать Японию от внешнего нападения. Как вспоминает С. Ёсида, японская сторона пыталась включить такой пункт еще в Договор безопасности 1951 г. Однако тогда американская сторона не приняла это предложение, ссылаясь на то, что практически полное отсутствие у Японии собственного военного потенциала не позволяло внести в соглашение какие бы то ни было взаимные гарантии безопасности, и приводя в качестве дополнительного аргумента тот довод, что, если третья страна вторгнется на

[27] Фудзияма А. Сэйдзи вага мити. С. 77.

[28] Там же. С. 75.

территорию Японии, размещенные там американские войска в любом случае окажутся вынуждены оказать сопротивление[29].

Во-вторых, в документе 1951 г. не прописывался вопрос о консультациях американской стороны с Японией по вопросам использования размещенных на японской территории сил для «поддержания мира и безопасности на Дальнем Востоке».

В-третьих, старый договор предоставлял США полную свободу в вопросе определения вооружения и оснащения размещенных в Японии войск, что создавало возможность ввоза на японскую территорию американского ядерного оружия вопреки воле японской стороны.

В-четвертых, положения документа не вполне соответствовали статусу Японии как суверенной страны, что, в частности, выражалось в том, что в нем содержалось положение о возможности использования американских войск для подавления внутренних беспорядков в Японии, а также запрет на размещение Японией на своей территории военных баз третьих стран без разрешения американской стороны.

В-пятых, в статьях старого Договора безопасности не оговаривалось соотношение этого японо-американского соглашения и Устава ООН, в частности его статьи 51, дающей членам организации право на индивидуальную и коллективную самооборону[30].

В-шестых, в договоре не были прописаны срок его действия и процедуры выхода из него[31].

---

[29] Yoshida S. The Yoshida Memoirs. P. 266–267.

[30] Устав ООН (Электронный ресурс) // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html (дата обращения: 14.11.2021).

[31] Нитибэй андзэн хосё: дзё:яку кайтэй мондай (Проблема пересмотра японо-американского Договора безопасности) [Электронный ресурс] // Гаймусё:. Вага гайко: но кинкё: (дай 3 го:). Сё:ва 34 нэн 3 гацу. (МИД Японии.

То, что ключевые решения относительно определения желаемого формата и содержания будущего Договора безопасности принимались либо лично премьер-министром Н. Киси, либо министром иностранных дел А. Фудзияма при содействии узкого круга сопровождавших их на переговорах с американской стороной сотрудников Министерства иностранных дел, вовсе не означало, что иные силы японского политического мира не проявляли интереса к ходу переговоров и содержанию разрабатывавшегося документа.

Попытки повлиять на этот процесс предпринимались прежде всего различными влиятельными политиками и возглавляемыми ими фракциями внутри правящей ЛДП. При этом активные усилия для того, чтобы инкорпорировать свои требования в новый Договор безопасности, партийные лидеры начали предпринимать уже после того, как начались японо-американские переговоры. Так, 2 октября 1958 г., за два дня до первой встречи делегаций в Токио, ЛДП согласилась с тем, чтобы основную роль в ведении переговоров играло правительство. Но уже через четыре дня, 6 октября, на собрании членов парламента от ЛДП было высказано настоятельное требование оставить окончательное решение по новому договору за партией[32].

Недовольство договором 1951 г. выражали многие внутрипартийные группировки, но четкий консенсус относительно того, каким должно быть содержание нового соглашения, в партии отсутствовал. Правое крыло ЛДП считало, что договор мешает возрождению военной мощи Японии, в то время как представители левого крыла, наоборот, под-

Нынешнее состояние дипломатии Японии. Вып. 3. Март 1959 года). URL: http://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/1959/s34–1–2.htm#c (дата обращения: 05.11.2021).

[32] Гаймусё: но хяку нэн. С. 942.

черкивали те опасности, которыми сопровождалось сохранение военного союза с США.

Подлило масла в огонь дискуссии и заявление сохранявшего значительное влияние в партии Ёсида Сигэру, в сентябре 1958 г. (т. е. практически одновременно с визитом А. Фудзияма в США) выразившего несогласие с пересмотром положений Договора безопасности 1951 г. По мнению бывшего премьер-министра, «было бы глупо […] пересмотреть Договор безопасности и сократить количество американских войск в Японии». Как предполагает А. Фудзияма, для С. Ёсида здесь присутствовали и личные мотивы: Договор 1951 г., заключенный в период его премьерства, он считал в некотором смысле собственным детищем, а напряженные личные отношения с готовившимся ликвидировать это соглашение Н. Киси еще более подогревали скептицизм влиятельного бывшего премьер-министра.

Поскольку С. Ёсида первоначально выступал против заключения нового договора, то и многие его соратники по бывшей Либеральной партии (в частности, фракции Икэда и Исии) последовали его примеру и первоначально заняли осторожную позицию, в целом соответствующую духу позиции С. Ёсида, считавшего, что Японии следует полагаться прежде всего на гарантии безопасности со стороны США и избегать самостоятельных активных шагов в военной сфере. Их аргументы сводились к тому, что, поскольку США не торопятся с пересмотром положений старого Договора безопасности, то и Японии не следует спешить с этим, по крайней мере до тех пор, пока можно по-прежнему продолжать пользоваться выгодами статус-кво за счет американской стороны. Действия же работавших над новым договором Н. Киси и А. Фудзияма, по их мнению, могли привести

к потере этих выгод и потому были преждевременными и ненужными[33].

Разногласия в рядах правящей партии касались не только того, пришло ли время заключать новый договор взамен Договора безопасности 1951 г. или же Японии следует, напротив, занять выжидательную позицию. Среди спорных вопросов была оценка положения о возможности использования американских войск для подавления «внутренних беспорядков»: так, занимавший с января по июнь 1959 г. должность начальника Управления национальной обороны Ино Сигэдзиро считал, что не следует ликвидировать это положение полностью и что стоит оставить возможность задействования американских войск при подавлении крупномасштабных бунтов[34].

Другим существенным поводом для разногласий, как признавал генеральный секретарь ЛДП Фукуда Такэо, был вопрос о том, следует ли включать в сферу действия нового договора острова Окинава и Огасавара (Бонин), в то время находившиеся под управлением США[35]. Близкие к партии Кайсинто («Реформистская партия», существовавшая в 1952–1954 гг. и влившаяся в Демократическую партию) Мацумура Кэндзо и Мики Такэо, стоявшие во главе одной из фракций правящей партии, однозначно возражали против такого шага, считая, что включение этих территорий в сферу действия нового договора откроет путь к пре-

[33] Фудзияма А. Сэйдзи вага мити. С. 93–94.

[34] «Найран дзё:ко:» ва сакудзё. Ампо кайтэй, Фудзияма, Ино: кайдан дэ идти (Ликвидация «статьи о внутренних беспорядках». Пересмотр договора безопасности, на встрече Фудзияма и Ино достигнуто согласие) // Асахи симбун. 21.02.1959, вечерний выпуск. С. 1.

[35] Райсю: ни мо то:най тё:сэй. Фукуда кандзитё: катару ампо дзё:яку кайтэй дэ (Генеральный секретарь Фукуда: по вопросу пересмотра Договора безопасности внутрипартийные согласования будут и на следующей неделе) // Асахи симбун. 29.01.1959, вечерний выпуск. С. 1.

вращению сотрудничества Японии и США в полноценный военный союз и, соответственно, повысит риск вовлечения Японии в вооруженные конфликты. Другие деятели ЛДП, среди которых были Коно Итиро, Икэда Хаято и Сато Эйсаку, наоборот, настаивали, что если эти территории не будут включены в сферу действия нового договора, то и смысла подписывать этот документ нет[36].

Особенно настойчиво тезис о включении этих территорий отстаивал Коно Итиро, на одной из своих встреч с послом Макартуром утверждавший, что, если в новом документе не будет упомянут «потенциальный суверенитет» Японии над Окинавой, это создаст для Японии риск потери этой территории в будущем[37]. При этом, однако, И. Коно подчеркивал, что хотя Окинава и Огасавара и должны быть включены в сферу действия нового Договора безопасности, но обязанность защищать эти территории Япония должна нести только тогда, когда США вернут ей контроль над ними[38].

Сам министр иностранных дел А. Фудзияма был противником расширения сферы действия договора на эти территории, хотя на переговорах с американской стороной и подтверждал, что если Окинаве потребуется помощь и если усилий размещенных там американских войск окажется недостаточно, то Япония окажет содействие если не военными, то какими-либо другими способами[39].

---

[36] Фудзияма А. Сэйдзи вага мити. С. 95.

[37] Коно И. Ко:но Итиро: Дзидэн (Автобиография Коно Итиро). С. 263–264.

[38] Окинава, Огасавара фукумэё. Ампо тиики, Ко:но си, Ма тайси ни кё:тё: (Включите Окинаву и Огасавару в сферу действия Договора безопасности, — настаивает г-н Коно в беседе с послом Макартуром) // Асахи симбун. 21.01.1959, утренний выпуск. С. 1.

[39] Фудзияма А. Сэйдзи вага мити. С. 82.

В конечном счете возобладала именно позиция А. Фудзияма: США согласились с тем, что в новом договоре вопросы о включении в сферу его действия Окинавы и Огасавары, а также об отправке Сил самообороны за рубеж упоминаться не будут. В окончательном тексте сфера действия договора была определена в статье 5, гласящей, что «каждая сторона признает, что вооруженное нападение на любую из сторон на территориях, находящихся под управлением Японии, представляет опасность для ее собственного мира и безопасности». Фраза «на территориях, находящихся под управлением Японии» позволила создать основание для автоматического распространения сферы действия Договора безопасности на Окинаву и Огасавару после того, как эти территории будут возвращены Японии.

Ситуацию для правительства усугубляло и то, что протест против планов заключить новый японо-американский договор переплетался с выступлениями и парламентской оппозиции (прежде всего в лице Социалистической партии Японии (СПЯ) и Коммунистической партии Японии (КПЯ)), и широкой общественности против еще одной инициативы Кабинета Киси — попытки принятия внесенных на рассмотрение парламента 8 октября 1958 г. поправок в Закон о полицейской службе, существенно расширявших полномочия правоохранительных органов. По мнению оппонентов правительства, реализация этого плана, дававшего полиции право, к примеру, делать предупреждения в случае, если преступление, по ее мнению, только может быть совершено, привела бы к настолько существенному ущемлению прав и свобод граждан, что, как утверждали СПЯ и близкий к ней Генеральный совет профсоюзов Японии (в русско- и англоязычной литературе его часто называют просто «Сохё», по сокращению от японского названия «*Нихон ро:до:кумиай со:хё: гикай*»), это стало бы «законом, ко-

торый будет мешать даже ходить на свидания». При этом их опасения относительно скрытых намерений правительства были не вполне беспочвенными: как отмечает японский историк Накамура Такафуса, и сам Н. Киси рассматривал этот законопроект как инструмент ограничения массовых протестов, которые, как он ожидал, вызовет пересмотр условий японо-американского Договора безопасности[40].

То, что соответствующий законопроект был внесен в парламент практически одновременно с началом официальных японо-американских переговоров по новому Договору безопасности, создало существенные трудности для правительства. И хотя в ноябре 1958 г. ЛДП продавила решение о продлении парламентской сессии на месяц, в условиях разразившегося политического кризиса, вызванного жесткой реакцией и парламентской оппозиции, и большого количества общественных организаций, развернувших широкое движение протеста против поправок в Закон о полицейской службе, продолжать активную работу и над Договором безопасности, — пусть даже пока находящуюся на этапе переговоров с американскими представителями, — было проблематично. В результате после проведенной 16 декабря 1958 г. третьей японо-американской встречи официальные переговоры по заключению нового двустороннего договора были фактически заморожены до апреля следующего 1959 г., хотя обсуждение этого вопроса по дипломатическим каналам и продолжилось[41].

В итоге правительство вынуждено было снять с обсуждения вызвавшие столь жесткую реакцию общественности поправки в Закон о полицейской службе. Министр иностранных дел А. Фудзияма, пользуясь перерывом в япо-

[40] Накамура Т. Сё:ва си. С. 635.

[41] Гаймусё: но хяку нэн. С. 944.

но-американских переговорах, смог сосредоточиться на согласовании основных положений будущего Договора безопасности с ключевыми силами внутри правящей ЛДП. 18 февраля 1959 г. он выступил с докладом в резиденции премьер-министра перед премьером Н. Киси, генеральным секретарем Кабинета министров Акаги Мунэнори и генеральным секретарем ЛДП Фукуда Такэо, представив на их рассмотрение свой проект договора, получивший название «плана Фудзияма» («*Фудзияма сиан*»), который присутствовавшие в целом одобрили[42].

Все основные моменты этого плана, по сути, соответствовали тому тексту договора, который был подписан в итоге. Из сферы действия соглашения предлагалось убрать находившиеся тогда под административным контролем США Окинаву и Огасавару (таким образом, Япония не несла обязанности защищать их в случае внешнего нападения); было оговорено обязательство США защищать Японию в случае внешней агрессии и Японии — предпринимать меры по «совместной обороне» в случае нанесения удара по американским силам, находящимся на ее территории, причем это сопровождалось указанием на то, что данные меры будут осуществляться сторонами в соответствии с их конституционными процедурами; допускалась возможность использования американских войск в регионе Дальнего Востока с тем, однако, чтобы при этом проводились предварительные консультации между американской и японской сторонами; были ликвидированы статьи об использовании американских войск для подавления внутренних беспорядков и о запрете на размещение баз третьих стран; была добавлена ссылка на статью 51 Устава ООН; в текст предлагалось

[42] Ампо кайтэй мондай. Сэйфу, ёто: сюно: кайдан (Вопрос пересмотра Договора безопасности. Совещание руководства правительства и правящей партии) // Асахи симбун. 18.02.1959, вечерний выпуск. С. 1.

включить пункты об экономическом сотрудничестве и об ограничении срока действия договора десятью годами[43].

Тем не менее то, что в феврале 1959 года этот план был сформулирован и в общих своих положениях поддержан высшим правительственным и партийным руководством, вовсе не означало, что процесс внутрипартийных согласований был завершен. В отличие от А. Фудзияма, считавшего возможным подписать новый договор уже в марте 1959 г., многие деятели правящей партии, включая не только представителей «антиосновного течения» (представители входивших в него на тот момент фракций Икэда, Мики-Мацумура, Исии и Исибаси образовали «Общество исследований международных проблем» для согласования позиций по внешнеполитическим вопросам) и склонявшегося к ним И. Коно и его соратников, но даже и генерального секретаря ЛДП Т. Фукуда и генерального секретаря Кабинета министров М. Акаги, не разделяли планов министра иностранных дел относительно желательности скорейшего подписания нового соглашения. Скептики полагали, что с переговорами не следует торопиться, и отмечали важность тщательного согласования позиций внутри ЛДП, а также необходимость подготовки новой версии не только самого Договора безопасности, но и сопровождающего его Административного соглашения[44]. В результате фактическая работа над договором шла с существенным отставанием от графика, намеченного А. Фудзияма.

Лишь к апрелю 1959 г. ключевые положения будущего договора в общем и целом были одобрены на внутрипар-

[43] «Фудзияма сиан» но найё: (Содержание «Плана Фудзияма») // Асахи симбун. 18.02.1959, утренний выпуск. С. 1.

[44] Ампо кайтэй о тё:сэй (Согласование условий пересмотра Договора безопасности); Гё:сэй кё:тэй мо до:дзи ни (Одновременно следует подписать и Административное соглашение) // Асахи симбун. 26.02.1959, утренний выпуск. С. 1.

тийном уровне, причем немалую роль здесь сыграло приближение намеченных на конец апреля 1959 г. региональных выборов, а также выборов в палату советников, которые должны были пройти в июне того же года. Учитывая, что СПЯ, главный противник ЛДП, занимала четкую позицию, призывая к ликвидации Договора безопасности с США, руководство ЛДП посчитало, что в таких условиях и правящая партия должна выработать единую точку зрения по этому вопросу[45].

По наиболее спорным пунктам утвержденная в итоге руководством партии позиция была следующей: из сферы действия договора, как и было предложено в «плане Фудзияма», должны были быть исключены Окинава и Огасавара; положение о «внутренних беспорядках» должно было быть ликвидировано с тем, однако, чтобы японское правительство оставляло за собой право запросить помощи американских сил в случае выступлений, которые представляли бы собой «косвенную агрессию»; по вопросу же об Административном соглашении было решено, что предложения японской стороны должны быть сформулированы с учетом мнений и пожеланий различных министерств и ведомств[46].

Тем не менее, даже несмотря на наличие консенсуса в рядах партийного руководства, некоторые члены ЛДП продолжали не соглашаться с отдельными положениями подготовленного проекта. Так, например, когда 3 апреля 1959 г. А. Фудзияма выступил на совещании членов совета по общим вопросам ЛДП (подобные совещания собираются,

[45] Ампо кайтэй, консю: кара тайбэй ко:сё:. «Сэнкё ё:» ни кю: сиагэ (С этой недели начинаются переговоры с США о пересмотре Договора безопасности. Спешная подготовка «ради выборов») // Асахи симбун. 06.04.1959, утренний выпуск. С. 1.

[46] Ампо кайтэй, дандори кимару (Определена программа действий по пересмотру Договора безопасности) // Асахи симбун. 03.04.1959, утренний выпуск. С. 1.

когда нужно обсудить какие-либо особо важные проблемы без проведения официального заседания этого партийного органа), то ряд членов правящей партии высказались резко против ликвидации положения о «внутренних беспорядках», не соглашаясь даже с компромиссной позицией, допускавшей вмешательство войск США в случае «косвенной агрессии», а также настаивая на том, что десятилетний срок действия договора — это слишком мало, и призывая ориентироваться на тридцатилетний срок, прописанный, к примеру, в советско-китайском Договоре о дружбе, союзе и взаимной помощи[47]. Подобная критика продолжала звучать, даже несмотря на ее очевидную бесплодность: она противоречила не только, по сути, уже утвержденному в рамках ЛДП проекту нового договора, но и подразумевала сохранение одних из самых проблематичных для японской стороны положений старого документа, так как именно статья Договора безопасности 1951 г. о «внутренних беспорядках», а также бессрочность его действия были наглядными свидетельствами неравноправного положения Японии.

11 апреля 1959 г. совет по исследованию внешней политики и совет по общим вопросам ЛДП одобрили основное содержание японской позиции по Договору безопасности и Административному соглашению, но даже тогда отдельные вопросы, связанные, в частности, с Административным соглашением, пришлось перенаправить на дополнительное рассмотрение в специально образованную для этого подкомиссию[48]. Председателем этой подкомиссии на состоявшем-

[47] Найран дзё:ко: сакудзё ни ва хантай. Дзимин со:му конданкай (На совещании членов совета по общим вопросам ЛДП озвучен протест против исключения статьи о «внутренних беспорядках») // 04.04.1959, утренний выпуск. С. 1.

[48] Ампо кайтэй. Гайсё:, асу Ма тайси то кайкэн (Пересмотр Договора безопасности. Министр иностранных дел завтра встретится с послом Макартуром) // Асахи симбун. 12.04.1959, утренний выпуск. С. 1.

ся 13 апреля первом ее заседании был избран председатель партийного совета по исследованию внешней политики Фунада Нака[49], и свои обсуждения она закончила лишь почти три недели спустя, 2 мая, когда уже было проведено несколько раундов японо-американских переговоров[50].

Несогласные с правительством члены правящей партии переключились на критику позиции партийного руководства и правительства по вопросу Административного соглашения. Так, например, И. Коно — самый влиятельный из критиков точки зрения правительства из числа членов «основного течения», выступавший по этой проблеме едва ли не активнее придерживавшихся осторожной позиции членов «антиосновного течения» ЛДП — на встрече с генеральным секретарем партии Т. Фукуда утром 11 апреля заявил, что не возражает против содержания Договора безопасности, но подчеркнул, что, «пока четко не определено содержание Административного соглашения, имеющего непосредственное отношение к жизни народа», он не может согласиться с партийной позицией по этому вопросу[51].

Как будет показано ниже, именно Коно Итиро оставался в числе самых активных критиков правительственного курса по этому вопросу фактически до самой ратификации нового Договора безопасности. В немалой степени этому поспособствовало и то, что в ходе проведенной в июне 1959 г. реорганизации Кабинета министров ему было отказано

[49] Мондайтэн кику дзимин сё:и хацукайго: (Первое заседание подкомитета ЛДП по рассмотрению проблемных вопросов) // Асахи симбун. 14.04.1959, утренний выпуск. С. 1.

[50] Рё: ё:ко: томо сё:нин. Дзимин ампо сё: и дэ кэцурон (Оба проекта одобрены. Заключение подкомиссии ЛДП по Договору безопасности) // Асахи симбун. 02.05.1959, вечерний выпуск. С. 1.

[51] То:най тё:сэй кусубуру. Дзимин сэйдзитэки на какуха но омоваку (Внутрипартийное согласование буксует. Взгляды политических фракций ЛДП) // Асахи симбун. 12.04.1959, утренний выпуск. С. 1.

в назначении на должность генерального секретаря ЛДП, которую он стремился занять, в результате чего его фракция открыто перешла в лагерь «антиосновного течения»[52].

Как представляется, разногласия внутри правящей партии, а также то, что в конечном счете, пусть и после долгого политического торга, основная часть лидеров партии согласилась поддержать позицию правительства (т. е. Н. Киси и А. Фудзияма), служит косвенным свидетельством того, что внесение тех или иных конкретных поправок в Договор безопасности не было для лидеров внутрипартийных фракций самоцелью. Возражения партийных боссов, критиковавших предложения правительства, скорее, имели не внешне-, а внутриполитическую мотивацию: атакуя проект договора, предложенный Н. Киси и А. Фудзияма, они стремились не допустить излишнего усиления позиций премьер-министра и министра иностранных дел внутри партии, а попытки продавить собственные идеи относительно текста соглашения, пускай даже и обреченные на неудачу, призваны были подчеркнуть влияние их авторов в японском политическом мире.

13 апреля 1959 г. официальные переговоры японской и американской делегаций были возобновлены, хотя окончательное решение относительно японской позиции по Договору безопасности и Административному соглашению внутри ЛДП было принято позже — лишь 2 мая, когда партийный совет по общим вопросам заслушал и одобрил выводы возглавляемой Н. Фунада подкомиссии[53]. С апреля 1959 г. по январь 1960 г. было проведено 22 встречи. Уже на пятой из них, прошедшей 23 мая 1959 г., стороны в целом

[52] Накамура Т. Сё:ва си. С. 637.

[53] «Ампо кайтэй ё:ко:» о рё:сё: Дзиминто: со:му кай (Совет по общим вопросам ЛДП одобрил «проект пересмотра Договора безопасности») // Асахи симбун. 03.05.1959, утренний выпуск. С. 1.

согласовали положения самого договора, и на дальнейших встречах обсуждалось главным образом уже только Административное соглашение[54].

Спустя два дня, 25 мая, Фудзияма выступил с речью на состоявшемся в токийском отеле «Акасака-принс» собрании Всеяпонского совещания по проблемам Договора безопасности (*Ампо дзё:яку мондай дзэнкоку конданкай*), в которой впервые рассказал широкой публике о содержании будущего Договора безопасности и сопровождающего его Административного соглашения, а также подверг критике аргументы в пользу нейтралитета Японии, охарактеризовав их как нереалистичные и не соответствующие международному положению Японии[55].

Даже несмотря на то, что формально ЛДП согласовала курс относительно Договора безопасности, отдельные члены партии продолжали высказывать возражения, и, как признавался в июле 1959 г. занявший месяцем ранее пост генерального секретаря ЛДП Кавасима Сёдзиро, «партийные фракции демонстрируют прохладное отношение к пересмотру Договора безопасности». Подобная ситуация сделала невозможным для премьер-министра прибегнуть к роспуску нижней палаты[56], для того чтобы, заручившись поддержкой избирателей, добиваться ратификации документа в парламенте. Договор с Соединенными Штатами, который должен был, по изначальной задумке Н. Киси, стать способом укрепления его политических позиций, по-прež-

[54] Гаймусё: но хяку нэн. С. 948–950.

[55] Фудзияма эндзэцу но сё:хо: (Подробности речи Фудзияма) // Асахи симбун. 26.05.1959, утренний выпуск. С. 2.

[56] Ко:но си ни кё:рёку ё:сэй сюсё: гайю: тю: но сэйкёку антэй ни (Премьер-министр просит г-на Коно о содействии для обеспечения стабильности политической ситуации на время зарубежной поездки) // Асахи симбун. 07.07.1959, утренний выпуск. С. 1.

нему продолжал быть источником недовольства среди его соратников по партии.

В результате к началу 1960 г. среди руководства ЛДП получила распространение точка зрения, согласно которой новый Договор безопасности должен был стать последним серьезным шагом правительства Н. Киси, после которого оно должно уйти в отставку. В японской политике подобный подход носит образное название «почетной дорожки» или, в дословном переводе, «цветочного пути» — «*ханамити*», по названию поднятого над зрительным залом театра Кабуки помоста, по которому актеры заходят на сцену и уходят с нее.

Одним из первых лидеров ЛДП, кто озвучил эту точку зрения, снова оказался И. Коно. 4 января 1960 г., выступая на пресс-конференции в японском городе Исэ, он заявил, что ввиду необходимости объединения партии и обновления ее политического курса он, «как сторонник правительства Киси», считает, что «лучшим временем для премьер-министра Киси уйти в отставку будет момент, когда будет завершена ратификация нового японо-американского Договора безопасности»[57]. Вторил ему и другой крупный партийный деятель, заместитель председателя ЛДП Оно Бамбоку, в своем выступлении от 10 января 1960 г. призвавший провести выборы председателя ЛДП досрочно: не в январе 1961 г., как это должно было быть по партийным правилам, а в июне — июле, сразу после ратификации нового Договора безопасности[58].

---

[57] Син ампо хидзюн ситара сюсё ва тайдзин сэё. Ко:но си катару (Пускай премьер-министр уйдет в отставку, когда будет ратифицирован новый Договор безопасности. Выступление г-на Коно) // Асахи симбун. 05.01.1960, утренний выпуск. С. 1.

[58] Со:сай ко:сэн ва хаямаро: О:но си катару. Ампо хидзюн тёкуго атари. (Выступление г-на Оно. Проведите выборы председателя ЛДП раньше — сра-

При этом, однако, сам Н. Киси был к этому не готов, по-прежнему настаивая, что Договор безопасности должен стать не концом его Кабинета, а, напротив, его новой отправной точкой[59], и утверждая, что останется на посту председателя ЛДП и премьер-министра до января 1961 г. При этом призывы уйти в отставку досрочно он оценивал, как представляется, вполне обоснованно — просто как выражение стремления коллег по партии обеспечить себе возможность занять место премьер-министра после отставки действующего правительства[60].

Тем временем 6 января 1960 г. состоялась последняя встреча между японскими и американскими представителями, на которой были окончательно согласованы позиции по всем вынесенным на переговоры вопросам[61]. 10 января итоговые тексты нового договора и Административного соглашения, теперь уже одобренные и американской стороной, были официально утверждены на заседании Кабинета министров[62].

Стороны были готовы к подписанию новых Договора безопасности и Административного соглашения. Началась подготовка японской официальной делегации, которая должна была отбыть в США, чтобы там принять участие в церемонии подписания этих документов. Членами полномочной делегации, отправившейся в США 16 января 1960 г., стали сам премьер-министр Н. Киси, министр иностранных дел А. Фудзияма, председатель совета по общим вопро-

зу после ратификации Договора безопасности) // Нихон кэйдзай симбун. 11.01.1960, утренний выпуск. С. 1.

[59] Тё:ки сэйкэн танто: но кэцуи Киси сюсё: катару (Премьер Киси говорит, что нацелен на длительное пребывание у власти) // Нихон кэйдзай симбун. 03.01.1960, утренний выпуск. С. 1.

[60] Киси Н. Киси Нобусукэ кайкороку. С. 524.

[61] Гаймусё: но хяку нэн. С. 950.

[62] Киси Н. Киси Нобусукэ кайкороку. С. 524.

сам ЛДП Исии Мицудзиро, глава торгово-промышленной палаты Японии Адати Тадаси, а также посол Японии в США Асакаи Коитиро[63].

Советский автор Л. Н. Кутаков, ссылаясь на сведения японской прессы, говорит о том, что до конца декабря 1959 г. А. Фудзияма настаивал на том, что именно он как министр иностранных дел должен подписать новый Договор безопасности, особенно учитывая то, что с американской стороны свою подпись должен был поставить госсекретарь, а не президент, и лишь 29 декабря было принято окончательное решение о том, что делегацию все же возглавит премьер-министр Н. Киси[64]. О той же ситуации в своих мемуарах говорит и сам Н. Киси, правда представляя ее под совсем другим углом: по его словам, «с японской стороны звучали доводы о том, что (главой делегации. — *В.Н.*) стоит сделать министра иностранных дел Фудзияма», но поскольку для Н. Киси подписание Договора безопасности было главной задачей его правительства, то он с самого начала решил сделать это лично, причем возражений со стороны А. Фудзияма в этой связи не было. При этом Н. Киси добавляет, что в принципе не слышал ни от кого в этой связи каких-либо протестов[65]. Примерно в том же ключе описывает эту ситуацию в своих воспоминаниях и сам А. Фудзияма: согласно его свидетельству, хотя действительно в то время высказывались мнения о том, что делегацию должен возглавить министр иностранных дел, приложивший основные усилия для подготовки договора, А. Фудзияма не возражал против того, чтобы с японской стороны свою подпись поставил именно Н. Киси[66].

---

[63] Гаймусё: но хяку нэн. С. 955.

[64] Кутаков Л. Н. Внешняя политика и дипломатия Японии. С. 424–425.

[65] Киси Н. Киси Нобусукэ кайкороку. С. 516.

[66] Фудзияма А. Сэйдзи вага мити. С. 91.

Пока официальные делегации США и Японии обсуждали детали нового Договора безопасности и Административного соглашения на встречах в Токио, а премьер Н. Киси и министр иностранных дел А. Фудзияма работали над тем, чтобы заручиться поддержкой (или, по крайней мере, минимизировать сопротивление со стороны) фракций внутри правящей партии, в японском обществе нарастало движение, вошедшее в историю как «борьба против Договора безопасности» (*ампо то:со:*) и ставшее крупнейшим проявлением общественного протеста за всю послевоенную историю Японии.

При этом протестное движение было далеко не монолитным. Прежде всего, далеко не вся японская общественность, сочувствовавшая левым силам, выступала однозначно против нового Договора безопасности. Например, левоцентристская газета «Асахи симбун» в своих редакционных колонках хотя и настаивала на таких формулировках нового договора, которые бы минимизировали возможность вовлечения Японии в военные конфликты на стороне США, но в принципе не возражала против того, чтобы новый договор был заключен[67]. Но даже среди однозначных противников нового Договора безопасности, которых также было немало, организация движения протеста осложнялась конкуренцией между задействованными в нем силами, и прежде всего борьбой за влияние между двумя парламентскими оппозиционными партиями — Социалистической партией Японии (СПЯ) и Коммунистической партией Японии (КПЯ). В итоге инициативу по созданию

[67] См., напр.: Сясэцу. Ампо дзё:яку кайтэй но хо:ко: о аямару на (Редакционная статья. Не ошибитесь с направлением пересмотра Договора безопасности) // Асахи симбун. 08.04.1959, утренний выпуск. С. 2.; Сясэцу. Нао нокору ампо дзё:яку кайтэй э но гимон (Редакционная статья. К пересмотру Договора безопасности все еще остаются вопросы) // Асахи симбун. 27.05.1959, утренний выпуск. С. 2.

структуры, призванной координировать и направлять протест, взял на себя Генеральный совет профсоюзов Японии (Сохё), а не одна из этих двух партий. Японский историк Аруга Тадаси, рассматривая политический процесс, сопровождавший принятие Договора безопасности, следующим образом комментирует различия между двумя крупнейшими левыми партиями Японии того периода.

Прежде всего между ними существовали различия идеологического плана, причем касались они как тактики, так и стратегии борьбы. КПЯ выступала за немедленную ликвидацию союза с США как такового, в то время как СПЯ подчеркивала свое несогласие с новым Договором безопасности, но придерживалась более инкременталистского подхода, откладывая задачу расторжения связей с Соединенными Штатами в военной сфере на будущее. За этим стояли более глубокие стратегические разногласия: поскольку социалисты выступали за нейтралитет Японии, при котором она была бы равноудалена от обеих сверхдержав, то их противником, таким образом, было скорее однозначно проамериканское правительство Н. Киси, нежели США в принципе. Коммунисты также ратовали за нейтралитет Японии, но они не стремились к равноудаленности, больше симпатизируя СССР и КНР, вследствие чего главной мишенью для них была система японо-американского военно-политического сотрудничества вообще, а не отдельно взятый японский Кабинет министров во главе с Н. Киси.

Имелись между двумя партиями и организационные различия, которые предопределяли разницу в предпочитаемых ими методах политической борьбы. С одной стороны, СПЯ была сильнее как парламентская партия (у КПЯ после выборов в палату представителей 22 мая 1958 г. и в палату советников 2 июня 1959 г. осталось только одно место в нижней палате и три — в верхней). С другой стороны, бу-

дучи массовой партией, коммунисты были сильнее социалистов в организационном плане, поскольку последние, не имея, в отличие от КПЯ, массового членства, были вынуждены опираться на СМИ и массовые движения, а также использовать разногласия внутри правящей ЛДП, чтобы пытаться блокировать неугодные им законопроекты. Именно поэтому СПЯ пришлось уступить инициативу в организации борьбы против Договора безопасности профсоюзному движению. Те же причины вели к тому, что СПЯ гораздо более терпимо относилась к радикальным студенческим и рабочим движениям, так как зависела от не являвшихся ее членами активистов, пускай даже и радикального толка, для организации массовых акций и, кроме того, считала их противовесом влиянию КПЯ среди молодежи. КПЯ, напротив, боролась с радикалами, в частности с активистами троцкистской «Японской революционной коммунистической лиги», в значительной степени контролировавшими студенческую организацию Дзэнгакурэн («Всеяпонская федерация советов студенческого самоуправления» — «*Дзэн Нихон гакусэй дзитикай со: рэнго:*»), за лидерство в студенческом движении, а также выступала против излишнего насилия во время публичных акций, полагая, что это подрывает устойчивость протестного движения в долгосрочной перспективе[68].

Разногласия существовали и внутри политических партий, выступавших против Договора безопасности, причем, как и в случае с ЛДП, эти разногласия зачастую оказывались лишь одним из аспектов фракционной борьбы, касавшейся целого ряда вопросов. Проиллюстрировать подобные противоречия может, к примеру, выступление 19 июля 1959 г. видного политического деятеля Нисио Суэхиро, на тот мо-

[68] Aruga T. The Problem of Security Treaty Revision. P. 51–53.

мент относившегося к правому крылу Социалистической партии. С. Нисио обвинял левое крыло СПЯ в том, что его тактика усиления классового характера партии закрывает социалистам путь к электоральной победе над ЛДП, и подчеркивал, что хотя Япония и должна в конечном итоге отказаться от Договора безопасности с США, заменив его системой коллективной безопасности, которая включала бы в себя США, Китай и Советский Союз, но процесс борьбы за достижение этой цели неизбежно будет долгим. Нынешнее же движение протеста, по его мнению, не имело четких целей, понятных японскому народу. Подчеркивая важность соблюдения парламентских процедур и недопустимость применения силы для создания помех ратификации будущего договора, С. Нисио призвал партию сформулировать конкретные предложения для того, чтобы, даже если в условиях численного большинства ЛДП в парламенте новый Договор безопасности и будет ратифицирован, хотя бы блокировать наиболее одиозные его положения[69].

Неудивительно, что уже к январю 1960 г. правое крыло СПЯ во главе с С. Нисио откололось, образовав новую Партию демократического социализма (ПДС), которая изначально заняла компромиссную позицию по вопросу нового Договора безопасности, не призывая к немедленному и одностороннему разрыву договора с США и ликвидации Сил самообороны и настаивая вместо этого на необходимости постепенного демонтажа системы японо-американского военного сотрудничества[70].

---

[69] Саха то тайкэцу. Сято: Нисио си тю:моку но хацугэн (Противостояние с левыми. Привлекшее внимание выступление г-на Нисио из СПЯ) // Нихон кэйдзай симбун. 20.07.1959, утренний выпуск. С. 1.

[70] Ампо ва данкайтэки ни кайсё:. Мися синто:, гайко:, кэйдзай сэйсаку о хаппё: (Поэтапная ликвидация Договора безопасности. Новая Партия демократического социализма обнародовала курс в сфере дипломатии и экономики) // Нихон кэйдзай симбун. 04.01.1960, утренний выпуск. С. 1.

В этих условиях «борьбу против Договора безопасности» стала координировать и направлять «Народная конференция против пересмотра Договора безопасности» («*Ампо дзё:яку кайтэй соси кокумин кайги*») — созданная по инициативе Сохё зонтичная организация, включавшая в себя также СПЯ, КПЯ, различные студенческие, рабочие и иные объединения (всего 134 организации). Начиная с первого своего выступления 15 апреля 1959 г. и вплоть до ратификации нового договора в июне 1960 г. она провела 11 совместных выступлений[71], некоторые из которых насчитывали сотни тысяч участников[72].

Расширялось движение протеста и среди публичных интеллектуалов, деятелей науки и культуры: 7 июня 1959 г. было создано «Исследовательское общество по вопросам Договора безопасности», 9 ноября 1959 г. — «Общество критики Договора безопасности». Все увеличивалось количество заявлений, речей, петиций от различных общественных организаций Японии с критикой планов подписания нового Договора безопасности[73]. Радикальное же крыло противников нового Договора безопасности прибегало и к прямым действиям: так, 27 ноября 1959 г. несколько тысяч демонстрантов из Дзэнгакурэн прорвали полицейское оцепление и ворвались на территорию парламента, в результате чего и со стороны демонстрантов, и со стороны полиции несколько сотен человек были ранены[74].

16 января 1960 г. во время отлета правительственной делегации в США в аэропорту Ханэда их пытались задержать студенты-радикалы из Дзэнгакурэн, что привело к жесто-

[71] Гаймусё: но хяку нэн. С. 953.

[72] Aruga T. The Problem of Security Treaty Revision. P. 53.

[73] Гаймусё: но хяку нэн. С. 953.

[74] Киси Н. Киси Нобусукэ кайкороку. С. 513.

ким столкновениям протестующих с полицией, в результате чего было задержано 79 человек[75]. Несмотря на это, делегация смогла вылететь, и 19 января 1960 г. в Вашингтоне премьер Киси и госсекретарь США Кристиан Гертер подписали новый японо-американский Договор безопасности, заменивший договор 1951 г. (о том, что последний прекратит действие после вступления нового документа в силу, было сказано в статье 9), а также ряд связанных с ним документов.

Подписанный 19 января 1960 г. Договор о взаимном сотрудничестве и безопасности содержал как ряд моментов, общих со старым Договором безопасности 1951 г. и отражавших преемственность системы японо-американского военно-политического сотрудничества, так и несколько существенных новшеств. Хотя некоторые из них уже упоминались выше, имеет смысл назвать эти сходства и различия еще раз.

Наиболее серьезным из новых моментов было то, что документ 1960 г. говорил о конкретных взаимных гарантиях безопасности, пусть и ограниченных «территориями, находящимися под управлением Японии» и сопровождавшихся оговоркой о том, что соответствующие действия будут предприниматься сторонами в соответствии с их конституционными процедурами (статья 5). В Договоре безопасности 1951 г. подобные обязательства ни на одну из сторон не возлагались.

С другой стороны, в обоих документах — в статье 1 договора 1951 г. и в статье 6 договора 1960 г. — говорилось о том, что Япония предоставляет США право на размещение на ее территории сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил для поддержания «международного мира и без-

[75] Гаймусё: но хяку нэн. С. 956.

опасности на Дальнем Востоке» и для обеспечения безопасности самой Японии. Впрочем, в новом договоре не было содержавшегося в статье 2 старого договора запрета на размещение в Японии или проход через ее территорию, без согласия США, вооруженных сил третьих стран. Не было там и положения о возможности использования американских войск для подавления «внутренних беспорядков», содержавшегося в статье 1 Договора безопасности 1951 г. Вместе с тем к сходствам двух текстов относилось то, что как в старом, так и в новом Договоре безопасности отмечалось, что конкретные вопросы размещения вооруженных сил США в Японии будут регулироваться отдельным Административным соглашением (статья 3 Договора 1951 г. и статья 6 Договора 1960 г).

По-разному был прописан вопрос о сроке действия документа: если в статье 4 Договора безопасности 1951 г. было лишь сказано, что он прекратит действие, когда в районе Японии будет установлена новая система безопасности, опирающаяся на ООН или иные механизмы, то в статье 10 Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности 1960 г. был установлен десятилетний срок его действия, после которого каждая из сторон имела право выйти из него, уведомив другую сторону за год до этого.

Наконец, в новом договоре содержались положения о развитии экономического сотрудничества (статья 2), о том, что стороны будут с учетом своих конституционных ограничений и посредством «постоянной и эффективной самопомощи и взаимопомощи» развивать свой оборонительный потенциал (статья 3; в преамбуле договора 1951 г. лишь говорилось о соответствующих ожиданиях США в отношении Японии), о консультациях относительно содержания настоящего договора и в случае угрозы безопасности Японии или миру и безопасности на Дальнем Восто-

ке (статья 4), а также о том, что данный договор никак не ограничивает права и обязательства сторон, обусловленные Уставом ООН (статья 7).

Непосредственно перед подписанием прошла встреча Н. Киси и Д. Эйзенхауэра, по итогам которой было принято совместное коммюнике, где, помимо прочего, было упомянуто, что США не собираются действовать вопреки желаниям японской стороны в отношении вопросов, подпадающих под положения договора о предварительных консультациях[76]. О том, что этот частный вопрос привлекал особое внимание японской стороны, свидетельствует то, что еще 9 января, уже после завершения японо-американских переговоров, один из лидеров ЛДП Мики Такэо (позже, в 1974–1976 гг. занимавший пост премьер-министра) выступил с заявлением о том, что следует в какой-либо форме предусмотреть возможность права вето японской стороны на предварительных консультациях с США, а 11 января сам Н. Киси на пресс-конференции с зарубежными журналистами пообещал, что у японской стороны такая возможность будет[77]. Наконец, была достигнута и еще одна договоренность, важная, в том числе, и с точки зрения личных политических планов Киси: во время переговоров с американским президентом японский премьер-министр пригласил своего визави посетить Японию, на что Д. Эйзенхауэр ответил согласием, пообещав приехать с визитом в конце июня 1960 г.[78]

---

[76] Joint Communique of Japanese Prime Minister Kishi and U.S. President Eisenhower Issued on January 19, 1960. Washington [Electronic resource] // «The World and Japan» Database (Project Leader: TANAKA Akihiko). URL: http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/JPUS/19600119.D1E.html (date of access: 07.11.2021).

[77] Гаймусё: но хяку нэн. С. 956.

[78] Киси Н. Киси Нобусукэ кайкороку. С. 525.

Часть консервативных политиков одобрили новый договор: так, Ёсида Сигэру, первоначально, как упоминалось, относившийся к инициативе заключения нового союзного договора с Соединенными Штатами скептически, на следующий день после его подписания обнародовал в печати статью, в которой приветствовал заключение нового договора и подчеркнул, что и сам он ранее понимал важность того, чтобы Япония в конечном счете перешла от положения, когда США защищают ее, к положению, когда она будет обеспечивать свою безопасность совместно с США[79]. С другой стороны, парламентская оппозиция и левые общественные организации сразу же выступили с резкой критикой нового документа и пообещали приложить все усилия, чтобы не допустить его ратификации[80].

5 февраля 1960 г. новый Договор безопасности был представлен для ратификации в парламент. Сам А. Фудзияма позже признавался, что дебаты о новом Договоре безопасности в парламенте оказались сложнее и японо-американских переговоров, и согласования связанных с этим вопросом внутри правящей партии. Мотивация претензий к новому договору была разной у разных политических игроков: если СПЯ и КПЯ были в принципе против японо-американского союза, то более умеренные силы — к ним относились и только что отделившаяся от Социалистической партии ПДС, и «антиосновное течение» внутри правящей ЛДП — хотя и предъявляли претензии к Договору безопасности, но их критика касалась скорее частных вопросов. Представляется, что, как и при согласовании текста Договора безопас-

[79] Ёсида С. Син ампо дзё:яку тё:ин ни омоу (Мысли о подписании нового Договора безопасности) // Нихон кэйдзай симбун. 20.01.1960. С. 1.

[80] Коккай синги, найрицу гэкика э (Во время рассмотрения в парламенте противостояние будет обостряться) // Нихон кэйдзай симбун. 20.01.1960, утренний выпуск. С. 1.

ности за несколько месяцев до этого, эти частные вопросы подчас были для оппонентов премьер-министра скорее средством, нежели конечной целью политической борьбы.

В палате представителей была создана специальная комиссия по Договору безопасности во главе с депутатом от ЛДП Одзава Саэки. Ее первое заседание состоялось 13 февраля 1960 г., и практически сразу же предметом острых дискуссий стал вопрос о том, имеет ли парламент право вносить изменения в уже подписанный договор. Правительство настаивало на том, что такого права нет, в то время как оппозиционные СПЯ и ПДС[81], а также фракции Коно, Исибаси и Мики-Мацумура внутри ЛДП[82] считали, что этим правом парламент обладает. Аргументация сторонников «права на поправки» сводилась к тому, что парламент, будучи единственным органом законодательной власти, может вносить поправки в уже подписанные правительством договоры аналогично тому, как он может вносить поправки в другие законопроекты, пусть даже это и сделает необходимым повторное обсуждение этого договора со страной, с которой он был подписан[83].

Характерно, что содержательные вопросы, касающиеся статей договора, нередко отходили при этом на второй план: так, И. Коно в конце февраля 1960 г. подчеркивал, что

---

[81] Сю:сэйкэн дэ рё:ся кё:ко: (Обе социалистические партии занимают жесткую позицию относительно права на внесение поправок) // Асахи симбун. 22.02.1960, утренний выпуск. С. 1.

[82] Дзё:яку сю:сэйкэн мондай «Ко:но хацугэн» то то:най хабацу («Заявление Коно» о праве на внесение изменений в договор и внутрипартийные фракции) // Асахи симбун. 22.02.1960, утренний выпуск. С. 1.

[83] Дай 034 кай коккай. Сю:гиин. Нитибэй андзэн хосё: дзё:яку то: токубэцу иинкай. Дай 2 го: (34-я сессия парламента. Палата представителей. Специальная комиссия по японо-американскому Договору безопасности и другим вопросам. Заседание № 2). 19 февраля 1960 г. [Электронный ресурс] // Коккай кайгироку кэнсаку сисутэму (Система поиска протоколов заседаний Парламента Японии). URL: http://kokkai.ndl.go.jp/SENTAKU/syugiin/034/0404/03402190404002a.html (дата обращения: 12.11.2021).

хотя у парламента и есть право изменения подписанных правительством договоров (аргументируя это тем, что обратное не указано в конституции), но, утверждал он, в ЛДП нет планов вносить какие-либо конкретные коррективы, поскольку мнение партии было в достаточной степени выражено уже в процессе подготовки документа до его подписания[84].

Еще один из многих вопросов, касавшихся Договора безопасности, на который во время дебатов в комиссии делали особый упор и оппозиционные партии, и представители «антиосновного течения» в ЛДП, заключался в том, как правительство определяет рамки упомянутого в договоре понятия «Дальнего Востока». В частности, их интересовало, включается ли в него советское Приморье и прибрежные районы Китая, а также острова Мацзу и Куэмой, находящиеся в Тайваньском проливе недалеко от берегов КНР, но контролируемые гоминьдановским правительством Тайваня. Это, по их мнению, было принципиальным вопросом, поскольку включение этих территорий в определение «Дальнего Востока» означало бы, что в соответствии со статьей 6 Договора безопасности США могли использовать свои размещенные в Японии силы для поддержания там «мира и безопасности» — иными словами, в случае войны Соединенных Штатов с СССР или КНР американские войска в Японии смогли бы наносить удары или вторгаться на территорию Советского Союза или Китая, что создавало прямую опасность вовлечения в эти потенциальные конфликты и самой Японии[85].

[84] Сю:сэйкэн мондай гиунин дэ кё:ги (Вопрос о праве корректировки обсуждается в процедурной комиссии) // Нихон кэйдзай симбун. 24.02.1960, утренний выпуск. С. 1.

[85] Фудзияма А. Сэйдзи вага мити. С. 99–104.

При этом, и как отмечает сам А. Фудзияма[86], и как заявляли источники в американской столице[87], на этапе согласования положений нового Договора безопасности однозначного географического определения «Дальнего Востока» выработано не было, что понятным образом вело к уклончивости, неоднозначности и непоследовательности ответов представителей правительства во время парламентских слушаний. Так, к примеру, на заседании специальной комиссии по Договору безопасности 25 марта 1960 г. премьер-министр отметил, что понятие Дальнего Востока следует рассматривать «абстрактно» и что, с этой точки зрения, «неуместно называть один за другим острова и спорить, входят ли они (в состав Дальнего Востока. — *В.Н.*) или нет»[88].

Дальнейшие обсуждения договора в парламенте не только не позволили снять разногласия, но, напротив, только обострили их. Надежды руководства ЛДП на то, что отколовшаяся от Социалистической партии ПДС согласится принять участие в ратификации Договора безопасности, не оправдались, когда ПДС приняла решение не поддерживать план правящей партии по продлению парламентской сессии, которая должна была закончиться 25 мая 1960 г. (продление сессии было ключевым вопросом, поскольку повестка дня в японском парламенте не может переноситься

[86] Там же. С. 99.

[87] Кёкуто: ни тэйги наси. Нити бэй цукицумэру дорёку сэдзу (Определения Дальнего Востока нет. Япония и США не прикладывали усилий, чтобы конкретизировать этот вопрос) // Асахи симбун. 11.02.1960, утренний выпуск. С. 1.

[88] Дай 034 кай коккай. Сю:гиин. Нитибэй андзэн хосё: дзё:яку то: токубэцу иинкай. Дай 10 го: (34-я сессия парламента. Палата представителей. Специальная комиссия по японо-американскому Договору безопасности и другим вопросам. Заседание № 10). 25.03.1960 [Электронный ресурс] // Коккай кайгироку кэнсаку сисутэму (Система поиска протоколов заседаний Парламента Японии). URL: http://kokkai.ndl.go.jp/SENTAKU/syugiin/034/0404/03403250404010a.html (дата обращения: 12.11.2021).

с одной сессии на другую, и потому, если бы Договор безопасности не был принят до завершения сессии, на новой сессии его обсуждение пришлось бы начинать заново). Вместо этого ПДС решила требовать роспуска нижней палаты и повторных выборов[89], в то время как две другие оппозиционные партии, СПЯ и КПЯ, продолжали выступать против Договора безопасности в принципе.

Вечером 19 мая 1960 г. специальная комиссия по Договору безопасности завершила обсуждения, и договор был готов к одобрению пленарным заседанием палаты представителей. Около 10:30 вечера в присутствии только депутатов от ЛДП началось пленарное заседание, однако депутаты от СПЯ попытались физически заблокировать спикера нижней палаты Киёсэ Итиро, чтобы сорвать обсуждение. В ответ на это около 11 часов вечера спикер вызвал парламентскую полицию, силой вывед-шую протестующих депутатов из зала заседаний. Около 23:50 пленарное заседание наконец началось, и пока свои места не заняли представители оппозиции, депутаты от правящей партии приняли решение о продлении парламентской сессии на 50 дней, после чего был объявлен перерыв. Через несколько минут после полуночи заседание было возобновлено, и в отсутствие депутатов от оппозиции, а также 12 парламентариев от ЛДП (среди них были и лидеры фракций «антиосновного течения» — Т. Исибаси, И. Коно, К. Мацумура и Т. Мики[90]) палата заслушала краткий доклад председателя специальной комиссии по Договору безопасности, после чего Договор безопасности и Административное соглашение были ратифицированы

[89] Киси Н. Киси Нобусукэ кайкороку. С. 544–545.

[90] Киси Н. Киси Нобусукэ кайкороку. С. 551.

единогласно и без обсуждения. Менее чем через 15 минут после начала заседание было завершено[91].

Ратификация Договора безопасности подобными методами сразу же вывела противостояние между правительством Н. Киси и его оппонентами на новый уровень: к недовольству самим договором добавилось возмущение и оппозиции, и СМИ, и широкой общественности теми методами, какими правительство добилось его ратификации в палате представителей. На следующий день, 20 мая, СПЯ опубликовала заявление, в котором заклеймила правительство Н. Киси как преступное, призвала к немедленному роспуску нижней палаты и заявила, что никогда не признает Договор безопасности, пообещав вести борьбу против него и впредь. Коммунисты придерживались аналогичной позиции, и даже ПДС, которая всего за несколько месяцев до этого еще была в принципе готова сотрудничать с правительством, провозгласила, что считает незаконными продление парламентской сессии и ратификацию Договора безопасности, заявив, что «парламентаризм был растоптан насилием со стороны большинства», также призвав к роспуску нижней палаты и проведению выборов для того, чтобы «спросить у народа его мнение о Договоре безопасности».

[91] Дай 034 кай коккай. Сю:гиин. Хонкайги. Дай 32 го: (34-я сессия парламента. Палата представителей. Пленарное заседание. Заседание № 32). 19.05.1960 [Электронный ресурс] // Коккай кайгироку кэнсаку сисутэму (Система поиска протоколов заседаний парламента Японии). URL: http://kokkai.ndl.go.jp/SENTAKU/syugiin/034/0512/03405190512032a.html (дата обращения: 12.11.2021); Дай 034 кай коккай. Сю:гиин. Хонкайги. Дай 33 го: (34-я сессия парламента. Палата представителей. Пленарное заседание. Заседание № 33). 20.05.1960 [Электронный ресурс] // Коккай кайгироку кэнсаку сисутэму (Система поиска протоколов заседаний парламента Японии). URL: http://kokkai.ndl.go.jp/SENTAKU/syugiin/034/0512/03405200512033a.html (дата обращения: 12.11.2021); Дзиминто:, син ампо о тандоку кацу (ЛДП одобрила новый Договор безопасности без присутствия депутатов от оппозиции) // Асахи симбун. 20.05.1960, утренний выпуск. С. 1.

И хотя в опубликованном тогда же заявлении правящей партии подчеркивалось, что спикер нижней палаты был вынужден вызвать полицию в ответ на «неслыханные насильственные действия» со стороны СПЯ и что «нет никакого сомнения» в законности всех совершенных действий[92], даже сам Н. Киси позже признавался, что «чрезвычайные меры», при помощи которых ратификация Договора безопасности была «продавлена» через нижнюю палату, были «имеющими силу с точки зрения закона, но наихудшими с политической точки зрения», хотя и утверждал при этом, что в сложившихся условиях у него просто не было другого выбора[93].

Осудила действия правительства Н. Киси и значительная часть простых японцев, хотя, вопреки ожиданиям политических противников премьер-министра, говорить об абсолютном единодушии общества по этому вопросу также было сложно. Действительно, рейтинг правительства резко упал: согласно проведенному в конце мая 1960 г. газетой «Асахи» опросу, уровень одобрения Кабинета министров снизился до 17%, притом что в январе 1960 г. он составлял 33%, а в начале премьерского срока Н. Киси, в июле 1957 г., был равен 40%. Но показатель рейтинга неодобрения составил лишь 48%, и это при том, что в январе 1960 г. он находился на уровне 32%. Даже на прямой вопрос о том, стоит ли Кабинету Н. Киси остаться у власти или же его следует сменить, лишь немногим более половины респондентов, 58%, ответили, что правительство лучше сменить, всего 12% заявили, что ему лучше остаться у власти, в то время как почти треть, 30%, либо затруднились с ответом, либо дали иной

[92] Син ампо тандоку какэцу то какуто: (Принятие нового Договора безопасности без участия оппозиции и политических партий) // Асахи симбун. 20.05.1960, утренний выпуск. С. 2.

[93] Киси Н. Киси Нобусукэ кайкороку. С. 548–549.

ответ[94]. Кроме того, по данным «Асахи», тогда же, в конце мая 1960 г., лишь 6% респондентов ответили, что одобряют то, как правительство и ЛДП добились ратификации нового Договора безопасности в нижней палате, а 50% ответивших высказали свое неодобрение. Оставшиеся либо затруднились с ответом (18%), либо дали другой ответ (1%), либо не ответили вовсе (25%). При этом действия депутатов оппозиционной СПЯ, попытавшихся силой сорвать рассмотрение договора, одобрили лишь 11% респондентов, и, наоборот, свое неодобрение высказали 32%[95].

В сложившейся ситуации левая оппозиция приняла твердое решение добиваться роспуска нижней палаты и немедленной отставки правительства Н. Киси. 24 мая председатель Комитета по парламентской политике СПЯ Ямамото Коити в соответствии с постановлением возглавляемого им комитета обратился к ПДС с предложением о совместной борьбе для достижения этих целей, на что ПДС ответила согласием[96]. Этим социалисты не ограничились, и 1 июня 1960 г. Центральный исполнительный комитет СПЯ принял решение о том, что все депутаты нижней палаты — члены партии должны подать в отставку, что в соответствующем партийном заявлении провозглашалось в качестве «единственного оставшегося пути» для того, чтобы добиться роспуска нижней палаты, отставки правительства и вос-

[94] Киси найкаку о до: омоу ка. Каватта хо: га ёи 58% (Что вы думаете о кабинете Киси? 58% считают, что правительство нужно сменить) // Асахи симбун. 03.06.1960, утренний выпуск. С. 1.

[95] Сэйфу, дзимин ёкунай 50%, сято: ни мо 32% но хихан (50% считают плохими действия правительства, 32% критически оценили и действия СПЯ) // Асахи симбун. 02.06.1960., утренний выпуск. С. 1.

[96] Минся, кё:то: о рё:сё (ПДС и СПЯ договорились о совместной борьбе) // Асахи симбун. 25.05.1960, утренний выпуск. С. 1.

становления «мира и демократической парламентской политики» в Японии[97].

К требованиям немедленной отставки Кабинета со стороны оппозиционных партий добавились такие же призывы и со стороны оппонентов премьер-министра из числа либерал-демократов: 1 июня на совещании представителей трех фракций «антиосновного течения» ЛДП — Мики-Мацумура, Коно и Исибаси было решено, что иного пути вернуть работу парламента в нормальное русло в текущих условиях быть не может, и для достижения этой цели присутствующие провозгласили создание «Лиги защиты парламентской политики» («*Гикай сэйдзи ё:го рэммэй*»)[98].

В стране продолжало нарастать движение протеста, проводились массовые забастовки и демонстрации. Это, в свою очередь, ставило под угрозу перспективы визита президента Д. Эйзенхауэра, договоренность о котором была достигнута еще во время визита Н. Киси в США в январе 1960 г. и который должен был стать частью турне американского президента по странам Восточной и Юго-Восточной Азии. Понимая, что этот визит, который оказался бы первым в истории посещением Японии президентом Соединенных Штатов, будет использован правительством для укрепления своего положения и легитимизации Договора безопасности, оппоненты Н. Киси стали требовать, чтобы визит Д. Эйзенхауэра был отсрочен или отменен. 25 мая 1960 г. с призывом отложить его выступила СПЯ[99], а 8 июня на чрезвычайном съезде Сохё была единогласно принята ре-

[97] «Кайсан э юиицу но мити». Сято: гиин со:дзисёку о сэймэй («Единственный путь к роспуску нижней палаты». СПЯ заявила об отставке всех депутатов) // Асахи симбун. 02.06.1960, утренний выпуск. С. 1.

[98] «Сокудзи Киси тайдзин» дэ кэссю:. Дзимин но хансюрю: сампа (Три фракции антиосновного течения ЛДП постановили «сосредоточиться на «немедленной отставке Киси») // Асахи симбун. 02.06.1960, утренний выпуск. С. 1.

[99] Киси Н. Киси Нобусукэ кайкороку. С. 552.

золюция против визита американского президента[100]. Тем не менее от намеченного плана действий Н. Киси все еще не был готов отказаться. На состоявшемся 7 июня 1960 г. совещании членов правительства было решено, что визит Д. Эйзенхауэра в Японию должен состояться по плану, а на следующий день, 8 июня, началось обсуждение нового японо-американского договора в специальной комиссии по Договору безопасности в палате советников, причем в условиях бойкота со стороны оппозиции в дискуссиях принимали участие только депутаты от правящей партии[101].

10 июня 1960 г. прилетевший в Японию для подготовки визита Д. Эйзенхауэра пресс-секретарь президента США Джеймс Хэгерти на выходе из аэропорта Ханэда был окружен и блокирован толпой протестующих. Из-за этого Хэгерти, а также сопровождавшего его посла Д. Макартура пришлось эвакуировать в американское посольство на военном вертолете. Этот инцидент нанес немалый ущерб авторитету японского правительства в глазах и американской администрации, и американского общественного мнения, но официально объявить об отмене президентского визита стороны еще не решались. Вечером того же дня, 10 июня, выступая на пресс-конференции, Хэгерти снова подтвердил, что визит Д. Эйзенхауэра состоится по плану[102].

Учитывая недостаточность ресурсов полиции, сотрудники которой к тому же были измотаны продолжающимися уже несколько месяцев массовыми протестами, правительство обсуждало возможность использования для поддер-

[100] «Айку хо:нити хантай» Со:хоё: тайкай мандзё: итти дэ кэцуги (На съезде Сохё единогласно принята резолюция «против визита Эйзенхауэра») // Асахи симбун. 09.06.1960, утренний выпуск. С. 1.

[101] Киси Н. Киси Нобусукэ кайкороку. С. 553.

[102] Хагати: си ни дэмотай га рамбо: (Бесчинство демонстрантов по отношению к г-ну Хэгерти) // Асахи симбун. 11.06.1960, утренний выпуск. С. 1.

жания общественного порядка военнослужащих Сил самообороны. Предполагалось, что они могли бы выдвинуться без оружия, чтобы обеспечить безопасность американской делегации во главе с президентом Д. Эйзенхауэром. Впрочем, относительно того, действительно ли премьер-министр был готов санкционировать такой шаг, источники расходятся. О том, что премьер Н. Киси отказался от этой идеи лишь из-за несогласия директора Управления национальной обороны Акаги Мунэнори, говорят, в частности, японский историк Аруга Тадаси (ссылающийся, в свою очередь, на воспоминания самого М. Акаги)[103], а также А. Фудзияма[104]. С другой стороны, сам Н. Киси в своих мемуарах вскользь упоминает, что такая идея действительно была, но серьезно она не рассматривалась[105].

Вечером 15 июня 1960 г. демонстранты снова ворвались во двор здания парламента, и в последовавшем столкновении с полицией более четырехсот человек получили ранения, а одна участница демонстрации, студентка Токийского университета Камба Митико, погибла[106]. Этот инцидент — за все время протестов против Договора безопасности столкновения впервые привели к гибели одного из демонстрантов — потряс японское общество. 17 июня крупнейшие общенациональные газеты, от левоцентристской «Асахи симбун» до консервативной «Санкэй симбун», опубликовали совместное заявление, в котором решительно осудили насилие, охарактеризовав инцидент 15 июня как угрозу для

[103] Aruga T. The Problem of Security Treaty Revision. P. 58.

[104] Фудзияма А. Сэйдзи вага мити. С. 106.

[105] Киси Н. Киси Нобусукэ кайкороку. С. 558.

[106] Дзэнгакурэн, коккай ко:най ни ранню:. Дзёси то:дайсэй га сибо: (Демонстранты из Дзэнгакурэн ворвались на территорию парламента. Погибла студентка Токийского университета) // Асахи симбун. 16.06.1960, утренний выпуск. С. 1.

парламентаризма и демократии, и призвали правительство немедленно принять меры для стабилизации ситуации, а оппозиционные СПЯ и ПДС — вернуться в парламент, чтобы способствовать восстановлению его нормальной работы[107].

В этих условиях, как признавал и сам Н. Киси, визит Д. Эйзенхауэра в Японию оказывался невозможным. 16 июня на чрезвычайном заседании Кабинета министров было принято решение просить американскую сторону отложить визит в Японию американского президента, к тому моменту уже начавшего свое турне и находившегося в Маниле, после чего министр иностранных дел А. Фудзияма сообщил об этом приглашенному в японский МИД послу Макартуру[108].

И хотя на последовавшей за этим пресс-конференции японский премьер-министр и заявил, что дружеские отношения между японским и американским народами остаются неизменными, как он позже вспоминал, именно тогда, одновременно с решением просить американскую сторону отложить президентский визит, он принял и окончательное решение о том, что после ратификации Договора безопасности он и его кабинет должны уйти в отставку[109]. Можно сказать, что неизбежность этого была обусловлена тем, что в японском обществе ценится не только, а подчас и не столько соответствие поведения формальным правилам, сколько следование неформальным, но очевидным для всех нормам. И то, что Н. Киси нарушил эти нормы, хотя фор-

[107] Кё:до: сэнгэн. Бо:рёку о хайси, гикайсюги о маморэ (Совместная декларация. Отказавшись от насилия, сохраните парламентаризм) // Асахи симбун. 17.06.1960, утренний выпуск. С. 1.

[108] Киси Н. Киси Нобусукэ кайкороку. С. 558–559.

[109] Там же. С. 559.

мально его действия и могли быть оправданы, лишило его доверия и избирателей, и коллег по партии.

Не рискуя представить Договор безопасности на голосование в верхней палате, 18 июня ЛДП приняла решение прибегнуть к тактике автоматической ратификации[110], опирающейся на статьи 60 и 61 Конституции Японии, согласно которым международный договор, который был одобрен палатой представителей, но по которому в течение 30 дней не вынесено решение палаты советников, считается ратифицированным.

В полночь 19 июня в условиях достигшего своего пика движения протеста японо-американский Договор безопасности был ратифицирован. В ночь с 18 на 19 июня Н. Киси вместе со своим родным братом Сато Эйсаку, занимавшим в его Кабинете пост министра финансов, остался в резиденции премьер-министра в Нагата-тё, отказавшись от предложения главного инспектора полиции Огура Кэн перевезти его в другое, более безопасное, место. Вскоре после полуночи к Н. Киси прибыл генеральный секретарь Кабинета министров Кавасима Сёдзиро, предложивший ему уйти в отставку ради того, чтобы стабилизировать ситуацию в стране, но Н. Киси отказался, сославшись на то, что пока ратификация не завершена в США, Договор безопасности еще не вступил в силу, хотя и пообещал сделать это, когда договор окончательно вступит в силу[111].

Оппозиционные СПЯ и ПДС в опубликованных на следующее утро заявлениях снова продекларировали свое непризнание ратификации Договора безопасности[112]. Впрочем,

[110] Там же. С. 561.

[111] Там же. С. 563.

[112] Санто: сэймэй о хаппё:. Ампо син дзё:яку но сидзэн сё:нин (Заявления трех партий. Автоматическое одобрение нового Договора безопасности) // Асахи симбун. 19.06.1960, утренний выпуск. С. 2.

в тот же день, 19 июня, на совещании депутатов парламента от СПЯ было принято единогласное решение отменить постановление об общей отставке депутатов-членов партии и сосредоточиться на «долгосрочной борьбе» против нового соглашения[113]. Противостояние правящей партии и оппозиции, таким образом, снова вернулось в парламентское русло.

20 июня правительство завершило все необходимые формальные процедуры, 22 июня договор был ратифицирован Сенатом США, а 23 июня в Токио министр иностранных дел А. Фудзияма и посол Макартур обменялись ратификационными грамотами. Новый Договор безопасности и сопровождающее его Административное соглашение вступили в силу[114]. В тот же день, 23 июня 1960 г., на чрезвычайном заседании Кабинета министров премьер Н. Киси объявил о своем решении уйти в отставку, официальное заявление о чем было опубликовано в прессе в тот же вечер[115].

Три недели потребовалось на то, чтобы в ходе внутрипартийных консультаций и переговоров между фракциями определить, кто будет следующим председателем ЛДП и премьер-министром, и в конечном счете им был выбран Икэда Хаято, министр международной торговли и промышленности во втором Кабинете Киси. Официальная отставка предыдущего Кабинета состоялась 15 июля 1960 г., а 19 июля к своим обязанностям приступил новый Кабинет министров во главе с Х. Икэда[116].

---

[113] Сэккёкутэки ни иннай то:со:. Со:дзисёку тю:си (Активная борьба в рамках парламента. Отмена общей отставки) // Асахи симбун. 20.06.1960, утренний выпуск. С. 1.

[114] Aruga T. The Problem of Security Treaty Revision. P. 58–59.

[115] Киси сюсё:, тайдзин но кэцуи о хё:мэй (Премьер-министр объявил о намерении уйти в отставку) // Асахи симбун. 23.06.1960, вечерний выпуск. С. 1.

[116] Киси Н. Киси Нобусукэ кайкороку. С. 564.

Новый глава правительства постарался дистанцироваться от неоднозначного наследия своего предшественника и избегать конфронтации с оппозицией, сделав ставку на политику экономического развития и провозгласив «План удвоения национального дохода». Эта стратегия себя оправдала: несмотря на бушевавшие еще несколько месяцев назад протесты, на проведенных в ноябре 1960 г. выборах в палату представителей ЛДП одержала убедительную победу, не только сохранив свои позиции, но и завоевав два дополнительных мандата.

1.3. Выводы

Рассмотрение процесса подготовки, подписания и ратификации японо-американского Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности 1960 г. позволяет сделать ряд выводов относительно специфики внешнеполитического процесса в послевоенной Японии в начальный период существования «системы 1955 года», касающихся как роли в этом процессе различных политических игроков, так и общих характеристик этого процесса.

Ход согласования положений нового документа наглядно показывает, что ведущую роль здесь играл сам премьер-министр Киси Нобусукэ. Хотя к моменту его прихода к власти в начале 1957 г. идея пересмотра старого Договора безопасности уже «витала в воздухе», именно Н. Киси выступил главным инициатором этого процесса и принял решение о форме будущего документа. Более того, для премьер-министра подготовка нового Договора безопасности была ключевым элементом его политической стратегии, нацеленной на то, чтобы, воспользовавшись этим достижением, обеспечить себе долгое пребывание у власти.

С другой стороны, роль Министерства иностранных дел в процессе подготовки нового документа и сопровождающего его Административного соглашения оказалась достаточно пассивной и ограниченной, по сути, лишь техническими функциями. В этом смысле ситуация соответствует и той, которая существует в наши дни, когда во внешнеполитическом ведомстве «назревшее решение просто спускается сверху вниз для исполнения»[117].

Отдельно необходимо отметить роль министра иностранных дел А. Фудзияма, отвечавшего за подготовку нового договора. Хотя общее направление работы и было задано премьер-министром, именно министр иностранных дел отвечал за основной объем работы, связанный и с ведением переговоров с американской стороной, и с согласованием положений нового соглашения внутри правящей партии.

Последнее, а именно внутрипартийные согласования и обсуждения, являлось принципиально важным фактором. Дело в том, что специфика парламентско-кабинетной системы правления означала, что позиция в ней и премьер-министра, и министра иностранных дел была двойственной. Оба они, занимая соответствующие должности в исполнительной власти, были также и партийными деятелями, являясь к тому же главами своих собственных фракций. И то, что Либерально-демократическая партия была в рассматриваемый период (и продолжает быть вплоть до сегодняшнего дня), по сути, конгломератом конкурирующих друг с другом фракций, означало, что председатель партии (он же в условиях господства ЛДП на политической арене и премьер-министр) был далеко не абсолютным лидером, но лишь «первым среди равных». А потому он оставался на вершине партийной и государственной иерархии

[117] Стрельцов Д. В. Система государственного управления Японии. С. 141.

лишь до тех пор, пока пользовался достаточной поддержкой внутрипартийных фракций, что существенно ограничивало его свободу действий.

Подобная специфика в полной мере проявилась и в рассматриваемых событиях. Именно внутрипартийные согласования — как на этапе выработки положений будущего договора, так и во время процесса рассмотрения уже готового текста в парламенте — оказались наиболее сложной и затратной по времени задачей для правительства, в частности для отвечавшего за эти согласования министра иностранных дел.

С другой стороны, в отличие от того, что можно наблюдать во многих других развитых демократических странах, фактор борьбы между правящей партией и парламентской оппозицией оказался относительно менее значимым, особенно если сравнивать его с фактором межфракционной динамики внутри правящей партии. В самом деле, оппозиционные Социалистическая партия Японии (СПЯ) и Коммунистическая партия Японии (КПЯ) с самого начала выступили против планов правительства по подписанию нового Договора безопасности, а отколовшаяся от СПЯ Партия демократического социализма (ПДС) хотя и придерживалась более компромиссной позиции вначале, но после «продавливания» ратификации Договора безопасности через палату представителей также примкнула к числу однозначных противников действующего Кабинета. Тем не менее это не помешало правительству провести подписание и ратификацию нового японо-американского договора, по сути, при полном игнорировании мнения оппозиционных политиков.

И даже хотя в конечном счете по крайней мере одна из целей, которой добивалась оппозиция, а именно отставка Кабинета Н. Киси, и была достигнута, к этому исходу привели не только и, возможно, даже не столько действия оппозиции в парламенте. Конечно, то, что новый Договор безопасно-

сти был ратифицирован в нижней палате только голосами ЛДП (причем даже там некоторые ее члены, относившиеся к «антиосновному течению», не приняли участия в голосовании), и то, что сама процедура голосования сопровождалась применением силы против пытавшихся помешать ей оппозиционных депутатов, сильно подорвало легитимность доведшего до этого ситуацию премьер-министра в глазах общественности. Однако протесты в зале заседаний парламента сопровождались куда более масштабными протестами на улицах японских городов. В организации этих выступлений парламентские СПЯ, КПЯ и ПДС даже не играли ведущей роли, уступив лидерство либо профсоюзным организациям (так, ведущей силой в «Народной конференции против пересмотра Договора безопасности» было профсоюзное объединение Сохё), либо, если говорить о более радикальных акциях, студенческому движению в лице Дзэнгакурэн.

В этом смысле представляется уместным оценивать действия парламентской оппозиции не столько как отдельный фактор, существенным образом влиявший на ход процесса принятия решений, сколько как составную часть движения общественного протеста в целом. Это движение, хотя и страдавшее от собственных внутренних противоречий, в конечном счете смогло создать такую ситуацию, что Н. Киси, потерявший и поддержку избирателей, и, вследствие этого, поддержку коллег по партии, был вынужден уйти со своим Кабинетом в отставку.

Что касается общих характеристик процесса принятия решений, то в рассматриваемых событиях четко видно, насколько подчас оппортунистически, с оглядкой скорее на собственные тактические интересы, нежели на стратегические цели, действовали участвовавшие в этом процессе политические игроки. Так, для премьер-министра новый Договор безопасности был средством обеспечения собственного

долгого пребывания у власти, а для партийной оппозиции затягивание процесса согласований и внесение собственных инициатив относительно содержания будущего документа, равно как и попытки добиться признания права на пересмотр уже подписанного Договора безопасности были, как представляется, скорее способом укрепить собственные внутрипартийные позиции, нежели добиться изменения условий японо-американского договора по существу.

Можно сказать, что именно подобный оппортунизм многих политических деятелей в сочетании с культурно обусловленным представлением о важности консенсусного принятия решений, которое часто называется в качестве одной из ключевых характеристик японской политической системы и общества в целом[118], вели к тому, что процесс принятия внешнеполитических решений, как это было показано на примере рассмотренных в данной главе событий, зачастую оказывался сложным и полным противоречий. В условиях, когда каждый из игроков имеет возможность настаивать на своем, требуя учета собственных интересов, парадоксальным образом возникает ситуация, когда ни одна из сторон не имеет возможности добиться своих целей в полной мере: так, премьер-министр Н. Киси хотя и смог «продавить» Договор безопасности через парламент, но был вынужден поплатиться за это премьерским креслом, его оппонентам внутри партии не удалось перехватить у него власть (к примеру, активно пытавшийся повлиять на процесс подготовки Договора безопасности И. Коно так и не смог занять в итоге место премьер-министра), а оппо-

нанеся серьезный удар по авторитету премьер-министра Сато Эйсаку, возглавлявшего правительство с 1964 по 1972 г., — дольше, чем любой другой лидер в период «системы 1955 года». Более того, это подтолкнуло Японию к активным самостоятельным действиям с целью нормализации отношений с КНР. Достичь этой цели удалось уже осенью следующего 1972 г. преемнику Э. Сато, Танака Какуэй, причем здесь Токио смог даже опередить Вашингтон, добившийся нормализации и установления дипломатических отношений с Китайской Народной Республикой лишь к концу 1970-х годов (в декабре 1978 г. сторонами было подписано соответствующее коммюнике[3], согласно которому США и КНР установили дипломатические отношения с 1 января 1979 г.).

В долгосрочной перспективе эти события стали одной из причин качественной трансформации внешнеполитического курса Японии и перехода Токио к более независимой от США «многосторонней дипломатии», пусть и при сохранении общей ориентации на военно-политический союз с Соединенными Штатами. В то же самое время, как будет показано ниже, они обнажили слабые места и специфические черты системы принятия внешнеполитических решений в кризисных условиях, а потому данная ситуация представляет существенный интерес не только в контексте истории внешней политики Японии, но и с точки зрения вопросов, ставящихся в настоящем исследовании. Однако перед тем, как переходить к рассмотрению реакции Японии непосредственно на заявление президента Никсона, сделанное в июле 1971 года, следует охарактеризовать место и роль

[3] Joint Communiqué Of The United States Of America And The People's Republic Of China. 15.12.1978 [Electronic resource] // University of Southern California US-China Institute. URL: https://china.usc.edu/joint-communiqu%C3%A9-united-states-america-and-peoples-republic-china-december-15-1978 (date of access: 07.11.2021).

проблемы отношений с Китаем во внутренней политике Японии в период, предшествующий «шоку Никсона».

До 1972 г. Япония поддерживала дипломатические отношения только с гоминьдановским правительством Китайской Республики на Тайване, придерживаясь этого курса главным образом по двум взаимосвязанным причинам. Во-первых, такова была политика главного внешнеполитического партнера Японии — Соединенных Штатов, а потому самостоятельные действия Японии, как опасались в Токио, могли оказать негативное влияние на японо-американские отношения. Во-вторых, установление дипломатических отношений с КНР потребовало бы и еще одной существенной жертвы: для этого Японии пришлось бы пойти на сворачивание официальных отношений с Тайванем, поскольку китайская сторона однозначно заявляла, что не потерпит одновременного признания Японией и пекинского, и тайваньского правительств, предостерегая Японию, как это сформулировал в 1960 г. премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай, от участия в «заговоре, нацеленном на создание "двух Китаев"»[4].

Тем не менее вопрос о возможности и желательности нормализации отношений с КНР был предметом обсуждений в японских политических кругах еще задолго до «китайского шока Никсона» в июле 1971 г., а симпатии в отношении коммунистического Китая разделяли далеко не только организации и общественные деятели левого толка, но и отдельные представители консервативного лагеря.

[4] Сю: Онрай Тю:гоку сюсё: но тай нити бо:эки 3 гэнсоку ни кансуру данва (Заявление премьера КНР Чжоу Эньлая относительно трех принципов торговли с Японией). 27.08.1960 // Дэ:та бэ:су «Сэкай то Нихон» (дайхё:: Танака Акихико) [База данных «Мир и Япония» (руководитель проекта: Танака Акихико)]. URL: http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/JPCH/19600827.S1J.html (дата обращения: 18.11.2021).

Показателен в этом смысле пример уже фигурировавшего выше Ёсида Сигэру, одного из ключевых политических деятелей первого послевоенного десятилетия истории Японии, придерживавшегося в целом резко антикоммунистических взглядов (достаточно сказать, что одна из глав его мемуаров носит название «Коммунисты как деструктивная сила»[5]). Но политические убеждения С. Ёсида не мешали ему питать симпатии к Китаю как к стране, и еще в 1951 г. в беседах с Джоном Фостером Даллесом, тогда главным переговорщиком американской стороны при подготовке японо-американского мирного договора, С. Ёсида настаивал, что американская политика сдерживания Китая неверна, что союз СССР и КНР окажется недолговечным и что Япония может сыграть важную роль в том, чтобы «увести» Китай от коммунистической идеологии. Как утверждает один из крупнейших специалистов по послевоенной японской политике, американский политолог Чалмерс Джонсон, так называемое «письмо Ёсида» от 24 декабря 1951 г.,[6] в котором японский премьер подтверждает, что Япония признает тайваньское, но не пекинское правительство, вполне могло быть составлено самим Даллесом и лишь подписано Ёсида.

Сходных взглядов в отношении Китая на протяжении следующих двух десятилетий придерживались, даже если и не высказывали их открыто, и многие другие консервативные политики, включая занимавших впоследствии пост премьер-министра представителей так называемой «школы Ёсида» — Икэда Хаято, Сато Эйсаку и Танака Какуэй[7]. Вместе с тем большинство консервативных политиков выступали за ориентацию Японии на союз с США, а потому в во-

[5] Yoshida S. The Yoshida Memoirs. P. 232.

[6] Yoshida S. Yoshida's Letter to Dulles / S. Yoshida // Far Eastern Survey. 1952. Vol. 21, No. 4. P. 38–39.

[7] Johnson C. The Patterns of Japanese Relations with China. P. 403–404.

просе об отношениях с Китаем склонялись к сохранению статус-кво, при котором Япония поддерживала дипломатические отношения с гоминьдановским правительством на Тайване, официально не признавая Китайскую Народную Республику.

С другой стороны, если говорить об отношении к КНР левых оппозиционных партий, Социалистической партии Японии (СПЯ) и Коммунистической партии Японии (КПЯ), то здесь, несмотря на идеологическую близость, вряд ли можно было говорить об их абсолютном единодушии со своими китайскими товарищами. СПЯ в целом придерживалась консенсуса относительно необходимости нормализации отношений с КНР, а ее руководители регулярно посещали Пекин и подписывали совместные коммюнике с призывами к установлению полноценных отношений двух стран. То, что китайская сторона пыталась использовать подобные контакты для влияния на политический курс самой Японии, особенно ярко проявилось накануне подписания японо-американского Договора безопасности 1960 г., когда лидер СПЯ Асанума Инэдзиро, прибыв с визитом в Пекин в марте 1959 г., выступил с речью, в которой призвал к борьбе с «американским империализмом» как «общим врагом» народов Японии и Китая[8] — заявление, нанесшее немалый урон авторитету СПЯ в самой Японии. При этом в период «борьбы против Договора безопасности» Ассоциация японо-китайской дружбы и другие прокитайские общественные организации были среди наибо-

[8] Асанума Инэдзиро: Сякайто: хо:тю: сисэцудантё: но «бэйтэйкокусюги ва ниттю: кё:до: но тэки» эндзэцу [Речь главы делегации СПЯ Асанума Инэдзиро об «американском империализме как общем враге Японии и Китая] 13.03.1959 [Электронный ресурс] // Дэ:та бэ:су «Сэкай то Нихон» (дайхё:: Танака Акихико) [База данных «Мир и Япония» (руководитель проекта: Танака Акихико)]. URL: http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/JPCH/19590312.S1J.html (дата обращения: 15.11.2021).

лее активных противников нового японо-американского договора[9].

Вместе с тем в 1960-х годах между левым и правым крылом СПЯ существовали серьезные разногласия по вопросу об отношениях с КНР в целом и Коммунистической партией Китая (КПК) в частности. Так, после начала в 1966 г. «культурной революции» придерживавшаяся более левых взглядов фракция Сасаки Кодзо не просто поддержала ее, но и подчеркивала, что японские социалисты могли бы извлечь из нее ценные уроки для своей борьбы. Напротив, более умеренные элементы СПЯ, прежде всего структурно-реформистская фракция Эда Сабуро, осуждали пропекинскую позицию радикально-левого крыла партии, чем вызывали недовольство Пекина, стремившегося использовать в своих интересах радикалов. Глубина разногласий между Пекином и правым крылом СПЯ наглядно иллюстрируется тем фактом, что в марте 1964 г. китайская сторона заявила, что С. Эда и другие правые элементы СПЯ потворствуют тезису о «двух Китаях» (согласно которому и Китайская Республика, и КНР являются легитимными правительствами) и что они вступили в сговор с «империализмом» и «современным ревизионизмом»[10].

Еще более сложными были отношения с Пекином у КПЯ. После того, как в начале 1960-х годов раскол между КНР и СССР стал очевиден, японские коммунисты были поставлены перед выбором, какую из двух сторон поддержать. Первоначально они выбрали КПК, причем немалую роль здесь сыграло то, что многие из лидеров КПЯ в годы репрессий против коммунистов в Японии находили убежище в Китае. Однако уже ко второй половине 1960-х го-

[9] Ogata S. Normalization with China. P. 10.

[10] Lee C. Factional Politics in the Japan Socialist Party: The Chinese Cultural Revolution Case // Asian Survey. 1970. Vol. 10, No. 3. P. 230–232.

дов в отношениях двух коммунистических партий назрел серьезный конфликт, обусловленный целым рядом идеологических противоречий: КПЯ обвиняла Мао Цзэдуна во враждебном марксизму-ленинизму догматизме и в великодержавном шовинизме, а китайская сторона клеймила членов КПЯ как отступников, ревизионистов и приспешников японской и американской реакции.

Конфликт не ограничивался только словесными выпадами. КНР исключила из числа «дружественных фирм», через которые осуществлялась ограниченная торговля Японии с Китаем, связанные с КПЯ компании, что нанесло финансовый урон партии. КПЯ же вычистила из своих рядов тех, кто был настроен благожелательно по отношению к Пекину, включая нескольких видных членов центрального комитета. К 1967 г. накал конфликта дошел до уровня насильственных столкновений, когда делегация КПЯ была избита хунвэйбинами в пекинском аэропорту. КПК пыталась внести раскол в ряды КПЯ, поддерживая немногочисленные маоистские группы в самой Японии, такие как КПЯ (Левая) и Японская рабочая партия, и периодически приглашая японских маоистов для участия в торжественных мероприятиях в китайской столице. Вражда между двумя коммунистическими партиями оказалась настолько глубокой, что не была преодолена даже после нормализации отношений Японии и КНР, и в итоге отношения между КПЯ и КПК были восстановлены лишь в 1998 г.[11]

В этих условиях заметной силой, активно выступавшей за сближение с коммунистическим Китаем, стали симпатизировавшие ему журналисты, ученые и другие общественные деятели из прогрессивного лагеря. Существовал целый

[11] Berton P. The Chinese and Japanese communist parties: three decades of discord and reconciliation, 1966–1998 // Communist and Post-Communist Studies. 2004. Vol. 37. P. 362–365.

ряд причин, по которым лидеры общественного мнения выступали с пропекинских позиций. Нередко они апеллировали к вине Японии за совершенные против Китая военные преступления и утверждали, что Япония стала великой державой за счет Китая. Импонировала им и националистическая и антиамериканская риторика Пекина, тем более что основная часть левых интеллектуалов в Японии относилась к американскому военному присутствию в своей стране резко негативно[12].

Также важную роль в налаживании «народной дипломатии» между Японией и КНР играли пропекинские неправительственные организации. Их значимость была на деле доказана уже в первые послевоенные годы: когда власти КНР в декабре 1952 г. приняли решение вернуть на родину находившихся на их территории японских военнопленных, посредниками выступили именно прокитайские организации в Японии, сумевшие благодаря этому закрепить свою роль в качестве незаменимых участников «народной дипломатии». Играли эти организации свою роль и в налаживании торговли между двумя странами. К примеру, подписанное 1 июня 1952 г. неправительственное торговое соглашение между КНР и Японией было заключено между китайским Комитетом развития международной торговли и японским Обществом содействия японо-китайской торговле (*Ниттю: бо:эки сокусин кай*)[13].

Торговля даже при отсутствии дипломатических отношений была возможна потому, что официальный Токио придерживался концепции «*сэйкэй бунри*» («разделение политики и экономики»). При этом объемы экономических связей были весьма существенными. Если в 1960 г. товаро-

[12] Ogata S. Japanese Attitude toward China // Asian Survey. 1965. Vol. 5, No. 8. P. 392–393.

[13] Ogata S. Normalization with China. P. 9.

оборот между КНР и Японией уступал товарообороту между Тайванем и Японией более чем в 6 раз (23 млн долл. против 151 млн долл.), то уже в 1964 г. объем торговли Японии с материковым Китаем превысил объем торговли с Тайванем, притом что у стран по-прежнему не было дипломатических отношений[14], а в 1965 г. Япония заняла место СССР в качестве ведущего торгового партнера КНР[15].

Торговля велась как через систему так называемых «дружественных фирм» — как правило, небольших компаний, получивших рекомендацию соответствующих пропекинских организаций, — так и в более крупных масштабах, в соответствии с заключенным 9 ноября 1962 г. с согласия и при поддержке премьер-министра Икэда Хаято документом, получившим название «соглашения Ляо-Такасаки» (также известным как «торговый меморандум LT») и предусматривавшим на протяжении пятилетнего периода, с 1963 по 1967 г., торговлю в ориентировочном ежегодном объеме 36 млн британских фунтов[16]. При этом в Токио и Пекине были созданы соответствующие представительства, причем в японском представительстве работали чиновники из Министерства международной торговли и промышленности и представители деловых организаций, а китайская сторона рассматривала их как представителей японского правительства[17].

---

[14] Mendel D. H. Sino-Japanese Relations in Crisis. P. 26.

[15] Johnson C. The Patterns of Japanese Relations with China. P. 406.

[16] Ниттю: LT бо:эки обоэгаки (Ниттю: бо:эки ни кансуру Такасаки Тацуносукэ, Ляо Чэнчжи но обоэгаки) (Японо-китайский торговый меморандум LT (Меморандум Такасаки Тацуносукэ и Ляо Чэнчжи относительно японо-китайской торговли)). 09.11.1962 // Дэ:та бэ:су «Сэкай то Нихон» (дайхё:: Танака Акихико) [База данных «Мир и Япония» (руководитель проекта: Танака Акихико)]. URL: http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/docs/19621109.O1J.html (дата обращения: 07.11.2021).

[17] Ogata S. Normalization with China. P. 12.

Все это означало, что и японское бизнес-сообщество было непосредственно заинтересовано в сохранении и развитии связей с Пекином, тем более что в период быстрых темпов развития японской экономики именно китайский рынок мог стать решающим для Японии. В условиях расширения торговых контактов КНР со странами Запада (наибольший интерес к торговле с Пекином проявляли Великобритания, Франция, ФРГ и Италия) Япония, как утверждали представители японских деловых кругов, могла уступить свои позиции в области торговли с Китаем западным конкурентам, если отношения с КНР не будут нормализованы[18].

Усилению пропекинских тенденций в общественном мнении Японии способствовала также целенаправленная политика самих властей КНР. Так, еще в 1964 г. основные японские газеты заключили с Пекином соглашение об обмене корреспондентами. Вскоре, однако, китайская сторона начала требовать от японских журналистов, работавших на ее территории, освещения событий в желательном для китайских властей ключе, а те из представителей прессы, кого китайские власти считали недружественно настроенными, подвергались высылке, им запрещался повторный въезд в Китай или их даже задерживали по обвинениям в шпионаже[19]. В результате к 1970 г. в КНР остались только корреспонденты газеты «Асахи», а освещение ими событий в Китае стало осуществляться, как это характеризует Ч. Джонсон, «в манере, неотличимой от официальных китайских СМИ»[20].

Если говорить об общественном мнении Японии в целом, то, безусловно, в годы, предшествовавшие «китайско-

[18] Ogata S. Japanese Attitude toward China. P. 396–397.

[19] Zhao Q. Japanese Policymaking. P. 84.

[20] Johnson C. The Patterns of Japanese Relations with China. P. 409–410.

му шоку Никсона», среди японцев были распространены и страх перед коммунистическим Китаем как потенциальной угрозой, и сохранившееся еще с конца XIX — начала XX в. пренебрежительное отношение к современному Китаю как стране, отстающей в развитии по сравнению со стремительно модернизировавшейся Японией. Однако эти факторы во многом уравновешивались симпатиями, обусловленными исторической и культурной близостью между двумя странами (примером этого может послужить распространенное выражение «*до:бун до:сю*», «одна письменность, одна раса»), что в совокупности с географической близостью и масштабом Китая означало, что значительная часть японского общества была убеждена в объективной необходимости добрососедских отношений с Китаем[21].

Целенаправленная «народная дипломатия» КНР, деятельность пропекински настроенных общественных организаций и публичных интеллектуалов приносили свои плоды. Согласно результатам проведенного в феврале 1970 г. (т. е. за полтора года до «шока Никсона») опроса общественного мнения, 44% респондентов ответили, что Японии следует признать КНР, 20% заявили, что следует сохранить статус-кво (т. е. продолжить признавать тайваньское правительство законным представителем всего Китая), и 37% затруднились ответить. Нельзя, впрочем, не отметить, что и здесь оказалась видна склонность японского характера к компромиссным решениям: из 44% ответивших, что официальному Токио следует признать Пекин, 78% (т. е. 34% от общего числа респондентов) считали, что отношения с правительством Гоминьдана следует сохранить, и лишь 6% (менее 3% от общего числа ответивших) заявили, что дипотношения с Тайванем должны быть разорваны. В самом

[21] Ogata S. Japanese Attitude toward China. P. 390–391.

деле, сложно говорить о том, что значительное количество японцев безоговорочно приняли пропекинскую позицию — в ситуации, когда лишь 5% респондентов придерживались мнения, что Тайвань должен стать частью коммунистического Китая (31% ответили, что он должен быть независимым тайваньским государством, 24% — что он должен продолжать оставаться под контролем гоминьдановского правительства Китайской Республики, и 40% респондентов затруднились ответить)[22].

Впрочем, симпатии к КНР открыто проявляли не только тяготевшие к прогрессивной части идеологического спектра политики, общественные организации и средства массовой информации, а также прислушивавшиеся к ним простые граждане. Даже некоторые члены консервативного лагеря активно выступали за налаживание отношений с Пекином, в немалой степени потому, что это способствовало бы большей независимости Японии от Соединенных Штатов. Характерно, что в общественных дискуссиях Японии середины 1960-х годов торговлю с Китаем часто называли «независимая торговля» («*дзисю бо:эки*»), а связи с Китаем — «независимой дипломатией» («*дзисю гайко:*»)[23]. Во многом наряду с практическими выгодами торговли и возможной нормализации отношений с Пекином именно подобные националистические мотивы служили причиной того, что и ряд деятелей правящей консервативной ЛДП выступали за развитие связей с КНР и прикладывали к этому конкретные усилия.

На политическом уровне вплоть до «шока Никсона» наиболее значимым каналом коммуникации между японским правительством и КНР были визиты в Китай пропекински

[22] Mendel D. H. Sino-Japanese Relations in Crisis. P. 26–27.

[23] Ogata S. Japanese Attitude toward China. P. 397.

настроенных членов правящей ЛДП, притом что лидеры партии продолжали официально занимать протайваньскую позицию. Одним из наиболее влиятельных представителей этого «пропекинского лобби» был занимавший пост премьер-министра в 1956–1957 гг. Исибаси Тандзан, посетивший китайскую столицу с визитом еще в 1959 г., чтобы попытаться улучшить отношения между двумя странами. Вслед за Т. Исибаси в Китай отправился Мацумура Кэндзо, ставший фактическим лидером «пропекинского лобби» в ЛДП. К этой группировке относились и такие консервативные политики, как Такасаки Тацуносукэ, Фуруи Ёсими и Тагава Сэйити, а также фигурировавший в предыдущей главе Фудзияма Айитиро. Еще в бытность свою министром иностранных дел правительства Киси Нобусукэ в 1957–1960 гг. А. Фудзияма предпринимал усилия для налаживания китайско-японских экономических связей[24]: так, выступая в парламенте в январе 1959 г., он говорил о необходимости поощрения взаимной торговли и развития добрососедских отношений на основе взаимного «уважения к политическим идеям и порядкам» друг друга[25]. А в 1966 г., окончательно перейдя на пропекинские позиции, А. Фудзияма занял место К. Мацумура в качестве главного переговорщика японской стороны в контактах с Пекином. Всего же эта группа насчитывала около 80 членов парламента, главным образом принадлежавших к фракциям Коно, Мацумура и Оно[26]. При этом в организационном плане «пропекинские» силы в ЛДП были оформлены как Исследовательский

[24] Фудзияма А. Сэйдзи вага мити. С. 172–173.

[25] Сясэцу. Хэйва гайко: но кё:рёку на гутайка о нодзому (Редакционная статья. Надеемся на серьезную конкретизацию мирной дипломатии) // Асахи симбун. 29.01.1959, утренний выпуск. С. 2.

[26] Ogata S. Normalization with China. P. 11–12; Johnson C. The Patterns of Japanese Relations with China. P. 405–406.

совет по вопросам Азии и Африки (*Адзиа Афурика мондай кэнкю:кай*), основанный 28 января 1965 г. главным образом из числа членов фракций «антиосновного течения» правящей партии[27].

С другой стороны, протайваньские силы в ЛДП были представлены рядом частично пересекающихся по составу организаций антикоммунистической направленности: Исследовательским советом по вопросам Азии (*Адзиа мондай кэнкю:кай*), учрежденным 16 декабря 1964 г., возглавленным Кая Окинори и включавшим в себя главным образом антикоммунистически настроенных представителей «основного» течения ЛДП, и в частности большинство фракций Киси, Сато и Исии; созданным в 1965 г. по инициативе Исследовательского совета по вопросам Азии Союзом парламентариев Азии (*Адзиа коккай гиин рэнго:*), объединявшим членов парламента из некоммунистических азиатских стран; Японо-тайваньским комитетом сотрудничества (*Никка кё:рёку иинкай*), учрежденным в 1957 г. и позже вошедшим в состав Исследовательского совета по вопросам Азии; наконец, объединявшей представителей правого крыла ЛДП организацией Со:синкай («Общество простых сердец»). Интересно, что одним из самых влиятельных политических деятелей среди членов этих групп был Киси Нобусукэ, притом что его бывший друг и соратник Фудзияма Айитиро, наоборот, относился к числу лидеров пропекинского лобби.

Даже несмотря на то, что первоначально к пропекинскому лагерю принадлежали главным образом представители «антиосновного течения», а к протайваньскому — «основного», эти две группировки не были четко связаны с конкретными фракциями. Более того, примерно половина депутатов от ЛДП не принадлежала ни к пропекинским, ни

[27] Ogata S. Japanese Attitude toward China. P. 395.

к протайваньским группам и не отстаивала какой-либо однозначной позиции в вопросах, касавшихся отношений с Пекином и Тайбэем. К этому «нейтральному» лагерю относились многие видные лидеры партии, и в том числе Коно Итиро, Икэда Хаято, Сато Эйсаку, Охира Масаёси, Исида Хирохидэ, Сиина Эцусабуро[28].

Неформальные каналы связи с руководством КНР поддерживались, даже несмотря на такие неблагоприятные факторы, как начало «культурной революции» в Китае и жесткая реакция официального Пекина на визит премьера Э. Сато на Тайвань в 1967 г. Ё. Фуруи и С. Тагава, игравшие в тот период ведущую роль в поддержании контактов с Пекином, во время своих визитов в Китай были вынуждены подчиняться всем требованиям китайской стороны, использовавшей эти визиты как средство обличения «возрожденного японского милитаризма», а также переносить критику со стороны своих коллег по ЛДП. Тем не менее они шли на это, зная, что подобные жертвы необходимы для поддержания японо-китайских связей. Во многом именно благодаря их усилиям даже во второй половине 1960-х — начале 1970-х годов, в период премьерства Э. Сато, отношение к которому в Пекине было весьма негативным, торговля между двумя странами не прерывалась[29].

Поскольку «пропекинское лобби» в ЛДП имело главной своей целью развитие торговли с КНР, то естественно, что оно поддерживало тесные связи с предпринимательским сообществом. Выходцами из деловых кругов были и Т. Такасаки, в военные годы занимавший пост председателя Компании развития тяжелой промышленности Маньчжурии (*Мансю: дзю:ко:гё: кайхацу кабусики гайся*), и А. Фудзи-

[28] Zhao Q. Japanese Policymaking. P. 74.

[29] Johnson C. The Patterns of Japanese Relations with China. P. 408–409.

яма, до начала политической карьеры — крупный промышленник. Более того, к началу 1970-х годов Пекин стал более активно устанавливать контакты с деловыми кругами Японии напрямую, примером чему стали состоявшиеся весной 1971 г. визит в Китай главы корпорации «Тойота» и встреча руководства объединяющей ведущих корпоративных руководителей Японии Ассоциации экономических единомышленников (*Кэйдзай до:ю:кай*) с директором Ассоциации дружбы китайского народа с зарубежными странами. О том, что в период непосредственно перед «шоком Никсона» пропекинские настроения в Японии получили широкое распространение, причем на повестке дня стояла уже полноценная нормализация отношений, а не просто развитие экономических обменов, свидетельствует и то, что 9 декабря 1970 г. усилиями А. Фудзияма была образована Лига депутатов парламента за восстановление отношений с Китаем (*Ниттю: кокко: кайфуку сокусин гиин рэммэй*), в которую вошли более 300 депутатов из разных партий[30].

Таким образом, к началу 1970-х годов в результате как действий заинтересованных в расширении контактов с КНР внутрияпонских сил, так и осуществлявшейся Пекином целенаправленной «народной дипломатии» японское общественное мнение оказалось в целом благоприятно настроенным к коммунистическому Китаю, и, чтобы направить японскую дипломатию по пути нормализации отношений с ним, нужен был лишь внешний стимул, которым и стал «шок Никсона».

То, что нормализация отношений с Пекином — дело времени, понимал и сам премьер-министр Э. Сато. Как подчеркивал личный секретарь политика Кусуда Минору, Э. Сато

[30] Ogata S. Normalization with China. P. 14; 114; Farnsworth L. W. Japan: The Year of the Shock. Part I. P. 48.

обсуждал с ним перспективы такого шага еще до своего назначения премьер-министром в 1964 г., хотя, возглавив правительство, ввиду складывающейся политической ситуации был вынужден отложить эту задачу. По признанию М. Кусуда, в период администрации Э. Сато обсуждение вопроса о перспективах нормализации отношений с Пекином продвигалось в японских правящих кругах с трудом[31].

Но даже в этих условиях к началу 1970-х годов отдельные, пусть и весьма осторожные, шаги в этом направлении начало предпринимать и японское правительство. С одной стороны, в январе 1971 г. Э. Сато в интервью американскому журналу «Businessweek» сказал: «Пока я остаюсь премьер-министром, изменений [в политике в отношении КНР] не будет», хотя и добавил, что не имеет ничего против японо-китайской торговли, транспортного сообщения и человеческих обменов, если они будут осуществляться на неофициальном уровне[32]. С другой стороны, 22 января 1971 г., за несколько месяцев до визита Г. Киссинджера в Китай, Э. Сато заявил в парламенте, что Япония готова не только торговать с Китаем, но и осуществлять «разнообразные контакты между правительствами», при этом впервые использовав официальное название «Китайская Народная Республика», хотя и отметил, что в данной ситуации Япония ожидает усилий и со стороны Пекина[33]. Также, действуя

[31] Интабю:. Кусуда Минору си (Сато: Эйсаку сюсё: сэки хисёкан) (Интервью. Кусуда Минору (личный секретарь премьер-министра Сато Эйсаку)). 16.11.1995. С. 8 [Электронный ресурс] // The National Security Archive. The George Washington University. URL: https://nsarchive2.gwu.edu//japan/kusuda.pdf (дата обращения: 07.11.2021).

[32] Сато: сэйкэн цудзуку кагири ниттю: канкэй каварадзу (Пока правительство Сато у власти, изменений в японо-китайских отношениях не будет) // Асахи симбун. 12.01.1971, вечерний выпуск. С. 1.

[33] Дай 065 кай коккай. Сю:гиин. Хонкайги. Дай 2 го: (65 сессия парламента. Палата представителей. Пленарное заседание. Заседание № 2). 22.01.1971 [Электронный ресурс] // Коккай кайгироку кэнсаку сисутэму (Система по-

через М. Кусуда, Э. Сато одобрил создание так называемой Группы изучения международных отношений (*Кокусай канкэй конданкай*), в состав которой входили крупнейшие специалисты по Китаю и по международным отношениям и задачей которой было сформулировать новый курс в отношении КНР. При этом, однако, первое заседание группы состоялось уже после «шока Никсона» — 26 августа 1971 г.[34]

Тем не менее, несмотря на значительное давление пропекински настроенного общественного мнения, японское правительство предпочло занять выжидательную позицию, чему способствовало несколько факторов. Прежде всего существенной причиной оказалась международная ситуация в Азии: испытание КНР ядерного оружия в 1964 г., начало бомбардировок Соединенными Штатами Северного Вьетнама в 1965 г. и старт «культурной революции» в Китае в 1966 г. Все это заставило Э. Сато считать КНР даже большей угрозой для национальной безопасности, нежели СССР, и дополнительно укрепило зависимость Японии от военного союза с Соединенными Штатами[35].

Немалую роль сыграла и позиция самого американского руководства, практически ничем прямо не выдававшего своего намерения пойти на сближение с Пекином. Так, о неизменности курса США свидетельствовали формулировки совместного заявления Р. Никсона и Э. Сато, принятого по итогам визита японского премьера в США 21 ноября 1969 г. Гарантии безопасности Тайваня были выражены в этом документе в утверждении, что «поддержание мира и безопасности в районе Тайваня [является] важнейшим фактором безопасности Японии». В адрес же КНР стороны высказали

иска протоколов заседаний Парламента Японии). URL: http://kokkai.ndl.go.jp/SENTAKU/syugiin/065/0001/06501220001002a.html (дата обращения: 16.11.2021).

[34] Johnson C. The Patterns of Japanese Relations with China. P. 411–412.

[35] Yoshii M. The Creation of the «Shock Myth». P. 135.

не слишком завуалированную критику, выразив «надежду, что коммунистический Китай займет более кооперативную и конструктивную позицию в своих внешних сношениях»[36]. В октябре 1970 г. президент Р. Никсон подтвердил Э. Сато, что стороны будут поддерживать тесные консультации по вопросу отношений с Китаем. В начале 1971 г. департамент Азии МИД Японии отправил в Вашингтон своего сотрудника, которому были даны заверения, что США и Япония будут двигаться к нормализации отношений с Китаем вместе и не будут пытаться опередить друг друга. Наконец, 9 июня 1971 г., меньше чем за полтора месяца до заявления Р. Никсона, госсекретарь Уильям Роджерс подтвердил японскому министру иностранных дел Айти Киити, что США и Япония будут поддерживать тесное сотрудничество по вопросу представительства Китая в ООН[37].

Как отмечают авторы, анализировавшие проблемы внешней политики США и японо-американских отношений рассматриваемого периода, имелось несколько причин тому, что американское руководство решило не информировать своих японских союзников о планах по налаживанию отношений с Китаем, пойдя на прямое нарушение данных до этого обещаний. С одной стороны, свою роль сыграл специфический стиль руководства внешней политикой, свойственный Р. Никсону, при котором Государственный департамент был в значительной степени отодвинут от решения существенных внешнеполитических вопросов, а ключевые решения принимались непосредственно в Белом доме, и в частности в рамках Совета национальной безопасно-

[36] Joint Statement of Japanese Prime Minister Eisaku Sato and U.S. President Richard Nixon. 21.11.1969 [Electronic resource] // «The World and Japan» Database (Project Leader: TANAKA Akihiko). URL: http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/docs/19691121.D1E.html (date of access: 07.11.2021).

[37] Ogata S. Normalization with China. P. 37.

сти[38]. О секретном визите Г. Киссинджера в Китай, начавшемся 1 июля 1971 г., Государственный департамент даже не был проинформирован заранее, а госсекретарю У. Роджерсу первоначально было сообщено, что Г. Киссинджер собирается в «информационную поездку» по Азии[39]. С другой стороны, намерение оставить Токио в неведении вполне могло быть и сознательным шагом: либо в качестве «наказания» за неспособность Э. Сато выполнить данное им до этого обещание сократить экспорт текстильной продукции в США[40], либо, если следовать более прозаичной версии, из-за опасений утечки информации о грядущем заявлении Р. Никсона, если соответствующие сведения будут переданы японской стороне заранее[41].

В то же время отдельные косвенные признаки того, что Р. Никсон собирается уделять значительное внимание вопросу отношений с Китаем и, возможно, попытается добиться решительного прорыва в этих отношениях, можно было проследить задолго до июля 1971 г. Так, в опубликованной в октябре 1967 г. в журнале «Foreign Affairs» статье тогда еще будущий президент Соединенных Штатов писал: «В долгосрочной перспективе мы просто не можем позволить себе навсегда оставить Китай за пределами семьи наций»[42]. В своей инаугурационной речи 20 января 1969 г. Р. Никсон заявил: «Пусть все нации знают, что при этой

[38] Более подробное рассмотрение внешнеполитического процесса в США данного периода выходит за рамки настоящей работы. Детальный анализ этого вопроса можно найти в следующих работах: Ogata S. Normalization with China. P. 16–44; Hoey F. Sato, America and the Cold War. P. 138–160.

[39] Ogata S. Normalization with China. P. 27–28.

[40] Hoey F. Sato, America and the Cold War. P. 148.

[41] Yoshii M. The Creation of the «Shock Myth». P. 137.

[42] Nixon R. Asia after Viet Nam // Foreign Affairs. 1967. Vol. 46, No. 1. P. 121.

администрации наши каналы связи будут открыты»[43]. Не исключено, что это могло быть намеком на перспективу установления отношений с КНР. Более того, во время своего иностранного турне в июле — августе 1969 г. американский президент говорил о намерении установить контакты с Пекином, с лидерами Пакистана и Румынии, а 8 августа 1969 г. госсекретарь У. Роджерс заявил о намерении США улучшить отношения с Китаем в своей речи в Национальном пресс-клубе в Канберре[44].

Возникает естественный вопрос: почему японское руководство не смогло прочитать все эти, пускай и неочевидные, намеки, равно как и не смогло заполучить информацию о более конкретных шагах американской администрации в этом направлении и таким образом предвидеть сближение США и КНР, чтобы заранее подготовиться к этой ситуации?

Помимо упомянутых выше внешних факторов, немалую роль в подобной непрозорливости высшего японского руководства сыграло то, что в период пребывания у власти правительства Э. Сато в МИД Японии имелись существенные разногласия по вопросу о перспективах отношений с КНР. Часть министерства (особенно департамент Азии и входящий в его состав отдел Китая) высказывалась в пользу скорейшей нормализации отношений между странами. Однако большинство внешнеполитического ведомства, и в частности департамент Америки, департамент ООН и департамент информации и культуры, считало, что главное для Японии — сохранение отношений с Тайванем

[43] Nixon R. Inaugural Address. 20.01.1969 [Electronic resource] // The American Presidency Project. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/inaugural-address-1 (date of access: 07.11.2021).

[44] Ogata S. Normalization with China. P. 21–22.

и следование в этом вопросе за Соединенными Штатами[45]. При этом как минимум с 1966 г. сотрудники отдела Китая выступали с аргументами, что географическая близость и необходимость снижения напряженности в регионе диктуют важность налаживания хороших отношений с пекинским правительством, отмечая одновременно, что Япония может и должна поддерживать и укреплять экономические связи с Тайванем.

К январю 1971 г. отдел Китая констатировал, что видны признаки снижения напряженности в отношениях между КНР и США, и рекомендовал принять меры с целью налаживания конфиденциальных контактов между Токио и Пекином, с тем, однако, чтобы Вашингтон был оповещен об этих контактах. В ответ на соответствующий меморандум отдела Китая департамент Америки подготовил свой документ, в котором заявлял (как вскоре оказалось, ошибочно), что перспектив серьезного прорыва в американо-китайских отношениях нет, что дипломатические усилия Вашингтона, по крайней мере в ближайшее время, будут сосредоточены на проблемах Вьетнама и Ближнего Востока, а также подготовке Договора об ограничении стратегических вооружений с СССР. В результате предложения отдела Китая были проигнорированы, и до июля 1971 г., когда заявление Р. Никсона доказало, что именно сторонники сближения с КНР смогли правильно предсказать развитие ситуации, никаких действий со стороны японского внешнеполитического ведомства предпринято не было[46].

Наряду с разногласиями по поводу приоритетов внешней политики близорукости МИД способствовало и то, что это ведомство не ставило перед собой задачу изучать внешнюю

[45] Zhao Q. Japanese Policymaking. P. 78.

[46] Hoey F. Sato, America and the Cold War. P. 140–142.

политику своих американских союзников настолько детально, чтобы можно было различить признаки грядущего потепления в отношениях США и КНР. Ирландский ученый Финтан Хои, автор монографии «Сато, Америка и холодная война», приводит воспоминания японского дипломата Окадзаки Хисахико, согласно которым информационный департамент МИД занимался наблюдением и анализом действий так называемых враждебных стран (к их числу относились КНР и СССР), но не Соединенных Штатов, а также упоминавшегося выше М. Кусуда, утверждавшего, что японский МИД сосредоточил свое внимание на проблеме Окинавы в ущерб изучению других вопросов, связанных с отношениями США со странами Азии[47].

Таким образом, вплоть до самого момента «китайского шока Никсона» японский внешнеполитический аппарат так и не смог предпринять никаких существенных шагов, которые позволили бы если не опередить Вашингтон в налаживании связей с Пекином, то, по крайней мере, минимизировать политический ущерб от новости о том, что США пошли на сближение с КНР. Причины тому кроются как в международной политической обстановке (прежде всего практически полной зависимости Японии от США в военно-политической сфере, не позволявшей официальному Токио проявлять значительную независимость в своей внешней политике), так и в специфике внешнеполитического процесса в самой Японии, и в частности в Министерстве иностранных дел: там сторонники сближения с Пекином не смогли преодолеть сопротивление тех, кто выступал за сохранение статус-кво, а приоритеты информационной деятельности внешнеполитического ведомства помешали сделать правильные выводы относитель-

[47] Hoey F. Sato, America and the Cold War. P. 151.

но намерений Вашингтона. Но в то же самое время, как и МИД, и высшее политическое руководство продолжали занимать пассивную позицию относительно перспектив установления контактов с КНР, на самых разных уровнях японского общества — от СМИ, публичных интеллектуалов и прокитайских общественных организаций до «пропекинского лобби» в правящей ЛДП — распространялись симпатии к Пекину, и когда «шок Никсона» все же произошел, у японского руководства фактически не оставалось выбора, кроме как двигаться в направлении нормализации отношений с Китаем.

2.2. Процесс принятия внешнеполитических решений в Японии в связи с нормализацией связей с Пекином

О запланированном на 15 июля 1971 г. телеобращении Р. Никсона к нации, в котором он сообщал о состоявшейся поездке Г. Киссинджера в Китай и о запланированном на ближайшее время визите в КНР самого президента США, в самый последний момент узнала не только японская сторона, но и многие деятели американской администрации. Министр обороны Мелвин Лэйрд был проинформирован только накануне, 14 июля. Единственным человеком в Государственном департаменте, знавшем о заявлении Р. Никсона заранее, был госсекретарь У. Роджерс, но и ему было приказано не распространять эту информацию. В этом смысле заявление американского президента стало «шоком» далеко не только для Японии.

Всего за несколько часов до выступления Р. Никсона информация о нем дошла до японского посла Усиба Нобухико. Когда же она поступила в Токио, где к тому времени уже наступило утро 16 июля, премьер Э. Сато был на заседании

Кабинета министров, и новость была передана ему лишь за несколько минут до телеобращения Р. Никсона[48]. На следующий день, 17 июля, премьер-министр должен был выступать с программной речью на открытии 66-й чрезвычайной сессии парламента. Как вспоминал позже М. Кусуда, окружение премьер-министра обсуждало, стоит ли упомянуть в этой речи заявление американского президента, и поскольку сам Э. Сато решил, что об этом необходимо сказать, его помощникам пришлось спешно переписывать текст выступления[49]. В результате в своей речи премьер-министр заявил, что «вопрос Китая является для Японии самой большой задачей на 70-е годы», а инициативу США охарактеризовал в исключительно положительном ключе, добавив, что ожидает и перехода японо-китайских отношений на уровень «переговоров между правительствами», тем самым довольно прозрачно намекнув на намерение Токио добиваться установления дипломатических отношений с Пекином[50].

В литературе существуют разные оценки относительно того, в какой степени заявление Р. Никсона действительно стало «шоком» конкретно для Э. Сато. В то время как Ф. Хои, ссылаясь на воспоминания М. Кусуда, представляет эту ситуацию скорее как потрясение и для японского премьера тоже[51], японская исследовательница Ёсии Мидори, ссылаясь на другой источник, а именно дневники самого Э. Сато, высказывает сомнения в подобной трактовке

[48] Ibid. P. 146–147.

[49] Кусуда М. Сюсэки хисёкан. Сато: со:ри то но дзю:нэнкан. С. 110.

[50] Дай 066 кай коккай. Сю:гиин. Хонкайги. Дай 3 го: (66-я сессия парламента. Палата представителей. Пленарное заседание. Заседание № 3). 17.07.1971 [Электронный ресурс] // Коккай кайгироку кэнсаку сисутэму [Система поиска протоколов заседаний парламента Японии]. URL: http://kokkai.ndl.go.jp/SENTAKU/syugiin/066/0001/06607170001003a.html (дата обращения: 16.11.2021).

[51] Hoey F. Sato, America and the Cold War. P. 147–148.

и утверждает, что глава японского правительства одобрил этот шаг своего американского коллеги и отнесся с пониманием к решению держать соответствующую информацию в тайне до последнего момента[52].

Тем не менее представляется, что вопрос о том, как воспринял новость о выступлении Р. Никсона японский премьер, не так уж и важен. Какой бы ни была реакция Э. Сато, факт того, что это событие нанесло удар по политическим позициям премьер-министра, не вызывает сомнений. То, что до июля 1971 г. называли «кошмаром японских дипломатов» — американо-китайская встреча за спиной у Японии — стало реальностью[53]. При этом противники Э. Сато и из оппозиционного лагеря, и из рядов правящей ЛДП воспользовались ситуацией и обрушили на главу правительства шквал критики, возлагая на него ответственность за то, что они представляли как серьезный дипломатический провал.

Политический урон, который понес премьер-министр, стал очевиден практически сразу же, когда 17 июля 1971 г. его сторонник Сигэмунэ Юдзо, спикер палаты советников японского парламента с 1962 г., не смог, вопреки ожиданиям, переизбраться на этот пост[54]. В тот же день, 17 июля, на встрече генеральных секретарей трех оппозиционных партий, СПЯ, ПДС и Комэйто (последняя была организована в 1964 г. как политическое крыло необуддистской организации «Сока гаккай» и придерживалась левоцентристских позиций), было решено представить на рассмотрение парламента совместную резолюцию с требованием восстанов-

[52] Yoshii M. The Creation of the «Shock Myth». P. 132–133.

[53] Интабю:. Кусуда Минору… С. 9.

[54] Hoey F. Sato, America and the Cold War. P. 148.

ления дипломатических отношений с КНР[55]. Хотя в проекте резолюции, который поддержали не только депутаты от оппозиции, но и несколько десятков членов ЛДП, и не говорилось о принципиальной для Пекина проблеме Тайваня, там тем не менее содержался призыв к японскому правительству скорейшим образом восстановить дипломатические отношения с Китаем и поддержать «восстановление законного статуса» КНР в ООН[56]. Впрочем, из-за разногласий между оппозиционными партиями и руководством ЛДП эта резолюция так и не была принята до конца парламентской сессии, завершившейся 24 июля[57]. Наконец, еще одним примером того, как оппозиция расценивала перспективы правительства Э. Сато после «шока Никсона», было то, что на пленарном заседании парламента 19 июля к его отставке призвали и представители СПЯ и КПЯ, и председатель партии Комэйто Такэири Ёсикадзу, недвусмысленно заявивший, что «у народа больше нет никаких надежд на премьера Сато»[58].

Чувство отчуждения и недоверия к США, которое в Японии почувствовали после 15 июля 1971 г., было еще более

---

[55] Конкоккай тэйсюцу кимару. Ся, ко:, мин «кокко: кайфуку кэцуги» (Резолюцию СПЯ, Комэйто и ПДС о «восстановлении отношений» решено предоставить на рассмотрение во время этой сессии парламента) // Асахи симбун. 18.07.1971, утренний выпуск. С. 1.

[56] 1971 нэн но Тю:гоку (Китай в 1971 году) [Электронный ресурс] // Адзиа до:ко: нэмпо: (Годовой отчет о ситуации в Азии). 1972. Institute of Developing Economies, Japan External Trade Organization (IDE-JETRO). С. 168. URL: http://hdl.handle.net/2344/00001673 (дата обращения: 16.11.2021).

[57] Рё:ин но ниттю: кэцугиан дзё:тэй дэкидзу хэйкай (Сессия закрыта без внесения на рассмотрение в обеих палатах проекта резолюции о японо-китайских отношениях) // Асахи симбун. 26.07.1971, утренний выпуск. С. 1.

[58] Дай 066 кай коккай. Сю:гиин. Хонкайги. Дай 4 го: (66-я сессия парламента. Палата представителей. Пленарное заседание. Заседание № 2). 19.07.1971 [Электронный ресурс] // Коккай кайгироку кэнсаку сисутэму (Система поиска протоколов заседаний парламента Японии). URL: http://kokkai.ndl.go.jp/SENTAKU/syugiin/066/0001/06607190001004a.html (дата обращения: 16.11.2021).

усугублено вторым «шоком Никсона», когда ровно через месяц, 15 августа 1971 г., американский президент объявил «новую экономическую политику», включавшую, помимо прочего, отмену привязки доллара к золоту и введение десятипроцентной пошлины на импортные товары[59], что оказалось особенно болезненно для японской экономики — крупнейшего торгового партнера США.

Острая критика со стороны политических оппонентов и давление пропекински настроенного общественного мнения толкали правительство в сторону решительных действий для начала процесса нормализации отношений с Пекином, хотя это и претило Э. Сато, стремившемуся подойти к вопросу с максимальной осторожностью, чтобы не поставить под удар отношения Токио с Вашингтоном и Тайбэем. Тем не менее намеки на то, что Токио готов начать процесс установления официальных отношений с Пекином, начали делаться правительством Э. Сато практически сразу же после заявления Р. Никсона.

Выше уже говорилось, что 17 июля, на следующий день после «шока Никсона», в своей программной речи премьер выразил надежду на установление политических контактов с Пекином. Выступая на заседании бюджетной комиссии палаты представителей 21 июля, меньше чем через неделю после заявления американского президента, японский премьер пошел еще дальше и намекнул, что надеется на то, что Пекин, готовый принять Р. Никсона, согласится принять с визитом и его, Э. Сато[60] — впрочем, этот сигнал также остался без ответа китайских властей.

---

[59] Nixon R. Address to the Nation Outlining a New Economic Policy: «The Challenge of Peace». 15.08.1971 [Electronic resource] // The American Presidency Project. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-the-nation-outlining-new-economic-policy-the-challenge-peace (date of access: 07.11.2021).

[60] Дай 066 кай коккай. Сю:гиин. Ёсан иинкай. Дай 1 го: (66-я сессия парламента. Палата представителей. Бюджетная комиссия. Заседание № 1).

В сложившейся ситуации и руководство правящей партии, и Министерство иностранных дел в полной мере осознавали необходимость как можно скорее добиться конкретных результатов в нормализации отношений с КНР, причем, крайне желательно, опередив в этом Соединенные Штаты. Японский автор Огата Садако приводит слова сотрудника азиатского департамента МИД Японии, говорившего о настроении, царившем во внешнеполитическом ведомстве сразу после заявления Никсона: «То, что США опередили Японию в открытии контактов с Китаем, вызывало негодование. И [японский] народ не принял бы ситуацию, при которой Япония не смогла бы опередить США в достижении нормализации отношений»[61].

В самом деле, общественное мнение Японии в середине — конце 1971 г. охватило настроение, которое, с подачи Ч. Джонсона, можно назвать «панда-манией»[62]: с июня по октябрь 1971 г. все 46 префектуральных Законодательных собраний приняли резолюции или рекомендации с призывом установить полные дипломатические отношения с КНР. Даже деловое сообщество в целом, обычно придерживавшееся консервативных взглядов, начало опасаться, что промедление со стороны правительства может привести к тому, что японские компании уступят возможности выгодного сотрудничества с Китаем своим американским конкурентам.

При этом, однако, путь Японии к установлению полноценных отношений с КНР по-прежнему преграждала се-

21.07.1971 [Электронный ресурс] // Коккай кайгироку кэнсаку сисутэму (Система поиска протоколов заседаний парламента Японии). URL: http://kokkai.ndl.go.jp/SENTAKU/syugiin/066/0380/06607210380001a.html (дата обращения: 16.11.2021).

[61] Ogata S. Normalization with China. P. 37.

[62] Johnson C. The Patterns of Japanese Relations with China. P. 403.

рьезная проблема — вопрос о перспективах связей Японии с Тайванем. Как отмечалось выше, значительное число простых японцев предпочитали компромиссный вариант, при котором Токио поддерживал бы отношения и с Тайбэем, и с Пекином, но такое решение было неприемлемо для КНР. Именно тайваньский вопрос был причиной того, что даже после «шока Никсона» в МИД Японии все еще не была выработана единая позиция относительно дальнейшего курса действий на китайском направлении. Разногласия по этому вопросу наглядно проявились на совещании руководства внешнеполитического ведомства, которое состоялось 30 августа 1971 г. и в котором приняли участие административный заместитель министра Мори Харуки, два заместителя последнего, Хогэн Синсаку и Ясукава Такэси, а также директора департаментов ООН, Азии и Америки, послы в СССР, США и на Тайване и генеральный консул в Гонконге Окада Акира. Большинство участников совещания высказались в том смысле, что следует действовать осторожно и продолжать занимать выжидательную позицию, подчеркивая, что еще нет гарантий, что грядущий визит Р. Никсона в Китай приведет к нормализации отношений, хотя меньшинство, представленное, в частности, сотрудниками департамента Азии, как и до «шока Никсона», настаивало на необходимости активных действий[63]. Таким образом, даже воплощение в жизнь «кошмара японских дипломатов» не смогло окончательно склонить чашу весов в сторону той части внешнеполитического ведомства, которая настаивала на сближении с Пекином.

Впрочем, необходимо отметить, что, как это происходило и в случае принятия других важных внешнеполитических решений, роль Министерства иностранных дел в определе-

[63] Hoey F. Sato, America and the Cold War. P. 154–155.

нии курса в отношении Китая, т. е. решении вопроса о том, как, на каких условиях и с какими допустимыми уступками следовало идти на нормализацию отношений с КНР, далеко не была решающей. Уместно процитировать приводимые в работе китайско-американского исследователя Чжао Цюаньшэна слова японского дипломата Кунихиро Митихико, позже возглавившего китайский отдел МИД, который признавался, что политика в отношении Китая «будет определяться Кабинетом, а не Министерством иностранных дел»[64].

В политическом же руководстве существенным препятствием снова оказалась фракционность правящей партии. Несмотря на то что в ЛДП существовало «пропекинское лобби», члены которого поддерживали контакты с руководством КНР, представители этой группировки, как правило, относились к фракциям, настроенным против Э. Сато, и не всегда были готовы помогать премьер-министру установить контакты с официальным Пекином. Так, уже упомянутый выше Тагава Сэйити отказался выступить посредником при организации встречи между Э. Сато и Ваном Гофэном, заместителем директора Ассоциации китайско-японской дружбы, прибывшим в Токио, чтобы присутствовать на похоронах К. Мацумура, видного деятеля пропекинского крыла ЛДП, скончавшегося в августе 1971 г. С. Тагава полагал, что Киси Нобусукэ, родной брат Э. Сато, занимавший пост премьер-министра в 1957–1960 гг., проводил «открыто антикитайскую политику» и что Э. Сато продолжал его «недружественный курс» в отношении КНР[65].

Следует, однако, отметить, что, по данным писавшего об этих же событиях Ц. Чжао, ссылающегося на воспоминания

[64] Zhao Q. Japanese Policymaking. P. 77.

[65] Hoey F. Sato, America and the Cold War. P. 153–154.

самого Тагава, этот политик все-таки выступил в роли посредника между японской и китайской сторонами в другой ситуации, когда к нему вскоре после «шока Никсона» обратился генеральный секретарь ЛДП Хори Сигэру[66]. Но даже если допустить, что С. Тагава и в самом деле ответил отказом на просьбу премьер-министра, то оценки подобного шага, когда политик, на протяжении многих лет работавший ради укрепления японо-китайских связей, отказывается помочь сделать решающий шаг с целью нормализации отношений двух стран, только чтобы не давать преимущества своему политическому оппоненту, могут быть различными.

Кто-то, как, к примеру, приводящий сведения об отказе С. Тагава Ф. Хои, полагает, что это ставит под вопрос приверженность С. Тагава делу японо-китайской дружбы[67]. С другой стороны, тот же факт можно интерпретировать и как иллюстрацию вполне понятного политического прагматизма. В годы, предшествовавшие «шоку Никсона», С. Тагава и его единомышленники прилагали немало сил ради укрепления связей двух стран, но, как свойственно политикам далеко не только в Японии второй половины XX века, их мотивация не была бескорыстной. Развитие японо-китайских связей помогало им укрепить собственный престиж и влияние внутри партии, а также поддержать интересы тех деловых кругов, которые были заинтересованы в торговле с КНР и с которыми «пропекинское лобби» было связано. А потому, с их точки зрения, могло бы показаться излишней щедростью отдавать лавры победителя Э. Сато, когда было уже ясно, что либо сам Сато, либо его преемник так или иначе все равно добьется нормализации отношений с Пекином.

---

[66] Zhao Q. Japanese Policymaking. P. 81.

[67] Hoey F. Sato, America and the Cold War. P. 154.

Э. Сато тем временем обратился к другим каналам, чтобы установить связи с властями Китайской Народной Республики. Среди тех, кому он поручил предпринять соответствующие меры для достижения этой цели, были Окада Акира — генеральный консул Японии в Гонконге, Ватанабэ Яэдзи — представитель полуофициального Офиса китайско-японской торговли и Хори Сигэру — генеральный секретарь ЛДП[68]. Наиболее серьезной и резонансной из этих попыток наладить контакт с китайским руководством со стороны Э. Сато было отправленное от имени генерального секретаря правящей партии так называемое «письмо Хори» (формально представленное всего лишь как личное послание), адресованное премьеру Госсовета КНР Чжоу Эньлаю[69]. Инициатива послания, о котором внешнеполитическое ведомство даже не было проинформировано[70], принадлежала самому премьер-министру, письмо было составлено экспертами сформированной им Группы изучения международных отношений, а задача по доставке его в Пекин была возложена на мэра Токио Минобэ Рёкити, левого политика, которого японская пресса, отмечая сходство его миссии с поездкой Г. Киссинджера в Китай, окрестила «Минобэндзя», по аналогии с японским чтением фамилии Киссинджера — «Киссэндзя».

Письмо содержало ряд формулировок, которые, по задумке его авторов, должны были позволить выйти на компромиссную позицию по ключевым вопросам японо-китайских отношений. В нем говорилось, что есть один

[68] Ibid.

[69] Хори сёкан (Письмо Хори). 25.10.1971 // Дэ:та бэ:су «Сэкай то Нихон» (дайхё:: Танака Акихико) [База данных «Мир и Япония» (руководитель проекта: Танака Акихико)]. URL: http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/JPCH/19711025.O1J.html (дата обращения: 07.11.2021).

[70] Zhao Q. Japanese Policymaking. P. 82.

«исторический Китай» и что КНР — «правительство, представляющее Китай», хотя и не указывалось прямо, что оно является единственным таким правительством. Тайвань при этом в тексте назывался «территорией китайского народа».

Тем не менее Чжоу Эньлай, получивший «письмо Хори» 10 ноября 1971 г., раскритиковал его как не соответствующее требованиям китайской стороны. Более того, он отверг любые контакты с Э. Сато, отметив, однако, что готов вести диалог с лидером, который придет после Сато[71]. Неудача усугублялась и тем, что эпизод с «письмом Хори» вызвал резкую критику со стороны однопартийцев Э. Сато и С. Хори по ЛДП, причем среди недовольных были представители как «пропекинского», так и «протайваньского» лобби. Все они были возмущены тем, что такой решительный шаг был предпринят без необходимых внутрипартийных консультаций. Вызвал их недовольство и выбор Р. Минобэ в качестве посланника: членов ЛДП, в том числе и тех, кто выступал за скорейшее налаживание отношений с КНР, не устраивало то, что эта задача была возложена именно на политика, близкого к оппозиции, притом что, как утверждали критики, у ЛДП имелись и свои собственные контакты с китайским руководством[72].

В этих условиях Э. Сато осознавал ограниченность своих возможностей, тем более что, находясь у власти на протяжении почти семи лет, он уже был политической «хромой уткой». Шаги, предпринимавшиеся им, во многом были нацелены на то, чтобы обеспечить возможность нормали-

[71] Johnson C. The Patterns of Japanese Relations with China. P. 412.

[72] Ёято: ни одороки то фуман. «Минобэ тю:кай» сэйкай ни хамон (Удивление и недовольство среди правящей партии и оппозиции. Резонанс в политических кругах в ответ на «посредничество Минобэ») // Асахи симбун. 15.11.1971, утренний выпуск. С. 1.

зовать отношения с КНР своему преемнику, которым он в то время рассчитывал сделать Фукуда Такэо, занимавшего в его Кабинете с начала июля 1971 года должность министра иностранных дел[73].

Тем временем японо-китайская «народная дипломатия» продолжала развиваться, а вместе с ней росло и давление, которое оказывалось на японское руководство. В составе делегаций, получавших приглашение в Пекин, были уже далеко не только члены прокитайских групп и организаций. Активный интерес к налаживанию связей с Китаем начали проявлять и влиятельные лидеры правящей ЛДП, не относившиеся к «пропекинскому лобби». Так, Охира Масаёси, став лидером крупной фракции Котикай 1 сентября 1971 г., призвал Японию признать КНР легитимным правительством Китая и установить контакты с ней[74]. При этом непубличные контакты с китайской стороной у М. Охира были еще до «шока Никсона». Когда в апреле 1971 г. в Нагое проходил чемпионат мира по настольному теннису, он провел секретную встречу с прибывшим в Японию заместителем генерального секретаря Ассоциации китайско-японской дружбы Ваном Сяоюнем, выполнявшим обязанности главы китайской делегации[75], — еще одно доказательство того, что к середине 1971 года идея нормализации связей с Пекином «витала в воздухе». Позже, 8 мая 1972 г., незадолго до отставки Кабинета Э. Сато, М. Охира выступил с речью, в которой назвал восстановление отношений среди первоочередных внешнеполитических задач Японии[76].

---

[73] Ogata S. Normalization with China. P. 38–40.

[74] Ibid. P. 45.

[75] Cheng J. Y. China's Japan Policy: Adjusting to New Challenges. New Yersey: World Scientific, 2014. P. 180.

[76] Охира М. Хэйва кокка но ко:до: гэнсоку (Принципы действий мирного государства). 08.05.1972. С. 8 [Электронный ресурс] // Мемориальный фонд

Мики Такэо, лидер другой фракции, также встречался с прибывшими в Японию высокопоставленными китайскими представителями и был приглашен в Китай, став первым из руководителей крупных фракций, удостоившимся такой чести[77]. В пользу переговоров с КНР с целью заключения мирного договора и в поддержку пекинской позиции по тайваньскому вопросу высказывался в сентябре 1971 г. и Накасонэ Ясухиро, в то время — председатель Совета по общим вопросам ЛДП[78].

Интересно при этом, что два наиболее вероятных претендента на место преемника Э. Сато, Фукуда Такэо и Танака Какуэй, на первых порах не выступали в пользу нормализации отношений с КНР столь активно, как другие их коллеги по партии. Т. Фукуда, будучи министром иностранных дел, вынужден был соблюдать осторожность в высказываниях, и, кроме того, в его фракции было значительное количество протайваньски настроенных политиков. Что касается К. Танака, то хотя он и возглавлял Министерство международной торговли и промышленности, которое было настроено к КНР более позитивно, чем МИД (например, в отличие от внешнеполитического ведомства, это министерство поддерживало идею предоставления японской стороной кредитов для поставок оборудования в Китай, поскольку опасалось, что пассивная позиция Японии может привести к тому, что другие, особенно западноевропейские страны, могут опередить ее в сфере экономического сотрудничества с КНР[79]),

Охира Масаёси. URL: http://www.ohira.or.jp/cd/book/si/si_19.pdf (дата обращения: 07.11.2021).

[77] Ogata S. Normalization with China. P. 46.

[78] «Тайван ва Тю:гоку но итибу» Накасонэ со:мукайтё: утидасу (Председатель совета по общим вопросам Накасонэ провозглашает, что «Тайвань — часть Китая») // Асахи симбун. 14.09.1971, утренний выпуск. С. 1.

[79] Zhao Q. Japanese Policymaking. P. 78.

но ему также приходилось первоначально воздерживаться от активной поддержки идеи нормализации отношений с Пекином, опасаясь, что это может отнять у него голоса на грядущих выборах лидера партии[80].

Разногласия среди высшего руководства ЛДП мешали выработать единое мнение в период, когда перед правительством стояла проблема еще более срочная, чем необходимость нормализации отношений с КНР, а именно вопрос о том, какую позицию Японии следует занять относительно представительства Китая в ООН. В частности, необходимо было определить, должна ли Япония выступить в Генеральной Ассамблее (ГА) коспонсором американских резолюций о признании вопроса об исключении Тайваня важным вопросом (так называемая резолюция об «обратном важном вопросе», ее принятие означало бы, что такое решение потребовало бы двух третей голосов членов ГА) и о «двойном представительстве» КНР и Тайваня, согласно которой Китайская Республика теряла бы свое место постоянного члена СБ ООН в пользу КНР, но при этом оставалась бы членом Генеральной Ассамблеи[81]. Кабинет министров и руководство правящей партии провели встречу по этому вопросу 4 сентября 1971 г., но из-за того, что он продолжал вызывать серьезные разногласия в партии, так и не вынесли окончательного решения, договорившись только, что Японии следует поддержать вхождение в ООН КНР, но при этом обеспечить сохранение места и за Тайванем. Учитывая позицию официального Пекина, это было хотя и компромиссным, но, по сути, нереалистичным решением.

Э. Сато поручил министру иностранных дел Т. Фукуда проконсультироваться с американской стороной во время

[80] Ogata S. Normalization with China. P. 46.

[81] Zhao Q. Japanese Policymaking. P. 72.

поездки последнего на Восьмую совместную японо-американскую конференцию по торговле и экономике, которая должна была пройти в американском городе Вильямсбург 9 и 10 сентября 1971 г. Там госсекретарь У. Роджерс попросил японскую сторону поддержать американские резолюции о членстве Тайваня и о двойном представительстве Тайваня и КНР, но, поскольку в Токио окончательное решение еще не было принято, Т. Фукуда уклонился от конкретных обещаний.

В результате решение о том, чтобы все же поддержать американские резолюции, что в условиях далеко не однозначных перспектив их принятия в Генеральной Ассамблее было сопряжено с большим политическим риском, премьер-министр Э. Сато принял единолично после того, как 21 сентября 1971 г. на заседании Кабинета и на совещании руководства ЛДП было решено оставить этот вопрос на усмотрение премьера[82]. О принятом решении Э. Сато предпочел заявить сам — как вспоминает Кусуда Минору, последнее было нужно премьер-министру, чтобы не ставить под удар Т. Фукуда, которого он хотел видеть своим преемником[83]. На следующий день, 22 сентября, Э. Сато объявил, что Япония поддержит американские резолюции, сославшись на необходимость сохранения доверия и выполнения международных обязательств. Это сразу же вызвало поток критики в адрес главы правительства со стороны его оппонентов в рядах ЛДП, оппозиционных партий и прессы[84].

Опасения премьер-министра оказались оправданными. 25 октября 1971 г. ГА отклонила резолюцию о признании проблемы статуса Тайваня важным вопросом 59 голосами

[82] Ogata S. Normalization with China. P. 42.

[83] Кусуда М. Сюсэки хисёкан. С. 129.

[84] Ogata S. Normalization with China. P. 42.

«против», 55 — «за» и 15 воздержавшимися. Вторая резолюция — о «двойном представительстве» КНР и Тайваня — даже не ставилась на голосование, а одобрение Генеральной Ассамблеи получила внесенная Албанией резолюция 2758 (76 голосов «за», 35 — «против», 17 воздержавшихся), предусматривавшая, что место тайваньского правительства в ООН займет КНР[85].

На следующий день оппозиционные депутаты в парламенте внесли предложение о вотуме недоверия министру иностранных дел Т. Фукуда, а также министру международной торговли и промышленности К. Танака — его обвиняли в неудачном для Японии ходе торговых переговоров с США. Резолюции о вотуме недоверия не были приняты, но показательно, что 12 членов ЛДП, относившихся к ее прокитайскому крылу, и среди них А. Фудзияма, Ё. Фуруи и С. Тагава, во время голосования по этому вопросу отсутствовали, тем самым продемонстрировав свое сочувствие к предложению оппозиции.

Именно провал внесенных США и Японией резолюций в ГА ООН был поворотным моментом, после которого Токио окончательно встал на путь нормализации отношений с КНР. Значимость этого понимал и Э. Сато, ранее говоривший генеральному секретарю Кабинета Такэсита Нобору, что, даже если внесенная Японией резолюция провалится в ООН, японцы все равно последуют за решением международной организации, потому что «для японцев ООН играет центральную роль»[86]. Непризнание КНР теперь означало, что у Японии нет дипломатических отношений с одним из

[85] Резолюция ГА ООН 2758 (XXVI). Восстановление законных прав Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций. 25.11.1971 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/2758(XXVI) (дата обращения: 08.11.2021).

[86] Ogata S. Normalization with China. P. 43.

пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, что, учитывая традиционно важное место, занимаемое этой международной организацией в приоритетах японской внешней политики, было неприемлемо.

Непринятие поддержанных Японией американских резолюций в ООН стало, в определенной степени, также рубежом, с которого более активно в пользу нормализации отношений с КНР стал выступать и занимавший до этого осторожную позицию МИД Японии. Так, например, один из высокопоставленных сотрудников МИД Хогэн Синсаку, в 1972 г. занявший пост административного заместителя министра (в японском МИДе и других министерствах эта должность является вершиной карьерной лестницы для бюрократа), до этого бывший главным сторонником поддержки Японией резолюции об «обратном важном вопросе», после вступления КНР в ООН и особенно после прихода к власти Кабинета К. Танака стал энергично отстаивать идею нормализации японо-китайских отношений[87]. Представляется, что причина такой перемены заключается в том, что прежняя осторожность сотрудников внешнеполитического ведомства была не столько выражением принципиальной протайваньской позиции, сколько лишь следствием пассивной роли МИД в системе принятия внешнеполитических решений, в которой по всем действительно важным вопросам бюрократы дипломатического ведомства старались в максимальной степени следовать за правительством и партийным руководством.

В условиях категорического неприятия Пекином нормализации отношений с Японией, пока у власти находится Кабинет Сато, дальнейшие шаги на этом направлении предстояло предпринимать уже его преемнику. Тем не ме-

[87] Zhao Q. Japanese Policymaking. P. 79.

нее борьба за пост главы правительства вступила в открытую фазу лишь еще несколько месяцев спустя, после того, как 15 мая 1972 г. Японии была возвращена Окинава. Общее настроение в японских политических кругах заключалось в том, что Э. Сато выполнил свою задачу и теперь должен освободить дорогу для следующего лидера. Признал это и сам премьер-министр, 17 июня 1972 г. заявивший о своем намерении сложить полномочия[88].

Первоначально, как уже упоминалось выше, он ожидал, что на посту главы правительства и председателя партии его сменит Т. Фукуда, который бы обеспечил Э. Сато возможность влиять на политическую жизнь и после отставки. Однако в борьбу за пост председателя ЛДП включился К. Танака, принадлежавший к той же фракции, что и Т. Фукуда, и фактически захвативший контроль над этой фракцией незадолго до выборов председателя партии, в то время как у уходящего премьер-министра уже не было возможности переломить ситуацию[89]. В результате на высший пост в партии и, соответственно, на место премьер-министра официально претендовали Танака Какуэй, Фукуда Такэо, Охира Масаёси и Мики Такэо, причем главными претендентами были первые два.

В обычном для японской политики ключе борьба за этот пост сопровождалась сложными политическими маневрами. Ситуация дополнительно осложнялась фактором внешнего влияния со стороны Пекина, поскольку было очевидно, что именно нормализация отношений с КНР станет ключевой задачей для нового премьер-министра, а потому тот из кандидатов, с кем готов был работать официальный Пекин, заведомо обладал лучшими шансами на победу.

[88] Кусуда М. Сюсэки хисёкан. С. 220.

[89] Павленко П. А. Либерально-демократическая партия. С. 42.

Т. Мики первоначально предполагал поддержать Т. Фукуда, но после поездки в Пекин, поняв, что КНР вряд ли пойдет на нормализацию отношений с этим политиком, отказался от этого плана. Премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай рассматривал именно К. Танака как кандидата, который скорее всего сможет нормализовать отношения двух стран на приемлемых для Пекина условиях, и даже конфиденциально сообщил японской стороне через делегацию партии Комэйто, посетившую КНР в мае 1972 г., что если К. Танака станет премьер-министром, то он будет принят в китайской столице. Важным фактором, обеспечившим победу К. Танака, были и усилия членов «пропекинского лобби» ЛДП Ё. Фуруи и С. Тагава, также поставивших на К. Танака.

В итоге К. Танака смог опереться на поддержку фракций Охира и Мики, причем именно Т. Мики в этом трехстороннем союзе в наибольшей степени настаивал на нормализации отношений на условиях Пекина[90]. И именно на совещании этих трех партийных лидеров — К. Танака, М. Охира и Т. Мики, — где был закреплен их альянс, и был окончательно сформулирован курс на нормализацию отношений с КНР, который оказался претворен в жизнь после прихода к власти Кабинета Танака[91].

Опираясь на сформировавшуюся в ЛДП коалицию своих сторонников и провозгласив лозунг «Не упустить корабль в Китай» (хотя, по сути, нормализация отношений была уже делом решенным)[92], К. Танака победил на выборах председателя ЛДП 5 июля 1972 г., получив 282 голоса против 190 у Т. Фукуда, стал премьер-министром и сформировал свой Кабинет 7 июля 1972 г. После первого же заседания

[90] Ogata S. Normalization with China. P. 46–47.

[91] Zhao Q. Japanese Policymaking. P. 45.

[92] Johnson C. The Patterns of Japanese Relations with China. P. 413.

Кабинета министров он заявил, что процесс нормализации отношений с КНР будет ускорен. М. Охира, занявший пост министра иностранных дел, выразил готовность либо отправиться в Пекин лично, либо организовать визит К. Танака в китайскую столицу. При этом он, с одной стороны, подчеркнул необходимость поддержания стабильных экономических и культурных отношений с Тайванем, а с другой — отметил, что после нормализации отношений с КНР мирный договор между Японией и Китайской Республикой потеряет силу. Это стало первым четким сигналом, что Токио готов принять принцип «одного Китая», который в качестве необходимого условия нормализации отношений отстаивало китайское руководство. Это не осталось незамеченным в Пекине, и уже 9 июля Чжоу Эньлай заявил, что приветствует формирование Кабинета Танака и его готовность двигаться в сторону скорейшей нормализации отношений с Китаем[93].

Однако, хотя смена правительства и привела к более благожелательному отношению со стороны Пекина, она также вызвала определенные сложности с точки зрения преемственности процесса принятия решений. К. Танака проигнорировал созданную его предшественником Группу изучения международных отношений и положился на Министерство иностранных дел[94]. При этом ясно выраженной воли политического руководства было достаточно, чтобы пропекинская позиция, после «шока Никсона» отстаивавшаяся главным образом находившимся по этому вопросу в меньшинстве азиатским департаментом, стала во внешнеполитическом ведомстве доминирующей[95]. По указанию

[93] Ogata S. Normalization with China. P. 47.

[94] Johnson C. The Patterns of Japanese Relations with China. P. 413.

[95] Zhao Q. Japanese Policymaking. P. 80.

М. Охира в министерстве была назначена рабочая группа для подготовки к переговорам с Китаем, в состав которой вошли начальник отдела Китая азиатского департамента Хасимото Хироси, директор департамента международных договоров Такасима Масуо и начальник отдела международных договоров Курияма Такакадзу.

В отсутствие официальных каналов связи с Пекином основную роль в качестве посредников по-прежнему выполняли деятели оппозиционных партий и представители пропекинского лобби в ЛДП. Один из лидеров СПЯ Сасаки Кодзо, посетивший Пекин в середине июля 1972 г., сообщил китайской стороне о готовности К. Танака приступить к решению вопроса об отношениях с Тайванем. Китайская сторона, в свою очередь, передала новому японскому правительству свои условия нормализации отношений через Такэири Ёсикацу, председателя партии Комэйто.

Роль Ё. Такэири в качестве посредника ограничивало не только то, что он не принадлежал к правящей партии, но и то, что, хотя он неоднократно встречался с К. Танака и М. Охира перед тем, как отбыть в Китай летом 1972 г., ему так и не удалось однозначно выяснить, каковы именно конкретные условия, на которых японское правительство готово пойти на нормализацию. Правительству приходилось считаться с тем, что в ЛДП все еще существовало серьезное сопротивление идее отказа от отношений с Тайванем[96]. Тем не менее, прибыв в Пекин в июле 1972 г., Ё. Такэири провел ряд встреч с Чжоу Эньлаем и другими представителями китайского руководства, изложив им свое видение позиции ЛДП. На встрече, прошедшей 29 июля, Чжоу Эньлай озвучил Такэири официальную позицию Пекина по вопросу нормализации отношений и попросил конфиденциаль-

[96] Ogata S. Normalization with China. P. 47–48.

но передать эти предложения премьеру Танака и министру иностранных дел Охира[97].

При этом в позиции Китая, которую сам Такэири изложил в документе, получившем название «меморандума Такэири» («*Такэири мэмо*»), и который через премьера К. Танака и министра иностранных дел М. Охира был передан в МИД Японии[98], содержались определенные уступки со стороны Китая. Так, в нем говорилось об отказе КНР от репараций и о том, что японское правительство лишь «полностью понимает» три принципа, выдвинутые правительством КНР в качестве условия восстановления отношений (эти принципы формулировались следующим образом: правительство КНР — единственное законное правительство Китая; Тайвань — неотъемлемая часть территории или провинция КНР; так называемый мирный договор Японии с Тайванем незаконен, ничтожен и должен быть отменен), хотя и признает при этом правительство КНР единственным законным правительством Китая. Немаловажным было и то, что там ничего не говорилось о возражениях китайской стороны против японо-американского союза, а в качестве конкретной формы документа о нормализации отношений назывался не договор, а совместное заявление. Последнее, как отмечает в своих воспоминаниях японский дипломат Тамба Минору, в то время бывший сотрудником департамента международных договоров, для японской стороны было

[97] Дай 3 кай Такэири Ёсикацу, Сю: Онрай кайдан кироку (Протокол третьей встречи между Такэири Ёсикацу и Чжоу Эньлаем). 29.06.1972 [Электронный ресурс] // Дэ:та бэ:су «Сэкай то Нихон» (дайхё:: Танака Акихико) [База данных «Мир и Япония» (руководитель проекта: Танака Акихико)]. URL: http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/JPCH/19720729.O1J.html (дата обращения: 08.11.2021).

Английский перевод предложений Чжоу Эньлая приведен в: Ogata S. Normalization with China. P. 49.

[98] Тамба М. Вага гайко: дзинсэй. С. 21.

немаловажным постольку, поскольку заключение договора с КНР потребовало бы его ратификации в парламенте, что в условиях сохранения достаточно влиятельного консервативного протайваньского лобби могло бы обернуться существенными политическими сложностями[99].

Наряду с более благоприятным для нормализации политическим климатом, обусловленным приходом к власти Кабинета во главе с К. Танака, с которым, в отличие от его предшественника, пекинские власти были готовы вести диалог, успеху миссии Ё. Такэири способствовало и то, что китайская сторона знала, что он поддерживает тесный контакт с премьер-министром и что на него можно положиться в плане обеспечения секретности переговоров. Таким образом, после неудачи миссии Р. Минобэ именно Ё. Такэири оказался наиболее удачливым посредником между двумя странами. Как отмечает японская исследовательница С. Огата, роль именно лидера Комэйто в наибольшей степени похожа на ту, что была сыграна Г. Киссинджером годом ранее[100].

Одновременно с этим, стремясь добиться поддержки со стороны как пропекинских, так и протайваньских групп в ЛДП, 24 июля 1972 г. К. Танака учредил на базе существовавшего до того партийного подкомитета по проблеме Китая новый орган — Совет по нормализации японо-китайских отношений (*ниттю: кокко: сэйдзё:ка кё:гикай*) из 312 членов под председательством Косака Дзэнтаро, причем эта структура была подотчетна непосредственно председателю партии. Целью этого органа было способствовать выработке консенсусного решения относительно курса, которому правительство должно следовать в нормализации отноше-

[99] Там же.

[100] Ogata S. Normalization with China. P. 48.

ний с КНР. После долгих обсуждений сформулировать согласованную позицию по этому вопросу наконец удалось, и, согласно ей, К. Танака мог продолжать переговоры с китайской стороной, но при этом было оговорено, что «ввиду тесных отношений между Японией и Китайской Республикой переговоры (с КНР — *В.Н.*) должны проводиться с учетом сохранения этих отношений», хотя и не было упомянуто, относится ли это и к дипломатическим отношениям тоже[101].

При этом конкретная процедура прекращения действия мирного договора, подписанного в Тайбэе между Японией и правительством Китайской Республики еще 28 апреля 1952 г., стала причиной для разногласий между, с одной стороны, законодательным бюро Кабинета министров и, с другой — внешнеполитическим ведомством, для разрешения которых потребовались неоднократные консультации между сторонами. Мнение МИД заключалось в том, что, если в результате определенных обстоятельств само существование договора теряет смысл (как это должно было произойти с японо-тайваньским договором), прекращение действия этого договора не требует одобрения парламента. Напротив, представители законодательного бюро Кабинета полагали, что в этой ситуации необходимо согласие парламента[102]. То, что в конечном счете возобладала именно точка зрения МИД, оказалось, пожалуй, одним из немногих конкретных примеров того, как внешнеполитическое ведомство смогло существенным образом повлиять на принятое в итоге внешнеполитическое решение.

Наконец, после подготовительных визитов возглавляемой Д. Косака делегации ЛДП, которая должна была

[101] Ibid. P. 51.

[102] Тамба М. Вага гайко: дзинсэй. С. 22–24.

разъяснить китайской стороне те сложности, с которыми сталкивался К. Танака при согласовании позиций внутри правящей партии, и секретных поездок представителей «пропекинского лобби» Ё. Фуруи и С. Тагава, которые согласовывали подготовленный МИД проект совместного коммюнике, 25 сентября 1972 г. в Китай прибыл сам премьер К. Танака[103]. Несмотря на длительный процесс обсуждений, предшествовавших визиту, отдельные разногласия между сторонами, связанные, в частности, с трактовкой японским внешнеполитическим ведомством статуса Тайваня, а также с японо-китайским территориальным спором, продолжали проявляться и во время рабочих встреч делегаций[104]. Тем не менее в конечном счете стороны смогли прийти к согласию, и 29 сентября 1972 г. было обнародовано принятое по итогам переговоров совместное коммюнике[105].

Документ, провозглашавший установление дипломатических отношений между странами, стал важной победой «многосторонней дипломатии» К. Танака, сумевшего добиться нормализации отношений с КНР всего через 14 месяцев после «шока Никсона»[106], в то время как Вашингтон установил дипломатические отношения с Пекином лишь с 1979 г. По наиболее чувствительному для Японии вопросу Тайваня решение было действительно компромиссным: в статье 3 совместного коммюнике было провозглашено, что японская сторона лишь «полностью понимает и уважа-

[103] Ogata S. Normalization with China. P. 52.

[104] Yoshii M. The Creation of the «Shock Myth». P. 141.

[105] Нихонкоку сэйфу то Тю:ка дзиммин кё:вакоку сэйфу но кё:до: сэймэй (Совместное заявление правительства Японии и правительства Китайской Народной Республики). 29.09.1972 [Электронный ресурс] // МИД Японии. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/china/nc_seimei.html (дата обращения: 08.11.2021).

[106] Kesavan K. V. Japan's Response to the Swing in US-Soviet Relations // International Studies. 1974. Vol. 13, Is. 4. P. 677–678.

ет» позицию китайской стороны, в соответствии с которой Тайвань является неотъемлемой частью территории КНР.

В то же время по негласной договоренности японского министра иностранных дел М. Охира и его китайского коллеги Цзи Пэнфэя Токио признавал, что Тайвань является частью территории КНР, и обещал разорвать дипломатические отношения с правительством Чан Кайши после оглашения совместного коммюнике. В обмен на это китайская сторона пообещала, что «послевоенные инвестиции японских групп и частных лиц будут должным образом учтены, когда Тайвань будет освобожден»[107]. В результате о разрыве дипломатических отношений с Тайванем японская сторона заявила, но сделано это было не в тексте совместного коммюнике, а в выступлении М. Охира на пресс-конференции после подписания этого документа[108].

Тем не менее, как подчеркивает Ч. Джонсон, специфика японского внешнеполитического процесса привела к тому, что нормализация была осуществлена, по сути, со значительными уступками китайской стороне. Очевидный пример тому — включение в договор «антигегемонистской» статьи 7. Она означала, что японская сторона фактически встала на сторону КНР в советско-китайском конфликте, хотя для Токио это оказалось полностью очевидно лишь шесть лет спустя, во время подготовки японо-китайского

[107] Tacit Agreement between the Government of the People's Republic of China and the Government of Japan. September, 1972 [Electronic resource] // Wilson Center Digital Archive. URL: https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121236.pdf?v=8322e5425d7db5a3b73126e509854e4b (date of access: 18.11.2021).

[108] О:хира гаймудайдзин кися кайкэн сё:року (Запись пресс-конференции министра иностранных дел Охира). 29.09.1972 [Электронный ресурс] // Дэ:та бэ:су «Сэкай то Нихон» (дайхё:: Танака Акихико) [База данных «Мир и Япония» (руководитель проекта: Танака Акихико)]. URL: http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/JPCH/19720929.O1J.html (дата обращения: 18.11.2021).

Договора о мире и дружбе[109]. Премьер-министр К. Танака спешил добиться конкретного результата, с одной стороны, испытывая давление общественного мнения, требовавшего скорейшей нормализации отношений с Пекином, а с другой — стараясь не позволить протайваньски настроенным членам ЛДП помешать ему. Во многом из-за этой спешки внешнеполитическое ведомство не смогло внимательно проанализировать и предусмотреть все детали и возможные последствия положений совместного коммюнике[110].

2.3. Выводы

Реакция официального Токио на «китайский шок Никсона» и последовавший за этим процесс, приведший к нормализации японо-китайских отношений, рельефно демонстрируют ряд характеристик внешнеполитического процесса в Японии эпохи «системы 1955 года». При этом некоторые из этих характеристик совпадают с теми, что были показаны на примере событий, рассмотренных в первой главе, а некоторые, наоборот, отражают специфику ситуации, которой посвящена данная глава.

Как и в случае с первым примером, можно говорить о том, что ведущую роль во внешнеполитическом процессе играл премьер-министр — сначала Э. Сато, а потом К. Танака. Именно глава правительства принимал ключевые решения, но нельзя не отметить, что свобода действий премьер-министра была сильно ограничена и касалась не столько стратегических целей, сколько способов их достижения. Фактически в рассмотренной ситуации после «шока Никсона» и у Э. Сато, и у К. Танака почти не оставалось иного выбора,

[109] Johnson C. The Patterns of Japanese Relations with China. P. 414.

[110] Ogata S. Normalization with China. P. 54–55.

кроме как взять курс на скорейшую нормализацию отношений с КНР.

Более того, принимаемые премьер-министром непопулярные решения, к примеру выбор в пользу поддержки американских резолюций о Китае в ГА ООН, влекли за собой серьезные политические последствия. Как представляется, то, что Э. Сато был готов нести эту ответственность, было вызвано лишь тем, что после более чем шести лет пребывания у власти он уже был заинтересован главным образом лишь в том, чтобы обеспечить наилучшие условия для своего преемника.

Опять-таки аналогично ситуации, проанализированной в первой главе, Министерство иностранных дел играло в рассмотренных событиях ограниченную роль, сводившуюся в основном к информационному обеспечению внешней политики и определению технических деталей принимаемых решений. Более того, внутриведомственная борьба и подчиненное положение внешнеполитического ведомства по отношению к партийно-политическому руководству зачастую снижали эффективность даже этих функций, приводя к тому, что МИД занимал излишне осторожную и пассивную позицию. Пример тому — то, что внешнеполитическое ведомство не смогло предугадать сближение США и КНР (хотя соответствующие предположения и высказывались его сотрудниками, они были оставлены без внимания). При этом, если говорить о роли в рассмотренных событиях министра иностранных дел (Т. Фукуда в Кабинете Э. Сато и М. Охира в Кабинете К. Танака), то, поскольку в Японии он является политическим назначенцем, его функция, по сути, заключалась в проведении в жизнь курса, определенного премьер-министром. В этом плане ситуация снова оказывается сходной с той, что существовала в период подготовки Договора безопасности 1960 г.

В этих условиях важным, если не решающим фактором, определяющим внешнеполитический курс Японии, была борьба внутри Либерально-демократической партии. Однако на этот раз границы между противоборствующими силами были прочерчены иначе, чем это было в конце 1950-х годов. Тогда внутрипартийная борьба достаточно четко укладывалась в логику конкуренции между фракциями («восьмью армиями»), которые, в свою очередь, относились либо к «основному», либо к «антиосновному течению». Но в случае с вопросом об отношениях с КНР важнее оказалось разделение партии на не соотносившиеся четко с фракционными границами «протайваньский» и «пропекинский» лагеря, которые лишь очень условно можно было сопоставить с «основным» и «антиосновным течением» партии. Кроме того, значительная часть депутатов от ЛДП не относилась ни к той, ни к другой группировке, и подобная неопределенность способствовала тому, что после «шока Никсона» точка зрения пропекинских сил, до этого бывших партийным меньшинством, довольно быстро стала доминирующей.

Следует подчеркнуть, что даже в случае с вышеуказанными группировками идеологические разногласия не существовали в отрыве от интересов конкретных политиков. Главной мотивацией политических деятелей, относившихся даже к сформировавшемуся на относительно четкой программной платформе «пропекинскому лобби», продолжало оставаться стремление сохранить и укрепить собственные внутрипартийные позиции, а также поддержать те силы, с которыми соответствующий политик был связан и интересы которых отстаивал. Оценивать ли это как здоровый прагматизм или, напротив, беспринципный оппортунизм — дело личных предпочтений, но то, что подобное поведение политиков, ставящих во главу угла тактические задачи, а не стратегические цели, имело место и в первом,

и во втором рассмотренном примере внешнеполитического процесса, представляется достаточно очевидным.

Еще одной общей характеристикой процесса принятия внешнеполитических решений была значительная роль разнообразных неформальных каналов связи и формируемых *ad hoc* механизмов согласования позиций. Так, именно неофициальные контакты «пропекинского лобби» ЛДП с китайским руководством помогали поддерживать торговлю на достаточно высоком уровне даже в отсутствие дипломатических отношений. А создание консультативных структур под конкретные задачи, будь то учрежденная с одобрения Э. Сато Группа изучения международных отношений или сформированный К. Танака партийный Совет по нормализации японо-китайских отношений, было методом, часто используемым политическим руководством, чтобы прийти к консенсусным решениям. Вместе с тем подобный подход имел и свои слабости, ведя порой к непоследовательности и недостаточной преемственности внешнеполитического курса, примером чему может послужить то, что К. Танака, став премьер-министром, проигнорировал созданную при Э. Сато Группу изучения международных отношений и ее наработки, предпочтя передать рассмотрение вопроса о нормализации отношений с Пекином Министерству иностранных дел.

Если говорить о месте оппозиционных партий во внешнеполитическом процессе, то они, и особенно «прогрессивный лагерь» в лице СПЯ и КПЯ, играли меньшую роль в налаживании связей с коммунистическим Китаем, чем непосвященный сторонний наблюдатель мог бы предположить, исходя из их идеологической ориентации. Начавшийся со второй половины 1960-х годов острый идеологический конфликт между КПЯ и КПК, являвшийся отголоском советско-китайского раскола, фактически вывел японских

коммунистов за рамки японо-китайских отношений. СПЯ, хотя и имела достаточно активные контакты с Пекином, также не была единодушна в поддержке своих китайских товарищей. В результате оппозиция сыграла лишь ограниченную роль в организации торговли между двумя странами через систему «дружественных фирм» еще до 1971 г., а после «шока Никсона» — в качестве посредников между японским и китайским высшим руководством, причем последнюю функцию успешно выполняла и левоцентристская Комэйто, как это демонстрирует успех миссии ее председателя Ё. Такэири в июле 1972 г. Что же касается участия именно в процессе принятия внешнеполитических решений, то, как и в конце 1950-х годов, в условиях господства ЛДП оппозиционные силы не играли здесь существенной позитивной роли.

Место во внешнеполитическом процессе общественного мнения и СМИ было также сходным с той ролью, какую они играли в случае с подготовкой Договора безопасности 1960 г.: общественное мнение создавало определенный «фон», который высшее политическое руководство не могло игнорировать и который определял рамки его возможных действий. Однако в случае с японо-китайскими отношениями в начале 1970-х годов к этому добавился и еще один фактор, а именно внешнее влияние со стороны китайских властей.

Проводимая Пекином целенаправленная политика «народной дипломатии» посредством прокитайских общественных организаций и средств массовой информации внесла существенный вклад в то, что после «шока Никсона» японское руководство в лице Кабинетов Э. Сато и К. Танака было вынуждено приложить все усилия к нормализации отношений, пусть даже и ценой уступок китайской стороне. И даже своим приходом к власти К. Танака был в опреде-

ленной мере обязан именно китайскому руководству, рассматривавшему его как более «выгодного» для себя кандидата на пост премьер-министра.

Наконец, говоря о месте общественных акторов во внешнеполитическом процессе, следует отметить и заметную роль делового сообщества и его интересов, неудивительную в условиях бурного экономического развития Японии и тесных связей правящей ЛДП с деловыми кругами. Именно интересы японского бизнеса были сначала основной мотивацией установления полуофициальных торговых связей (отсюда близость «пропекинского лобби» к предпринимательскому сообществу), а позже — одной из существенных причин того, что японское руководство поспешило добиться установления полноценных отношений с КНР.

Глава 3

Реакция Японии на войну в Персидском заливе (1990–1991 гг.)

3.1. Внутриполитический фон в Японии к началу 1990-х гг.

Война в Персидском заливе, начавшаяся с вторжения Ирака в Кувейт 2 августа 1990 г., перешедшая в активную фазу с началом 17 января 1991 г. военной операции многонациональных сил во главе с США (операция «Буря в пустыне») и завершившаяся 28 февраля 1991 г. освобождением Кувейта от иракских войск, стала поворотным моментом для японской послевоенной дипломатии.

Япония не могла позволить себе остаться в стороне от конфликта. И дело не только в том, что японо-американский военно-политический союз, являвшийся основой внешней политики Токио на протяжении всего послевоенного периода, вынуждал Японию выразить солидарность с Соединенными Штатами, силы которых с самого начала кризиса составляли костяк антииракской коалиции, внеся решающий вклад в разгром иракских войск. Японию с Ближним Востоком связывали и жизненно важные экономические интересы: 70% японского импорта нефти поступало именно из этого региона[1]. Наконец, в более широком смысле, война в Персидском заливе была первым серьезным кризисом

[1] Кистанов В. О. Война в Персидском заливе и Япония. С. 6.

постбиполярного мира, в котором каждая страна была вынуждена заново определять свое место на международной арене. И потому можно согласиться с оценкой японского международника и публициста Такидзава Соити, подчеркивающего, что и для Японии это стало первой с момента окончания Второй мировой войны ситуацией, когда ей пришлось серьезно задуматься о своей роли в мире[2].

Однако вряд ли можно сказать, что Япония прошла это испытание успешно. Реакция японской внешней политики на события в Персидском заливе проявила неадекватность ее привычных механизмов и подходов вызовам новой эпохи. Несмотря на острые дебаты в парламенте и вне его стен, правящие круги Японии так и не смогли договориться даже о символическом «человеческом вкладе» («*дзинтэки ко:кэн*»), т. е. об отправке японского персонала в зону конфликта для оказания содействия международной коалиции. Японское правительство ограничилось финансовой помощью в период острой фазы конфликта и, уже после завершения активной фазы боевых действий, командированием кораблей Морских сил самообороны Японии для очистки акватории Персидского залива от мин.

В новых условиях международные партнеры, и прежде всего США, ожидали от Японии большего. Неспособность выполнить то, что воспринималось многими и внутри Японии, и за ее пределами как долг перед международным сообществом, нанесла серьезный урон международному авторитету этой страны, из-за чего многие ученые и комментаторы оценивали исход этого кризиса как «поражение Японии»[3]. Одним из эпизодов, иллюстрирующих этот урон, было то, что правительство Кувейта, опубликовавшее в марте 1991 г.

[2] Такидзава С. Ванган сэнсо: ни миру гэндайсэйдзи. С. 240.

[3] Togo Kazuhiko. Japan's Foreign Policy, 1945–2003. P. 77.

в ведущих западных СМИ официальную благодарность участвовавшим в его освобождении от иракских войск странам-участницам коалиции, даже не упомянуло в этой благодарности Японию, притом что финансовый вклад Токио в разрешение кризиса был больше, чем у любой другой страны международной коалиции, не считая США и Кувейта — 13 млрд долл.[4] Другой пример — то, что после окончания войны японский министр иностранных дел Накаяма Таро, в отличие от его европейских коллег, не был приглашен на саммит в Вашингтон[5].

Эта же наглядная демонстрация неадекватности сложившейся системы принятия внешнеполитических решений послужила и толчком для дальнейшего развития. Именно неудачный опыт реагирования на войну в Персидском заливе стал одним из ключевых факторов активизации внешней политики Японии в постбиполярный период, включавшей в себя постепенный отход от тех жестких ограничений на использование вооруженных сил, которых Япония придерживалась до этого. И то, что уже в июне 1992 г. японский парламент принял закон «О сотрудничестве в операциях ООН» и поправки в закон «О Силах самообороны», сделавшие возможным участие Сил самообороны в миротворческих операциях ООН, пусть и при соблюдении целого ряда условий, показало, что японская дипломатия начала адаптироваться к миру после холодной войны.

Таким образом, рассмотрение того, как именно функционировал японский внешнеполитический процесс в этот ру-

[4] Накамура Т. Масумэдиа то сэйсаку кэттэй катэй — «Кокурэн хэйва кё:рёку хо:ан» но хайан (СМИ и процесс определения политического курса — снятие с обсуждения «Законопроекта о миротворческом сотрудничестве ООН») // Кэнрицу Нагасаки Зи:боруто Дайгаку кокусай дзё:хо: гакубу киё: (Вестник факультета глобальных коммуникаций префектурального университета Нагасаки им. Зибольда). 2005. № 6. С. 210.

[5] Purrington C. Tokyo's Policy Responses During the Gulf War. P. 169.

бежный момент, представляется важной задачей, причем не только с точки зрения понимания логики принятия внешнеполитических решений на последнем этапе существования «системы 1955 года», но и потому, что эти события оказали непосредственное влияние на внешнюю политику Японии современного нам постбиполярного периода.

Но прежде чем приступить к рассмотрению реакции различных игроков японской политической арены на события в Персидском заливе в 1990–1991 гг., необходимо охарактеризовать специфику внутриполитической ситуации, сложившейся в Японии к началу 1990-х годов. Власть по-прежнему принадлежала ЛДП (она окажется в оппозиции лишь в 1993 г., потеряв большинство в палате представителей по итогам прошедших 18 июля 1993 г. выборов), но соотношение сил как внутри ЛДП, так и между правящей партией и оппозицией существенно отличалось от того, что существовало во время событий, рассматривавшихся в двух предыдущих главах.

В правящей ЛДП еще с 1970-х годов доминирующей силой стала «суперфракция», зачастую фактически определявшая назначение премьер-министров. Сначала во главе ее стоял Танака Какуэй, занявший пост премьер-министра в июле 1972 г., но сохранивший значительное политическое влияние и после того, как в декабре 1974 г. был вынужден объявить об отставке из-за коррупционного скандала. После окончательного ухода «теневого сёгуна» К. Танака с политической арены во второй половине 1980-х годов роль лидера «суперфракции» перешла к Такэсита Нобору, премьер-министру в 1987–1989 гг., которому, тем не менее, как и К. Танака, пришлось уйти в отставку из-за коррупционного скандала (в случае с Н. Такэсита это было «дело “Рикруто”»). Преемник же Н. Такэсита, Уно Сосукэ, занявший кресло премьер-министра в июне 1989 г., не удержался на

нем и трех месяцев, оставив свой пост в августе 1989 г. из-за скандала вокруг его связи с гейшей.

То, насколько такая череда скандалов подорвала популярность ЛДП среди избирателей, стало очевидно, когда на прошедших 26 июля 1989 г. выборах в палату советников либерал-демократы впервые потеряли большинство в верхней палате (палате советников), пусть и сохранив контроль над нижней. Подобная ситуация, получившая название «перекрученного парламента», означала, что правящая партия впервые за долгое время оказалась вынуждена договариваться с оппозиционными партиями, чтобы проводить законопроекты через палату советников. И выбранный в этих условиях на роль премьер-министра Кайфу Тосики, занявший пост главы правительства 10 августа 1989 г., был призван своим имиджем «чистого политика» укрепить пошатнувшийся авторитет ЛДП[6].

Не обладая значительной поддержкой внутри партии — фракция Комото, к которой он принадлежал, была относительно слабой — Т. Кайфу сильно зависел от партийных боссов и был крайне ограничен в свободе политического маневра. Как будет показано ниже, это нередко вело к существенным противоречиям между премьер-министром, с одной стороны, и партийным руководством (в частности, генеральным секретарем ЛДП Одзава Итиро и председателем Совета по общим вопросам Нисиока Такэо) — с другой[7].

Усугубляли положение нового премьер-министра и другие факторы. Так, опыт Т. Кайфу в вопросах внешней политики был весьма ограниченным, поскольку до этого он занимал в правительстве только должности заместителя генерального секретаря Кабинета министров в 1974–1976 гг.

---

[6] Павленко П. А. Либерально-демократическая партия. С. 63.

[7] Inoguchi T. The Nature and Functioning of Japanese Politics // Government and Opposition. 1991. Vol. 26, Is. 2. P. 188–189.

и министра образования в 1976–1977 и 1985–1986 гг. Кроме того, в отличие от, к примеру, Накасонэ Ясухиро, премьер-министра в 1982–1987 гг., у Т. Кайфу не было собственного независимого аппарата советников, которые могли бы проконсультировать его по проблемам внешней политики и национальной безопасности, а потому в этих вопросах Т. Кайфу был вынужден полагаться на МИД Японии[8].

Но в то же самое время, как система однопартийного господства ЛДП шла к своему концу, перед японской дипломатией вставали новые вызовы и задачи, связанные с необходимостью более активного участия в международном сотрудничестве. Отдельные исследования возможности участия Японии в миротворческих операциях ООН предпринимались еще во второй половине 1960-х годов. Так, в 1966 г. в японской печати появились сведения о том, что в правительстве был подготовлен проект закона, регулирующего участие Японии в миротворческих операциях ООН. Хотя официальные лица позже и отрицали существование такого документа, они признавали, что этот вопрос действительно изучался. Позже, в 1982 г., МИД Японии поручил группе из семи неправительственных экспертов рассмотреть ту же проблему. В результате был подготовлен доклад, где содержались предложения относительно возможного активного участия японского персонала в миротворческих операциях, хотя задействование в них военнослужащих Сил самообороны там и не рассматривалось[9].

Работа над этими вопросами особенно активизировалась к концу 1980-х годов, примером чему может послужить «Концепция международного сотрудничества» («*Кокусай кё:рёку ко:со:*», в англоязычных публикациях МИД

[8] Purrington C. Tokyo's Policy Responses during the Gulf Crisis. P. 315–316.

[9] Shibata A. Japanese Peacekeeping Legislation. P. 309.

Японии называемая International Cooperation Initiative[10]) из трех пунктов, озвученная премьер-министром Н. Такэсита во время его выступления в Лондоне 4 мая 1989 г.[11] Второй и третий пункты этой концепции были достаточно стандартными: в них предусматривалось развитие международного культурного сотрудничества и наращивание Японией официальной помощи развитию (ОПР). Но первый, в котором говорилось об «усилении сотрудничества ради мира», содержал такие важные положения, как «активное участие в дипломатическом сотрудничестве для разрешения конфликтов» и «отправка персонала». Пока речь шла только о командировании гражданских специалистов — премьер Такэсита отдельно оговаривался, что Япония не может осуществлять сотрудничество в военной сфере, — но для Японии, чей вклад в международное сотрудничество до этого ограничивался главным образом оказанием материальной помощи в рамках программ ОПР, и это было бы существенным шагом вперед.

Тем не менее значительного развития эти планы не получили ни при Н. Такэсита, ни при С. Уно, ни сразу после прихода к власти Кабинета Т. Кайфу. Прецеденты отправки гражданских специалистов для участия в миротворческих операциях хотя и были, но имели крайне ограниченный масштаб, например Япония направляла небольшие группы наблюдателей для мониторинга выборов в рамках опера-

[10] Section 5. Promotion of the International Cooperation Initiative [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs. Diplomatic Bluebook 1989. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1989/1989–2–5.htm (date of access: 10.11.2021).

[11] Кокусай бунка ко:рю: но аюми: Такэсита со:ридайдзин Рондон супи:ти (Ход международных культурных обменов: лондонская речь премьер-министра Такэсита). 04.05.1989 [Электронный ресурс] // МИД Японии. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/culture/koryu/others/kokusai_3a.html (дата обращения: 08.11.2021).

ций ООН в Намибии и Никарагуа численностью 27 и 6 человек соответственно[12]. А премьер Кайфу хотя и упоминал о «Концепции международного сотрудничества» в своих выступлениях, но вплоть до начала кризиса в Персидском заливе летом 1990 года чаще всего ограничивался общими словами о «сотрудничестве ради мира», предпочитая делать акцент на социально-экономические и гуманитарные аспекты этого плана[13].

Отношение к той роли, которую Япония должна играть на международной арене, менялось не только на уровне внешнеполитического курса правительства. Большинство оппозиционных партий (за исключением КПЯ) и даже СПЯ, остававшаяся второй после ЛДП партией в парламенте, к концу 1980-х — началу 1990-х годов пришли или, по крайней мере, приблизились к признанию де-факто Договора безопасности с США и Сил самообороны. При этом, как отмечает японский политолог Иногути Такаси, среди политического истэблишмента за более активную внешнюю политику Японии к началу 1990-х годов выступали два близких

[12] Дай 4 сэцу. Кокурэнто: но кокусай кикан но якувари то вагакуни но кё:рёку (Раздел 4. Роль ООН и других международных организаций и сотрудничество [с ними] Японии) [Электронный ресурс] // Гаймусё:. Гайко: сэйсё. Вага гайко: но кинкё:. 1990 нэмбан (дай 34 го:) (МИД Японии. Синяя книга дипломатии Японии. Нынешнее состояние дипломатии Японии. 1991. Вып. 35). URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/1990/h02-contents-1.htm (дата обращения: 23.11.2021).

[13] См., напр.: Кайфу Т. Бэрурин ни окэру Кайфу Тосики найкаку со:ри дайдзин эндзэцу (Речь премьер-министра Кайфу Тосики в Берлине). 09.01.1990 [Электронный ресурс] // Дэ:та бэ:су «Сэкай то Нихон» (дайхё:: Танака Акихико) [База данных «Мир и Япония» (руководитель проекта: Танака Акихико)]. URL: http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/exdpm/19900109.S1J.html (дата обращения: 24.11.2021); Кайфу Т. Нихон то нансэй Адзиа — хэйва то ханъэй но тамэ но тайва то кё:рёку канкэй о мотомэтэ (Япония и Юго-западная Азия — в поисках диалога и отношений сотрудничества ради мира и процветания). 30.04.1990 [Электронный ресурс] // Дэ:та бэ:су «Сэкай то Нихон» (дайхё:: Танака Акихико) [База данных «Мир и Япония» (руководитель проекта: Танака Акихико)]. URL: http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/exdpm/19900430.S1J.html (дата обращения: 24.11.2021).

и отчасти пересекающихся лагеря. С одной стороны, это были те, кто поддерживал более активную международную роль Японии в тандеме с США. Представителями этой позиции были, в частности, генеральный секретарь ЛДП Одзава Итиро, депутаты парламента, принадлежавшие к оборонному «клану» (*дзоку*), а также Управление национальной обороны (УНО) и компании, получавшие подряды по оборонным заказам. С другой стороны, имелись и те, кто, пусть и не настаивая на полном разрыве с Вашингтоном, ратовал, тем не менее, за более автономную роль Японии на международной арене. К этому лагерю Т. Иногути относит крупный бизнес (в частности, финансовый сектор), а также экономические министерства, особенно Министерство финансов и Министерство международной торговли и промышленности. При этом в Министерстве иностранных дел были представлены как сторонники более активной роли Японии, так и те, кто считал целесообразным сохранение осторожного курса, хотя на практике наибольшим влиянием там пользовались вторые[14].

3.2. Процесс принятия внешнеполитических решений в Японии во время вооруженного конфликта в Персидском заливе

Известие о нападении Ирака на Кувейт 2 августа 1990 г. стало для Японии неожиданностью: сказалось отсутствие у Японии достаточного политического и разведывательного присутствия в Ближневосточном регионе[15]. Тем не менее экономические меры были предприняты официальным Токио весьма оперативно. Уже 5 августа в заявлении гене-

[14] Inoguchi T. Japan's Response to the Gulf Crisis. P. 268–271.

[15] Ibid. P. 257–258.

рального секретаря Кабинета министров Сакамото Мисодзи было объявлено, что японское правительство подвергает жесткой критике вторжение иракских войск в Кувейт, призывает Ирак немедленно выполнить требования резолюции СБ ООН 660 от 2 августа, требовавшей от Ирака незамедлительного вывода войск с территории Кувейта[16], а также вводит экономические санкции против Ирака: запрет на импорт нефти из Ирака и к тому моменту полностью оккупированного им Кувейта, запрет на экспорт и инвестиции в Ирак и Кувейт, а также замораживание экономического сотрудничества с Ираком[17].

Сложно сказать, в какой степени такая решительность была следствием настоятельных рекомендаций со стороны Вашингтона, а в какой — проявлением собственной инициативы Токио. Известно, что еще 4 августа состоялся телефонный разговор премьера Кайфу и президента США Джорджа Буша, в котором последний подчеркивал важность согласованных действий мирового сообщества ради восстановления законного правительства Кувейта[18]. Но в любом случае реакция японского правительства даже опередила действия Совета Безопасности ООН, принявшего собственную резолюцию об экономических санкциях лишь днем позже, 6 августа[19].

---

[16] Резолюция СБ ООН 660 (1990) от 2 августа 1990 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: https://undocs.org/ru/S/RES/660(1990) (дата обращения: 24.11.2021).

[17] Ванган кики ни кансуру сирё:, Сакамото найкаку камбо:тё:кан данва (Материалы по кризису в Персидском заливе, заявление генерального секретаря кабинета Сакамото). 05.08.1990 [Электронный ресурс] // Дэ:та бэ:су «Сэкай то Нихон» (дайхё:: Танака Акихико) [База данных «Мир и Япония» (руководитель проекта: Танака Акихико)]. URL: http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/JPME/19900805.S1J.html (дата обращения: 24.11.2021).

[18] Орита М. Ванган сэнсо:. С. 123.

[19] Резолюция СБ ООН 661 (1990) от 6 августа 1990 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: https://undocs.org/ru/S/RES/661(1990) (дата обращения: 24.11.2021).

Тем не менее уже в первые дни кризиса в японской столице начали проявляться первые межведомственные разногласия. МИД, позиция которого на этом этапе практически сразу же возобладала, выступал за солидарность с США, в то время как Министерство международной торговли и промышленности, опасаясь за судьбу 600 млрд иен, которые Ирак был должен японским торговым компаниям, первоначально придерживалось более осторожного подхода, считая, что Японии следует проявлять сдержанность, пока свой ответ на разразившийся кризис не сформулируют западноевропейские страны[20].

Более того, как язвительно отмечает японский исследователь Ито Кэнъити, введение санкций против Ирака «было и началом, и концом быстрых и решительных действий со стороны японского правительства»[21]. Если на то, чтобы выделить странам региона и антииракской коалиции финансовую помощь, Токио был в принципе готов, то обсуждение мер, которые подразумевали бы более решительные шаги, и прежде всего «человеческий вклад» Японии, оказалось крайне сложным, даже несмотря на существенное давление со стороны США.

14 августа с Т. Кайфу по горячей линии снова связался президент Буш. Американский лидер призвал своего японского коллегу оказать, помимо прочего, помощь отправкой японского персонала в зону конфликта, с тем чтобы помочь с очисткой акваторий от мин и с организацией доставки гуманитарной помощи, но японский премьер уклонился от ответа, сославшись на юридические и политические сложности, с которыми были бы связаны такие шаги[22]. Причем

[20] Purrington C. Tokyo's Policy Responses during the Gulf Crisis. P. 308.

[21] Ito K. The Japanese State of Mind. P. 275.

[22] Орита М. Ванган сэнсо:. С. 125.

даже этим требования американской стороны не ограничивались: помимо призывов оказать финансовую помощь многонациональным силам и пострадавшим от кризиса странам региона, а также отправить в зону конфликта японский персонал, различные представители американской администрации призывали Японию внести свою лепту и такими способами, как закупка американского оружия и увеличение финансовой поддержки дислоцированных в Японии американских войск[23].

В ситуации, когда правительство медлило с реакцией на призывы Вашингтона, инициативу в «продавливании» активных мер взяли на себя те силы в ЛДП, кто поддерживал более активную политику в сфере национальной безопасности. Одной из наиболее заметных фигур среди этих «ястребов», как их можно условно назвать, был генеральный секретарь партии Одзава Итиро (ближайший соратник и протеже К. Танака, а на момент рассматриваемых событий — член возглавляемой Н. Такэсита «суперфракции»). 26 августа 1990 г., хотя это и был воскресный день, И. Одзава встретился с Т. Кайфу в премьерской резиденции и попытался убедить его отправить на Ближний Восток контингент Сил самообороны, настаивая, что это может быть осуществлено даже в рамках действующего законодательства, но премьер отклонил эти предложения[24].

Через три дня, 29 августа, правительство объявило о мерах, которые Япония обещала предпринять для оказания помощи в разрешении кризиса. Провозглашалось, что Токио окажет финансовую помощь в объемах и формах, которые будут определены позже. Говорилось и о намерении Японии внести «человеческий вклад» путем предоставле-

[23] Purrington C. Tokyo's Policy Responses during the Gulf Crisis. P. 308–309.

[24] Сёдзи Т. Хо:ан сакусэй о мэгуру арасои. С. 208.

ния гражданских судов и самолетов для транспортировки продовольствия и медикаментов и отправки группы медицинских работников ориентировочной численностью 100 человек[25]. Впрочем, как стало ясно вскоре, обещания отправить медиков и транспортные средства оказались невыполнимыми из-за того, что в Японии просто не нашлось организаций и частных лиц, которые были бы готовы взять на себя такие обязанности[26].

В тот же день, выступая на пресс-конференции, Т. Кайфу подчеркнул, что указанные меры будут реализовываться в строгом соответствии с японскими конституционными нормами. При этом, однако, он добавил, что для осуществления более эффективного вклада в поддержание мира Японии следует рассмотреть возможность внесения изменений в свое законодательство (опять-таки в рамках действующей конституции) и предложил рассмотреть возможность принятия закона «О содействии мирным усилиям ООН» («*Кокурэн хэйва кё:рёку хо:ан*»)[27], в котором были бы четко прописаны возможности оказания Японией «че-

[25] Ванган кики ни кансуру сирё:, Тю:то: ни окэру хэйва кайфуку кацудо: ни какавару вагакуни но ко:кэнсаку (Материалы по кризису в Персидском заливе, вклад, который будет внесен Японией в связи с деятельностью по восстановлению мира на Ближнем Востоке). 29.08.1990 [Электронный ресурс] // Дэ:та бэ:су «Сэкай то Нихон» (дайхё:: Танака Акихико) [База данных «Мир и Япония» (руководитель проекта: Танака Акихико)]. URL: http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/JPME/19900829.O2J.html (дата обращения: 10.11.2021).

[26] Орита М. Ванган сэнсо:. С. 126.

[27] Японское название законопроекта можно дословно перевести как «законопроект "О мирном сотрудничестве ООН"», а в англоязычной литературе он обычно называется «U.N. Peace Cooperation Bill». Используемый здесь русскоязычный перевод (законопроект «О содействии мирным усилиям ООН») используется в следующих работах: Кистанов В.О. Война в Персидском заливе и Япония. С. 6.; Молодяков В.Э. История Японии. XX век / В.Э. Молодяков, Э.В. Молодякова, С.Б. Маркарьян. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. С. 443.

ловеческого вклада»[28]. Поскольку первоначальная реакция США на эти обещания оказалась прохладной[29], уже на следующий день японское правительство сделало уточняющее заявление, объявив, что общий объем помощи, которую Япония готова оказать, составит 1 млрд долл.[30]

При этом позиция премьер-министра, принявшего решение о выделении помощи в этом объеме, не была согласована не только с американской стороной, но и с Министерством иностранных дел. Как вспоминает занимавший тогда пост заместителя генерального секретаря Кабинета министров Исихара Нобуо, МИД заранее подсчитал и сообщил премьер-министру, что первоначальный объем помощи, которую Япония должна предоставить международной коалиции, должен составить от 2 до 3 млрд долл. С другой стороны, Министерство финансов полагало, что оценки МИД необоснованны, и рекомендовало выделить лишь 1 млрд долл. — сумму, которая и была первоначально озвучена правительством 30 августа[31].

Японское общество в целом сочло эти меры адекватными: согласно опросу информационного агентства Киодо,

---

[28] Ванган кики ни кансуру сирё:, кисякайкэн ни окэру Кайфу найкаку со:ри дайдзин хацугэн ё:си (Материалы по кризису в Персидском заливе, основное содержание заявления премьер-министра Кайфу). 29.08.1990 [Электронный ресурс] // Дэ:та бэ:су «Сэкай то Нихон» (дайхё:: Танака Акихико) [База данных «Мир и Япония» (руководитель проекта: Танака Акихико)]. URL: http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/JPME/19900829.O1J.html (дата обращения: 10.11.2021).

[29] Сёдзи Т. Хо:ан сакусэй о мэгуру арасои. С. 208.

[30] Ванган кики ни кансуру сирё:, кисякайкэн ни окэру Сакамото найкаку камбо:тё:кан хацугэн ё:си (Материалы по кризису в Персидском заливе, основное содержание заявления генерального секретаря Кабинета министров Сакамото). 30.08.1990 [Электронный ресурс] // Дэ:та бэ:су «Сэкай то Нихон» (дайхё:: Танака Акихико) [База данных «Мир и Япония» (руководитель проекта: Танака Акихико)]. URL: http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/JPME/19900830.O1J.html (дата обращения: 10.11.2021).

[31] Сёдзи Т. Хо:ан сакусэй о мэгуру арасои. С. 208–209.

проведенному после объявления деталей первого пакета помощи, 59% японцев заявили, что они удовлетворены вкладом Японии в разрешение кризиса, 22% посчитали его чрезмерным, и лишь 16% сочли действия правительства недостаточными. Но «человеческий вклад» в том виде, которого от Токио ждали в Вашингтоне, все еще оставался для большинства японцев неприемлемым: по данным того же опроса, против отправки Сил самообороны в регион Персидского залива выступило подавляющее большинство респондентов — 83%[32].

Однако американская сторона по-прежнему считала, что Япония должна сделать больше, и потому продолжала давить на японское руководство. Посол США Майкл Армакост лоббировал этот вопрос в Токио настолько активно, что в политических кругах японской столицы получил прозвище «*мисута: гайацу*» («мистер Внешнее давление»)[33]. Во время своих встреч с представителями руководства правящей партии, среди которых был и И. Одзава[34], М. Армакост использовал, помимо прочего, и тот аргумент, что реакция Японии на кризис в Персидском заливе будет иметь значительное влияние на перспективы получения ею статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН[35]. Чтобы дополнительно разъяснить требования Вашингтона, в Токио прибыл министр финансов США Николас Брейди, 7 сентября 1990 г. встретившийся с министром финансов Хасимото Рютаро. На этой встрече Н. Брейди настаивал, чтобы Япония выделила еще 1 млрд долл. в качестве помощи мно-

[32] Purrington C. Tokyo's Policy Responses during the Gulf Crisis. P. 309.

[33] Nakanishi H. The Gulf War and Japanese Diplomacy [Electronic resource] / H. Nakanishi // Nippon.com. 06.12.2011. URL: https://www.nippon.com/en/features/c00202/the-gulf-war-and-japanese-diplomacy.html (date of access: 15.11.2021).

[34] Inoguchi T. Japan's Response to the Gulf Crisis. P. 258.

[35] Purrington C. Tokyo's Policy Responses during the Gulf Crisis. P. 310.

гонациональной коалиции и 2 млрд для помощи странам региона, утверждая, что «не может вернуться к президенту с пустыми руками». Японское Министерство финансов не было готово одобрить такую сумму, поэтому Н. Брейди пришлось вернуться в США, так и не получив определенного ответа[36].

Спустя несколько дней, в том числе благодаря давлению со стороны МИД Японии, сопротивление стоявшего на страже бюджетных расходов Министерства финансов было преодолено. 14 сентября генеральный секретарь Кабинета М. Сакамото объявил, что Япония выделит дополнительную помощь в объеме 3 млрд долл.[37] Общая сумма помощи в объеме 4 млрд долл. должна была быть разделена поровну между чрезвычайной помощью, выделяемой в форме долгосрочных кредитов под низкий процент, Египту, Турции и Иордании, понесшим экономический урон от кризиса в Персидском заливе, и помощью многонациональным силам (эти средства предназначались для закупки так называемого «нелетального» снаряжения, поскольку расходование их на приобретение вооружения и боеприпасов могло быть расценено как нарушение «мирной» 9-й статьи японской конституции). Японские дипломаты при этом особо подчеркивали, что в большинстве случаев необходимое для многонациональных сил снаряжение будет закупаться в США[38].

---

[36] Сёдзи Т. Хо:ан сакусэй о мэгуру арасои. С. 209.

[37] Ванган кики ни кансуру сирё:, кисякайкэн ни окэру Сакамото найкаку камбо:тё:кан хацугэн ё:си (Вагакуни но тай Тю:то: ко:кэн ни цуитэ) [Материалы по кризису в Персидском заливе, основное содержание заявления генерального секретаря Кабинета министров Сакамото (о помощи Японии Ближнему Востоку)]. 14 сентября 1990 г. [Электронный ресурс] // Дэ:та бэ:су «Сэкай то Нихон» (дайхё:: Танака Акихико) [База данных «Мир и Япония» (руководитель проекта: Танака Акихико)]. URL: http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/JPME/19900914.O1J.html (дата обращения: 10.11.2021).

[38] Purrington C. Tokyo's Policy Responses during the Gulf Crisis. P. 310–311.

Таким образом, требования США о выделении Японией дополнительных средств выполнялись, пусть и не без сопротивления со стороны Министерства финансов. Но американская сторона продолжала требовать от Японии не ограничиваться финансовой помощью и внести «человеческий вклад», который стал бы более значимым свидетельством готовности Японии играть существенную роль на мировой арене. Так, 29 сентября президент Буш снова призвал японскую сторону рассмотреть вопрос об отправке персонала Сил самообороны для помощи многонациональной коалиции, подчеркнув, что мировое сообщество будет приветствовать этот вклад, даже если японский контингент не сможет использовать военную силу и ограничится тыловой поддержкой войск коалиции[39].

Тем не менее высказанная впервые премьер-министром 29 августа идея принятия законопроекта «О содействии мирным усилиям ООН», нацеленного на то, чтобы реализовать этот «человеческий вклад», натолкнулась на серьезные сложности еще на этапе согласования текста в правительстве и правящей партии. Разногласия внутри МИД и ЛДП касались самого базового вопроса: должен ли «человеческий вклад» Японии означать отправку военнослужащих Сил самообороны, как того требовал Вашингтон и как настаивали «ястребы» внутри правящей партии (И. Одзава, к примеру, подчеркивал, что отправка войск не будет противоречить японской конституции, если она будет осуществляться в соответствии с решениями ООН), или же, как считали сторонники более пацифистских взглядов, Япония должна ограничиться отправкой гражданских специалистов, поскольку любая отправка войск за рубеж была бы нарушением конститу-

[39] Накамура Т. Масумэдиа. С. 204.

ции[40]. Дополнительно осложняло ситуацию и то, что, как позже вспоминал бывший тогда административным заместителем министра иностранных дел Курияма Такакадзу, Министерство иностранных дел, которое выполняло основную часть работы по подготовке законопроекта, было крайне ограничено во времени. Чрезвычайная сессия парламента, на которой должен был быть рассмотрен законопроект, начиналась 12 октября 1990 г., и потому на подготовку текста документа у внешнеполитического ведомства было меньше месяца[41].

На базе департамента ООН МИД Японии была создана специальная рабочая группа, в состав которой вошли более полутора десятков сотрудников из различных подразделений министерства и которая занималась технической работой, связанной с подготовкой проекта нового закона. Но, учитывая важность готовящегося документа, этот процесс находился под постоянным контролем со стороны Кабинета министров и правящей партии. Если со стороны МИД за подготовку законопроекта отвечал административный замминистра Т. Курияма, то со стороны канцелярии Кабинета министров ключевую роль в согласовании текста играл заместитель генерального секретаря Кабинета Исихара Нобуо[42]. Кроме того, параллельно с ежедневной работой в рамках указанной рабочей группы регулярные совещания высшего правительственного и партийного руководства по вопросу подготовки нового законопроекта проводились и в резиденции премьер-министра. В них, среди прочих, участвовали сам премьер Т. Кайфу, министр иностранных дел Т. Накаяма, министр финансов Р. Хасимото, генераль-

[40] Орита М. Ванган сэнсо:. С. 127.

[41] Цит. по: Сёдзи Т. Хо:ан сакусэй о мэгуру арасои. С. 210.

[42] Там же. С. 210–212.

ный секретарь Кабинета министров М. Сакамото, а также составляющие верхушку ЛДП «три партийные должности» («*то:санъяку*») — генсек партии И. Одзава, председатель Совета по общим вопросам Нисиока Такэо и председатель Совета по политическим вопросам Като Муцуки[43]. При этом, по свидетельству М. Орита, даже он, будучи секретарем премьер-министра, не приглашался на эти совещания[44]. А потому можно предположить, что именно в таком закрытом формате, среди высшего руководства ЛДП и Кабинета министров, и принимались наиболее важные решения относительно содержания будущего законопроекта.

Сам премьер Т. Кайфу первоначально считал, что японские миротворцы должны быть организованы как полностью гражданская организация, подобная, к примеру, Японскому корпусу добровольческого сотрудничества[45], и потому еще на пресс-конференции 29 августа он подчеркивал, что «отправка Сил самообороны не рассматривается»[46]. Того же мнения придерживался и отвечавший за подготовку законопроекта во внешнеполитическом ведомстве административный замминистра иностранных дел Т. Курияма, считавший, что Япония должна ограничиться исклю-

[43] В различных отечественных работах названия этих должностей переводятся по-разному. Так, «со:мукай» и «сэйтё:кай» иногда переводятся как, соответственно, «совет по общим вопросам» и «совет по политическим вопросам» (см.: Политическая система современной Японии: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 257), а иногда как, соответственно, «политический совет» и «комитет по изучению политических вопросов» (см.: Павленко П. А. Либерально-демократическая партия. С. 72). Здесь используется более дословный первый вариант.

[44] Орита М. Ванган сэнсо:. С. 130.

[45] Там же. С. 126.

[46] «Кокурэн кё:рёку хо:» но сэйтэй о. Дзиэйтайхо: кайсэй ни мо фукуми. Сюсё: кайкэн (Призыв принять закон «О содействии мирным усилиям ООН». Также включается и пересмотр закона о Силах самообороны. Пресс-конференция премьер-министра) // Нихон кэйдзай симбун. 30.08.1990, утренний выпуск. С. 1.

чительно невоенным вкладом, поскольку отправка за рубеж в той или иной форме военнослужащих Сил самообороны вызвала бы серьезную критику как со стороны японского общественного мнения, так и со стороны стран — соседей Японии[47].

Впрочем, как вспоминает М. Орита, часть руководства МИД придерживалась противоположного мнения: так, директор департамента международных договоров Янаи Сюндзи с самого начала работы над законопроектом «О содействии мирным усилиям ООН» утверждал, что в качестве «человеческого вклада» Япония вполне может отправить и Силы самообороны[48]. Среди аргументов сторонников этой точки зрения, к которым относились также и представители Управления национальной обороны (УНО), было то, что создание с нуля новой структуры, сотрудники которой могли бы быть отправлены в зону Персидского залива для оказания помощи международной коалиции, потребовало бы значительных расходов средств и времени. А потому, утверждали они, гораздо более рациональным вариантом было бы отправить вместо них военнослужащих ССЯ, пусть и придав им на время командировки некий особый статус[49].

В конечном счете аргументы сторонников такой точки зрения, а также давление со стороны США возымели свое действие на премьер-министра, административного замминистра иностранных дел Т. Курияма и прочих сторонников идеи об исключительно гражданском составе японских миротворцев. 14 сентября 1991 г., выступая на совещании в резиденции главы правительства, Т. Курияма докладывал, что

[47] Цит. по: Сёдзи Т. Хо:ан сакусэй о мэгуру арасои. С. 212.

[48] Орита М. Ванган сэнсо:. С. 129.

[49] Сёдзи Т. Хо:ан сакусэй о мэгуру арасои. С. 212–213.

существует три варианта отправки японского персонала: создать новую структуру, не имеющую отношения к ССЯ; пересмотреть закон о ССЯ и тем самым создать возможность непосредственной отправки военнослужащих либо же отправить персонал ССЯ, но тем или иным способом изменить их статус, чтобы на время миссии они не являлись бы военнослужащими. При этом сам Т. Курияма выступил за последний, компромиссный, вариант. Премьер-министр поддержал его, поручив рассмотреть возможность такой схемы, при которой командируемый персонал ССЯ на время миссии увольнялся бы из японских вооруженных сил и направлялся бы на Ближний Восток не в качестве военнослужащих, а в качестве сотрудников администрации премьер-министра (*со:рифу дзимукан*)[50].

Но даже такая компромиссная формула, предусматривающая смену статуса военнослужащих ССЯ на время командировки, натолкнулась на жесткое сопротивление со стороны и УНО[51], и «ястребов» в руководстве правящей партии. В ЛДП против него выступили все «три партийные должности» — И. Одзава, Т. Нисиока и М. Като, а также глава одной из крупных фракций Ватанабэ Митио и председатель партийного отраслевого комитета по национальной обороне Ямасаки Таку. А административный заместитель директора УНО Ёда Томохару утверждал: «Военнослужащие Сил самообороны обучаются, действуя как подразделение. Они тренируются действовать в соответствии с приказами командира. Поэтому, если они будут участвовать (в миротворческой операции. — *В.Н.*) по отдельности, сняв форму и став сотрудниками администрации премьер-министра, то они совершенно не смогут функционировать».

[50] Там же. С. 213.

[51] Орита М. Ванган сэнсо:. С. 128.

Ответственный за согласование положений законопроекта замгенсекретаря Кабинета министров Н. Исихара был вынужден учитывать и эти возражения. В подготовленном им одностраничном меморандуме говорилось о создании «корпуса сотрудничества» (*кё:рёкутай*), ядром которого станут военнослужащие ССЯ, которые будут участвовать в этом корпусе как единое подразделение, но будут командированы под флагом «корпуса сотрудничества» и на время миссии будут либо совмещать статус членов корпуса и военнослужащих ССЯ, либо перестанут быть военнослужащими ССЯ и будут только членами корпуса. Также там говорилось о том, что у членов корпуса будет право на «минимальное» ношение оружия и что для реализации предложенного плана не потребуется пересматривать закон «О Силах самообороны»[52].

В конечном счете Министерство иностранных дел, учтя эти замечания, подготовило окончательный текст законопроекта, который 11 октября 1991 г. был одобрен руководящими органами ЛДП, 16 октября — Кабинетом министров и в тот же день был представлен на рассмотрение 119-й чрезвычайной сессии парламента, начавшей свою работу незадолго до этого, 12 октября[53]. Согласно итоговому варианту законопроекта, в рамках администрации премьер-министра учреждался «Штаб по содействию мирным усилиям ООН» (*«Кокусай рэнго: хэйва кё:рёку хомбу»*) во главе с самим премьер-министром. В свою очередь, при этом органе создавался «Корпус по содействию мирным усилиям ООН» (*«Кокусай рэнго: хэйва кё:рёку тай»*), который мог быть отправлен за пределы Японии для целей «мирного сотрудничества». Последнее, согласно изложенному в законе определению,

[52] Сёдзи Т. Хо:ан сакусэй о мэгуру арасои. С. 213–214.

[53] Там же. С. 217.

могло включать в себя контроль за соблюдением перемирия, помощь в налаживании работы органов власти в постконфликтный период, содействие в организации выборов, логистическую и медицинскую помощь, а также спасательные операции и помощь в ликвидации ущерба, нанесенного конфликтом. При этом в законопроекте прописывалась возможность командирования в Корпус военнослужащих Сил самообороны (а также сотрудников других административных органов), которые на время этой командировки совмещали бы свой статус сотрудников командирующей организации и сотрудников Корпуса по содействию мирным усилиям ООН (такой способ образно называли «двумя шапками», потому что члены Корпуса в таком случае были бы одновременно и военнослужащими, и гражданским персоналом[54]), а после завершения миссии возвращались бы на прежнее место работы. Кроме того, в тексте указывалось, что в случае необходимости сотрудники Корпуса могут быть оснащены легким вооружением, которое они, однако, имеют право использовать только в случае крайней необходимости и только в оборонительных целях[55].

Одновременно с тем, как в МИД проходило окончательное формулирование положений законопроекта, администрация премьер-министра начала работу с целью заручиться согласием оппозиционных партий: это было необходимым условием, учитывая ситуацию «перекрученного парламента». Так, генеральный секретарь Кабинета М. Сакамото пытался добиться одобрения со стороны партии Комэйто. В условиях, когда СПЯ была резко против планов

[54] Курияма Т. Сэнго Нихон гайко:. С. 204.

[55] Кокурэн хэйва кё:рёку хо:ан (Законопроект «О содействии мирным усилиям ООН») // Ванган сэнсо: то Нихон: товарэру кики канри (Война в Персидском заливе и Япония: кризисное управление под вопросом). Токио: Асахи симбунся, 1991. С. 213–223.

правительства, именно голоса Комэйто могли бы обеспечить прохождение законопроекта в палате советников. Но здесь правительство ждало разочарование. 27 сентября генеральный секретарь Комэйто Итикава Юити заявил, что его партия не может поддержать готовящийся правительством законопроект, сославшись на то, что такие его положения, как отправка целых подразделений Сил самообороны или возможность совмещения статуса сотрудников миротворческих сил со статусом военнослужащих открывают дорогу к полноценной отправке войск за рубеж[56]. При этом, даже хотя в дальнейшем Комэйто и вносила предложения о поправках, которые установили бы ограничение на срок действия закона, на этот раз на уступки не готово было идти уже Министерство иностранных дел, поскольку предполагалось, что новый закон должен был не просто дать Японии возможность принять участие в решении отдельно взятого международного кризиса, но стать основой для системы, которая позволила бы Японии оперативно и адекватным образом участвовать в миротворческой деятельности ООН в будущем[57].

Против предложенного правительством законопроекта выступила и СПЯ. Сформулированная ею позиция заключалась в том, что Японии следует воздержаться от оказания помощи многонациональным силам, ограничившись отправкой гражданских специалистов, а предлагаемый правительством план, как заявляла во время слушаний в нижней палате парламента 16 октября 1991 г. председатель партии Дои Такако, «одевает Силы самообороны в красивую одежду Корпуса по содействию мирным усилиям ООН и, из-за использования половинчатых мер, каковыми является

[56] Сёдзи Т. Хо:ан сакусэй о мэгуру арасои. С. 217.

[57] Там же. С. 220–221.

совмещение обязанностей (сотрудников Корпуса с обязанностями военнослужащих ССЯ. — *В.Н.*), означает отправку войск за рубеж»[58], что прямо противоречит параграфу 1 статьи 9 Конституции Японии[59].

В качестве контрпредложения СПЯ подготовила собственный документ, опубликованный 15 октября под заголовком «Руководящие принципы учреждения “Механизма мирного сотрудничества ООН”» («*“Кокурэн хэйва кё:рёку кико:” сэтти тайко:*»). Согласно ему, предлагалось создать исключительно гражданское и невооруженное формирование, которое могло бы выполнять такие задачи, как контроль за соблюдением перемирия, спасательные операции и эвакуация беженцев. При этом, хотя в тексте предложений СПЯ связь между создаваемым формированием и Силами самообороны и не прописывалась, генеральный секретарь партии Ямагути Цуруо подчеркивал, что военнослужащие ССЯ смогут участвовать в нем лишь после отставки, т. е. только снова став гражданскими лицами[60]. Уместной в этой ситуации кажется оценка японского исследователя Сёд-

[58] Т. Дои использовала термин «хахэй», который японо-русский словарь «Коданся» определяет как «посылка (отправка) войск», в то время как в правительственном законопроекте употреблялся иной термин, «хакэн», в том же словаре переводимый просто как «командировка; направление; посылка» (см.: Сато И. Ко:данся варо дзитэн [Японо-русский словарь Коданся]. Токио: Коданся, 1997. С. 828, 809). Оба термина могли употребляться и употребляются в отношении отправки войск за рубеж, но разница заключается в том, что «хахэй» подразумевает именно отправку войск для осуществления операций, связанных с применением силы.

[59] Дай 119 кай коккай. Сю:гиин. Хонгайги. Дай 2 го: (119-я сессия парламента. Палата представителей. Пленарное заседание. Заседание № 2). 16.10.1990 [Электронный ресурс] // Коккай кайгироку кэнсаку сисутэму (Система поиска протоколов заседаний парламента Японии). URL: http://kokkai.ndl.go.jp/SENTAKU/syugiin/119/0001/11910160001002a.html (дата обращения: 24.11.2021).

[60] Сято: га кё:рёкухо: дэ тайан. Хигундзи, гэнсёку дзиэйкан нуки (СПЯ предложила контрпредложение в ответ на закон о сотрудничестве. Невоенная структура без участия военнослужащих ССЯ на действительной службе) // Нихон кэйдзай симбун. 16.11.1990, утренний выпуск. С. 2.

зи Такаюки, отметившего, что есть определенная ирония в том, что провозглашаемые СПЯ предложения, по сути, были весьма близки тем позициям, на которых изначально стояли отвечавший за подготовку законопроекта административный замминистра Т. Курияма, а также сам премьер-министр Т. Кайфу. Более того, и критический отзыв МИД на предложение Социалистической партии повторял те же аргументы о нереалистичности и неэффективности создания с нуля новой структуры для международного сотрудничества, которые всего за несколько недель до этого высказывались против первоначального проекта закона «О содействии мирным усилиям ООН»[61].

Ожидаемо жесткой была также реакция на внесенный правительством законопроект Коммунистической партии Японии: во время своего выступления в нижней палате 17 октября 1991 г. председатель КПЯ Фува Тэцудзо подчеркивал, что коммунисты в принципе считали само существование Сил самообороны противоречащим конституции, и потому призывал не только к отказу от внесенного правительством «опасного законопроекта», но и к коренному пересмотру отношения Японии к возглавляемым США многонациональным силам, сформированным для отпора Ираку.

Даже председатель левоцентристской ПДС Оути Кэйго тогда же, 17 октября, хотя и оценивал в качестве адекватной меры решение правительства создать Корпус содействия мирным усилиям ООН, который мог бы использоваться для миротворческой деятельности, не подразумевающей применения военной силы (сопровождая это, впрочем, замечанием, что реакция японского правительства на иракский вопрос была и недостаточно быстрой, и недостаточно

[61] Сёдзи Т. Хо:ан сакусэй о мэгуру арасои. С. 219.

решительной), тем не менее также высказывал опасения относительно того, что предлагаемый правительством законопроект может открыть дорогу для будущих военных операций за рубежом[62].

То, насколько шаткой была поддержка законопроекта «О содействии мирным усилиям ООН» в японских политических кругах, наглядно показывают результаты анкетирования депутатов палаты представителей, проведенного газетой «Асахи симбун» 29–30 октября 1990 г. Согласно им, даже в ЛДП (181 депутат из 397 принявших участие в опросе) поддержка законопроекта была далеко не абсолютной: лишь 63,5% депутатов от правящей партии высказали свое одобрение, причем если исключить тех, кто сделал оговорки типа «поддерживаю (законопроект. — *В.Н.*), поскольку так решила партия» или «поддерживаю при условии внесения поправок», то степень поддержки (опять-таки лишь среди депутатов правящей партии) оказывался всего лишь на уровне 49,2%. В то же время среди депутатов оппозиционных партий (СПЯ, Комэйто, КПЯ и ПДС), а также независимых парламентариев правительственный законопроект не поддержал никто, причем СПЯ, Комэйто, КПЯ и «независимые» выступили «против» в полном составе, и лишь депутаты от ПДС в большинстве своем (13 человек из 14 опрошенных) не дали ни однозначного положительного, ни однозначного отрицательного ответа.

Сходную картину показало и распределение ответов на другой, более абстрактный, вопрос: «Следует ли допустить отправку за рубеж Сил самообороны при условии непри-

[62] Дай 119 кай коккай. Сю:гиин. Хонгайги. Дай 3 го: (119-я сессия парламента. Палата представителей. Пленарное заседание. Заседание № 3). 17.10.1990 [Электронный ресурс] // Коккай кайгироку кэнсаку сисутэму [Система поиска протоколов заседаний парламента Японии]. URL: http://kokkai.ndl.go.jp/SENTAKU/syugiin/119/0001/11910170001003a.html (дата обращения: 24.11.2021).

менения ими военной силы?» Лишь 71,8% (130 из 181 опрошенных) депутатов правящей ЛДП ответили утвердительно и 20,4% (37 человек) — отрицательно. Среди депутатов от оппозиции утвердительно ответило лишь большинство депутатов от ПДС (такой ответ выбрали 13 парламентариев, а один человек предпочел вариант «другое»), в то время как опрошенные политики от СПЯ, Комэйто и КПЯ, а также из числа независимых депутатов снова в полном или почти полном составе ответили отрицательно[63].

Подобное отсутствие поддержки со стороны оппозиционных партий в немалой степени было прямым следствием цейтнота, в условиях которого вынужден был работать готовивший законопроект МИД. За то короткое время, которое было отведено на подготовку законопроекта «О содействии мирным усилиям ООН», было сложно в полной мере провести подготовительную работу (типичную для японской политики «*нэмаваси*» — «окучивание корней») даже внутри самого внешнеполитического ведомства и с ключевыми силами внутри правящей партии. В этих условиях проведение консультаций с оппозиционными партиями было отложено на период после открытия сессии парламента, что и предопределило ту жесткую позицию, которую эти партии заняли, когда законопроект был внесен[64].

Спешка при подготовке законопроекта привела и к тому, что во время обсуждения его в парламенте представители правительства нередко высказывались непоследовательно, противореча сами себе, что естественным образом возбуждало подозрения оппозиции, публики и даже части правящей партии. Так, например, премьер Т. Кайфу и глава

[63] Ванган сэнсо: то Нихон: товарэру кики канри (Война в Персидском заливе и Япония: кризисное управление под вопросом). Токио: Асахи симбунся, 1991. С. 197–199.

[64] Сёдзи Т. Хо:ан сакусэй о мэгуру арасои. С. 220.

законодательного бюро Кабинета министров Кудо Ацуо в ответ на настойчивые вопросы депутатов от оппозиции фактически подтверждали, что участие Сил самообороны в многонациональных силах недопустимо по конституции, если действия последних «будут связаны с применением силы»[65]. Представители правительства не могли четко сформулировать, какое именно вооружение должно быть у «невооруженного» корпуса и могут ли его члены обороняться в случае нападения[66].

Нельзя, однако, сказать, что предложения правительства были особенно революционными. Как уже говорилось, представленный на рассмотрение парламента законопроект был компромиссным решением, в котором возможность отправки войск именно как подразделений ССЯ (а не как сотрудников Корпуса по содействию мирным усилиям ООН, пусть такое отличие и было бы в конечном счете лишь формальным) не рассматривалась. Более того, сам премьер-министр заявлял, что правительство не намерено менять традиционную интерпретацию 9-й статьи конституции, согласно которой Япония не имеет права на коллективную самооборону, настаивая, таким образом, на том, что предлагаемый законопроект не означает участия Японии в коллективной самообороне[67].

Свою роль сыграла также непопулярность предложенного плана среди широкой публики. Согласно проведен-

[65] Дай 119 кай коккай. Сю:гиин. Кокусай рэнго: хэйва кё:рёку ни кансуру токубэцу иинкай. Дай 2 го: (119-я сессия парламента. Палата представителей. Специальная комиссия по содействию мирным усилиям ООН. Заседание № 2). 24.10.1990 [Электронный ресурс] // Коккай кайгироку кэнсаку сисутэму (Система поиска протоколов заседаний парламента Японии). URL: http://kokkai.ndl.go.jp/SENTAKU/syugiin/119/0730/11910240730002a.html (дата обращения: 22.11.2021).

[66] Purrington C. Tokyo's Policy Responses during the Gulf Crisis. P. 313.

[67] Ito K. The Japanese State of Mind. P. 278.

ному в ноябре 1990 г. газетой «Асахи симбун» опросу, 78% респондентов высказались против отправки ССЯ за границу, а тех, кто поддержал это, было лишь 15%. При этом тех, кто был против внесенного правительством законопроекта «О содействии мирным усилиям ООН», оказалось больше половины аудитории — 58%. Все это ударило и по рейтингу самого Кабинета Т. Кайфу: согласно проведенному в то же время опросу, уровень его поддержки, до этого составлявший больше 50%, упал до 33%[68].

В то же время нельзя не отметить, что общественное мнение, по сути, нередко противоречило само себе. Значительная часть японцев считали, что «дипломатии чековой книжки», проводимой правительством, недостаточно, но при этом выступали против отправки ССЯ за рубеж[69]. В условиях подобных неоднозначных сигналов со стороны избирателей непоследовательность правительства выглядит вполне понятной.

Впрочем, были и те, кто критиковал правительство не за чрезмерность, а за недостаточность предлагаемых во внесенном им законопроекте мер. Так, японский политолог и бывший сотрудник МИД Японии Ито Кэнъити был одним из представителей того меньшинства, которое выступало за отправку ССЯ для участия в международной операции. В статье, опубликованной летом 1991 г., он обвиняет лидера СПЯ Дои Такако и других противников отправки войск в «эмоциональной демагогии», премьера Т. Кайфу — в нехватке смелости и неготовности поставить вопрос о необходимости пересмотра интерпретации конституции, а дискуссии по поводу законопроекта «О содействии мирным усилиям ООН» характеризует как бес-

[68] Цит. по: Сёдзи Т. Хо:ан сакусэй о мэгуру арасои. С. 221.

[69] Purrington C. Tokyo's Policy Responses during the Gulf Crisis. P. 319.

плодный «теологический диспут не о том, что “мы можем делать”, а о том, “чего мы можем не делать”», отмечая, что «конструктивной дискуссии, которая вела бы к переоценке роли Японии в стремительно меняющемся мире, практически не было»[70].

Признавая отчасти обоснованность критики, которую К. Ито и другие сторонники идеи отправки Сил самообороны адресовали как правительству, так и СПЯ и другим сторонникам максимально строгого следования принципу «государственного пацифизма», нельзя не отметить, что, как представляется, подчас бескомпромиссная позиция последних вполне укладывается в логику японской политики, где, как уже было продемонстрировано в предыдущих главах, внешнеполитические вопросы нередко играют вторичную роль по отношению к вопросам внутриполитическим. Насколько искренне Т. Дои и другие оппозиционные деятели отстаивали свою позицию (даже хотя их собственные предложения не слишком далеко отстояли от мнения некоторых представителей правящей партии) — вопрос не слишком принципиальный. Действуя в рамках свойственной Японии политической культуры, оппозиция вполне ожидаемо воспользовалась представившимся шансом атаковать правительство. В этой связи сетования К. Ито о том, что «политика, проводимая в соответствии с опросами общественного мнения, не может быть хорошей политикой, особенно когда эпоха подошла к ключевому поворотному моменту и становится необходимым изменить привычные идеи и подходы»[71], основаны на идеализме, расходящемся с фундаментальной логикой японского внешнеполитического процесса.

[70] Ito K. The Japanese State of Mind. P. 277–278.

[71] Ibid. P. 280.

Точно так же, как в политических кругах не было консенсуса относительно того, должна ли Япония вносить «человеческий вклад» в решение кризиса в Персидском заливе, и если должна, то как именно, не было его и среди японских средств массовой информации. Так, согласно обзору прессы, проведенному К. Ито, правая «Санкэй симбун» и консервативная «Ёмиури симбун» критиковали правительство за нерешительность и говорили, что необходимо изменить интерпретацию конституции, чтобы сделать возможной отправку войск. Напротив, левоцентристские «Майнити симбун» и особенно «Асахи симбун» настаивали на строгом следовании существующей интерпретации конституции и выступали резко против отправки Сил самообороны в зону конфликта, хотя и допускали, что туда может быть отправлен персонал, не относящийся к Силам самообороны. А умеренно консервативная «Нихон кэйдзай симбун» придерживалась осторожной позиции, ограничиваясь комментариями относительно того, как следует вести дискуссию по этому вопросу, хотя в итоге и начала склоняться к критической точке зрения[72].

В этих условиях, когда предложенный законопроект был и недостаточно популярен в обществе, и не имел перспектив прохождения через контролируемую оппозицией верхнюю палату, правительство было вынуждено признать неудачу своего плана. 5 ноября 1990 г. на встрече премьер-министра Т. Кайфу и генерального секретаря ЛДП И. Одзава было решено снять законопроект с обсуждения, а 8 ноября это решение было одобрено на совещании руководства партии[73]. Комэйто и ПДС согласились с предложением ЛДП совместно внести новый законопроект во время следующей сессии

[72] Ibid. P. 281–286.

[73] Ванган сэнсо: то Нихон. P. 228.

парламента с тем, чтобы в новом законе из числа миротворцев были исключены ССЯ, но этот план так и не был реализован[74].

На этом первая попытка Японии внести свой «человеческий вклад» в решение кризиса в Персидском заливе закончилась неудачей. Оставался еще насущный для Японии вопрос об оказавшихся на территории Ирака и Кувейта японских гражданах, численность которых на момент вторжения Ирака в Кувейт составляла 261 человек и большая часть которых была задержана иракскими властями, намеревавшимися использовать их в качестве «живого щита». В конечном счете в результате усилий как японского правительства, так и отдельных японских политиков (в качестве посредников выступили, к примеру, бывший премьер-министр Накасонэ Ясухиро, а также Антонио Иноки, бывший профессиональный рестлер, начавший политическую карьеру[75]) 6 декабря 1991 г. Саддам Хусейн приказал отпустить всех заложников, после чего домой вернулась и последняя группа остававшихся в их числе японцев[76].

Таким образом, до начала активной фазы боевых действий многонациональных сил против Ирака реальный вклад Японии был ограничен, по сути, лишь экономической помощью. Правительством предпринимались отдельные дипломатические инициативы, нацеленные на то, чтобы призвать стороны к мирному разрешению кризиса, но

---

[74] Purrington C. Tokyo's Policy Responses during the Gulf Crisis. P. 313–314.

[75] Iraq to Free 36 Japanese Hostages [Electronic resource] // AP News. 06.12.1990. URL: https://apnews.com/19304168907ddd3d0cecf9995f65d01c (date of access: 23.11.2021).

[76] Дай 4 сэцу. Хитодзити мондай (Раздел 4. Проблема заложников) [Электронный ресурс] // Гаймусё:. Гайко: сэйсё. Вага гайко: но кинкё:. 1991 нэнбан (дай 35 го:) [МИД Японии. Синяя книга дипломатии Японии. Нынешнее состояние дипломатии Японии. 1991. Вып. 35]. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/1991/h03–2–4.htm (дата обращения: 23.11.2021).

существенной роли эти шаги не сыграли. Так, например, 4 октября 1990 г. премьер-министр Т. Кайфу в ходе своего ближневосточного турне, находясь в Иордании, встретился с заместителем премьер-министра Ирака Таха Ясином Рамаданом и в ходе часовой беседы призвал иракскую сторону вывести войска из Кувейта, сделать возможным восстановление легитимного кувейтского правительства и освободить всех иностранцев, задержанных в Кувейте и в Ираке[77]. Тем не менее то, что даже японские заложники были освобождены не после этой встречи, а лишь спустя почти два месяца, говорит о том, что эта встреча оказалась в целом безрезультатной.

Интересно, что до начала операции «Буря в пустыне» попытки принять участие в разрешении кризиса или даже установить контакты с иракским руководством предпринимали и представители японских оппозиционных партий. Так, председатель партии Комэйто Исида Косиро 11 января 1991 г. отправил Генеральному секретарю ООН Хавьеру Пересу де Куэльяру телеграмму с призывом способствовать мирному разрешению кризиса в Персидском заливе. 12 января телеграммы аналогичного содержания разослали представители КПЯ — на этот раз их адресатами были не только генсек ООН, но также Саддам Хусейн и президент Буш[78]. Но, пожалуй, дальше всех пошла председатель СПЯ Дои Такако, отправившаяся с делегацией своей партии на Ближний Восток и сумевшая 13 января 1991 г. провести личную встречу с Саддамом Хусейном, во время которой призвала иракского лидера попытаться найти способ мирного

[77] Japanese prime minister meets Iraqi official [Electronic resource] // UPI archives. 04.10.1990. URL: https://www.upi.com/Archives/1990/10/04/Japanese-prime-minister-meets-Iraqi-official/9490655012800/ (date of access: 22.11.2021).

[78] Ято: хэйва мотомэ самадзама на угоки (Оппозиция предпринимает разнообразные шаги, призывая к миру) // Асахи симбун. 15.01.1991, утренний выпуск. С. 2.

разрешения сложившейся ситуации[79]. Вряд ли японские политики серьезно ожидали, что эти инициативы окажут решающее влияние на ход кризиса — в конце концов, было несложно догадаться, что подобные абстрактные призывы к миру, скорее всего, окажутся безрезультатными — но эти действия были свидетельством возросшей политической активности японских оппозиционных партий, подчеркивавших таким образом свою роль миротворцев прежде всего в глазах японских же избирателей.

Кризис в Персидском заливе вступил в новую фазу после того, как 15 января 1991 г. истек срок ультиматума Ираку, установленного в резолюции СБ ООН 678 от 29 ноября 1990 г.,[80] а 17 января 1991 г. США и их союзники начали против иракских войск операцию под кодовым названием «Буря в пустыне».

В литературе встречаются разные мнения относительно того, насколько Япония была готова к подобному развитию событий. С одной стороны, американский политолог Кортни Паррингтон полагает, что к моменту истечения срока ультиматума в японском внешнеполитическом ведомстве не было уверенности в том, действительно ли многонациональные силы во главе с США начнут активные действия против Ирака. В частности, Паррингтон ссылается на то, что даже во время встречи министра иностранных дел Японии Накаяма Таро и госсекретаря США Джеймса Бейкера, состоявшейся в Вашингтоне накануне истечения установленного Ираку ультиматума, американская сторона, по всей

[79] Хэйва э но омоиуттаэ. Дои си Ираку дайто:рё: то кайдан «хибакуся» надо рэй ни (Призыв к миру. Г-жа Дои встретилась с президентом Ирака, привела в качестве примера пострадавших от атомных бомбардировок и др.) // Асахи симбун. 14.01.1991, утренний выпуск. С. 2.

[80] Резолюция СБ ООН 678 (1990) от 29 ноября 1990 года [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: https://undocs.org/ru/S/RES/678(1990) (дата обращения: 23.11.2021).

видимости, не проинформировала Японию о своих планах[81].

Однако бывший секретарь премьера Т. Кайфу М. Орита представляет ситуацию несколько иначе. Он также признается, что точной информацией относительно того, начнутся ли военные действия, американская сторона действительно не стала делиться с не входящей в международную коалицию Японией из-за высокой степени секретности этих сведений. Но, во-первых, по его свидетельству, в общих чертах о намерениях США японская сторона была проинформирована еще за неделю до начала военной операции: 11 января 1991 г. в телефонном разговоре с премьером Т. Кайфу президент Буш подтвердил, что если Ирак не пойдет на вывод войск из Кувейта, то международная коалиция будет вынуждена применить силу. А во-вторых, подчеркивает Орита, надежды на то, что мирный выход из кризиса все же удастся найти, если и были, то лишь среди экспертов, не относящихся к внешнеполитическому ведомству. В МИД же располагали достаточной информацией, чтобы понять, что военная операция неизбежна, а потому, в соответствии с указаниями премьер-министра, МИД и Министерство финансов заранее начали рассмотрение вопроса о том, какие шаги Японии следует предпринять в случае перехода конфликта в активную фазу[82].

Как бы то ни было, сразу после начала военной операции многонациональных сил, 17 января, премьер Т. Кайфу выступил с заявлением, в котором от имени Японии выразил «решительную поддержку» действиям коалиции, подчеркнув, что они являются «последним средством для восстановления мира», пообещал, по возможности, оказать содей-

[81] Purrington C. Tokyo's Policy Responses During the Gulf War. P. 162.

[82] Орита М. Ванган сэнсо:. С. 136–139.

ствие в реализации резолюций СБ ООН, приведя в качестве примера такого содействия помощь в эвакуации беженцев, и сообщил об учреждении в администрации премьер-министра «Штаба по мерам в связи с кризисом в Персидском заливе»[83].

Слова премьер-министра об участии в эвакуации беженцев касались плана отправки для этой цели на Ближний Восток нескольких самолетов Воздушных сил самообороны. Сторонники этой идеи, которая начала обсуждаться в правящей партии и правительстве еще до того, как стало известно о начале активной фазы боевых действий, считали, что, в отличие от отправки в зону конфликта миротворцев, подобная транспортная миссия не потребует даже принятия новых законов или пересмотра существующих, и ссылались на статью 100 закона «О Силах самообороны» и статью 121 относящегося к этому закону указа о вступлении в силу, согласно которым ССЯ могли быть использованы для осуществления транспортных задач «в учебных целях».

Вместе с тем в правительстве и правящей партии далеко не все были уверены в юридической обоснованности и практической возможности такого плана: так, даже представители УНО высказывались в том смысле, что реализация такого предложения, предполагающего отправку войск за рубеж, будет противоречить демократическим нормам после того, как незадолго до этого в парламенте не удалось принять законопроект «О содействии мирным усилиям ООН». Эксперты же МИД и УНО указывали на сложности

[83] Найкаку со:ри дайдзин данва (Выступление премьер-министра [Т. Кайфу]). 17.01.1991 [Электронный ресурс] // Гаймусё:. Гайко: сэйсё. Вага гайко: но кинкё:. 1991 нэнбан (дай 35 го:) [МИД Японии. Синяя книга дипломатии Японии. Нынешнее состояние дипломатии Японии. Вып. 35. 1991. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/1991/h03-shiryou-5.htm#a10 (дата обращения: 25.11.2021).

организационного и технического характера, с которыми может быть сопряжена отправка самолетов ССЯ на Ближний Восток[84].

То, в какой степени вопрос о возможности и конкретных условиях отправки транспортных самолетов ССЯ был предметом острых дискуссий в правящей партии и правительстве, наглядно иллюстрируется следующей ситуацией, о которой сообщала японская печать. Утром 17 января директор УНО Икэда Юкихико заявил на пресс-конференции, что «задействование самолетов ССЯ не является предметом официальных консультаций и обсуждения». Но спустя всего десять минут премьер-министр Т. Кайфу на состоявшейся в его резиденции пресс-конференции утверждал, что самолеты ССЯ могут быть использованы для решения гуманитарных задач. Причем, как сообщалось, непосредственно перед этой пресс-конференцией в резиденцию премьера прибыли все «три партийные должности» ЛДП — генеральный секретарь Одзава Итиро, председатель совета по общим вопросам Нисиока Такэо и председатель Совета по политическим вопросам Като Муцуки. Предположительно, именно под их давлением премьер выразил точку зрения, в корне отличающуюся от той, что только что озвучил член его Кабинета Ю. Икэда[85].

Переход к активной фазе операции против Ирака побудил американскую сторону требовать от Японии и дополнительного финансового вклада. Так, 20–21 января 1991 г. на

[84] Наммин юсо: ни дзиэйтайкиан. Сэйфу, дзимин ни хакэнрон фудзё: (План использования самолетов ССЯ для транспортировки беженцев. В правительстве и ЛДП возникла идея командирования) // Асахи симбун. 17.01.1991, утренний выпуск. С. 1.

[85] Хакэн ан, Одзава си ра сэттоку. Кю:хэн но сюсё:, нао юрэру (Убеждение со стороны г-на Одзава и других привело к резкому изменению позиции премьера относительно плана об отправке ССЯ, премьер все еще продолжает колебаться) // Асахи симбун. 18.01.1991, утренний выпуск. С. 31.

полях состоявшегося в Нью-Йорке саммита «Большой семерки» министры финансов Н. Брейди и Р. Хасимото провели три встречи, во время которых первый просил о выделении еще 9 млрд долл. На этот раз Р. Хасимото согласился практически сразу же, и 21 января 1991 г. премьер-министр Т. Кайфу позвонил президенту Бушу, чтобы сообщить о готовности Японии выделить эту сумму[86].

На состоявшемся 24 января заседании Кабинета министров, на котором присутствовал и генеральный секретарь ЛДП И. Одзава, решение о выделении для помощи многонациональным силам дополнительных 1,18 трлн иен, что на тот момент соответствовало обещанным Р. Хасимото американской стороне 9 млрд долл., было одобрено. В тот же день это решение одобрили штаб ЛДП по мерам в отношении кризиса в Персидском заливе и совет безопасности (в состав последнего входили премьер-министр и ряд ключевых членов его Кабинета). Таким образом, в конечном счете общий объем помощи, обещанной Японией многонациональной коалиции и странам Ближнего Востока, по состоянию на начало 1991 г. составил 13 млрд долл.

При этом, хотя фактически помощь была выделена в ответ на настоятельные просьбы США, представители японского правительства пытались представить ее как собственную инициативу Японии. Именно в таком ключе характеризовал дополнительную помощь генеральный секретарь Кабинета министров М. Сакамото, обещая, что Япония сделает больше, если война затянется[87]. Кроме того, во время слушаний в парламенте 28 января 1991 г. в ответ на вопрос Т. Дои о том, как правительство рассчитало объем дополнительного пакета помощи, Т. Кайфу хотя и говорил,

[86] Сёдзи Т. Хо:ан сакусэй о мэгуру арасои. С. 210.

[87] Purrington C. Tokyo's Policy Responses During the Gulf War. P. 163–164.

что «в США обсуждаются различные цифры относительно расходов» на военную операцию, но при этом отрицал, что американская сторона сообщала о таких оценках своим японским партнерам[88], тем самым, опять-таки, подчеркивая, что решение о выделении дополнительного пакета помощи в объеме 9 млрд долл. было принято Японией самостоятельно. Однако, к примеру, Т. Курияма, занимавший в то время, как уже указывалось выше, пост административного замминистра иностранных дел, в своих воспоминаниях прямо указывает на обратное, подтверждая, что сумма в 9 млрд долл. была определена именно в ходе встречи Р. Хасимото и Н. Брейди[89].

Хотя финансовая помощь и не вызывала серьезных возражений с точки зрения ее соответствия конституционным нормам, правительству также было непросто добиться ее одобрения в условиях «перекрученного парламента». Для того, чтобы обеспечить прохождение через парламент второго дополнительного бюджета на 1990 ф. г., в котором было предусмотрено выделение указанных выше 9 млрд долл., правительству пришлось сделать ряд уступок оппозиции.

Первой уступкой было ограничение возможностей использования этих средств: 29 января 1991 г. правительство официально заявило, что обещанные средства могут использоваться только на «нелетальные цели». Это, как отмечает Т. Курияма, вызвало существенное недовольство

[88] Дай 120 кай коккай. Сю:гиин. Хонкайги. Дай 7 го: (120-я сессия парламента. Палата представителей. Пленарное заседание. Заседание № 7). 28.01.1991 [Электронный ресурс] // Коккай кайгироку кэнсаку сисутэму (Система поиска протоколов заседаний парламента Японии). URL: http://kokkai.ndl.go.jp/SENTAKU/syugiin/120/0001/12001280001007a.html (дата обращения: 24.11.2021).

[89] Курияма Т. Сэнго Нихон гайко:. С. 200.

американской стороны, вынужденной считаться с таким ограничением[90].

Вторая касалась источника этих средств: под давлением Комэйто и ПДС правительство отказалось от первоначального плана временно повысить акцизы на табак, и вместо этого 30 января было объявлено, что будут повышены корпоративные налоги и частично сокращены бюджетные расходы (в том числе и расходы на военные цели).

Наконец, третья уступка предусматривала электоральное сотрудничество ЛДП с Комэйто: генеральный секретарь ЛДП И. Одзава согласился, что ЛДП поддержит Комэйто по вопросу о кандидатуре мэра Токио[91]. Поддержка была оказана Исомура Хисанори, бывшему ведущему телекомпании NHK, и эта сделка вызвала раскол между общенациональной и токийской организациями ЛДП, поскольку последняя поддерживала на выборах действовавшего мэра Судзуки Сюнъити. В апреле 1991 г., уже после окончания кризиса в Персидском заливе, именно С. Судзуки одержал убедительную победу, в результате чего И. Одзава был вынужден взять на себя ответственность за поражение поддержанного им кандидата и уйти в отставку с поста генерального секретаря партии[92].

Несколько забегая вперед, следует отметить, что уже после завершения эпохи «системы 1955 года» И. Одзава и Т. Кайфу снова оказались однопартийцами, на этот раз в рамках образованной в декабре 1994 г. Партии новых рубежей (*Синсинто:*). А потому хотя в период кризиса в Персидском заливе японские СМИ зачастую представляли ситуацию с принятием решений в ЛДП так, что слабый лидер

[90] Там же. С. 201.

[91] Purrington C. Tokyo's Policy Responses During the Gulf War. P. 164–165.

[92] Ibid. P. 311.

Т. Кайфу был под постоянным давлением «ястребов» во главе с генсеком ЛДП И. Одзава, то, даже если допустить, что между двумя политиками в тот период действительно существовали определенные напряженность и недоверие[93], вряд ли следует переоценивать значимость этих разногласий.

Поскольку все эти политические маневры потребовали значительного времени, к тому моменту, как второй дополнительный бюджет на 1990 ф. г. был принят 6 марта 1991 г., активная фаза войны в Персидском заливе уже закончилась. Это еще сильнее подорвало значимость японской помощи в глазах международного сообщества. Более того, из-за колебаний валютных курсов долларовый объем обещанных Японией 1,18 трлн иен снизился до 8,6 млрд долл., притом что США потребовали, чтобы Япония выплатила именно ту сумму дополнительной помощи, которая была обещана изначально — 9 млрд долл. И даже хотя Т. Кайфу первоначально ответил, что это невозможно из-за внутриполитических сложностей, впоследствии Япония все равно выделила дополнительные 500 млн долл. на «послевоенные расходы»[94].

Что касается отправки персонала в зону конфликта и, конкретно, плана отправки самолетов ССЯ для эвакуации беженцев, то здесь ситуация во многом повторяла то, что произошло ранее с законопроектом «О содействии мирным усилиям ООН». Как и не принятый за несколько месяцев до этого законопроект, предложение правительства стало мишенью ожесточенной критики со стороны парламентской оппозиции: так, на заседании парламента 18 января 1991 г. председатель СПЯ Т. Дои назвала это предложение «попыткой, воспользовавшись суматохой, продавить отправку

[93] Орита М. Ванган сэнсо:. С. 131.

[94] Purrington C. Tokyo's Policy Responses During the Gulf War. P. 165.

войск за рубеж». Против также выступили Комэйто и КПЯ, и лишь председатель ПДС К. Оути высказал осторожную поддержку этому предложению[95]. Раскритиковали эту идею и некоторые члены правящей партии: так, план отправки самолетов ССЯ не поддержал Миядзава Киити, лидер одной из фракций[96].

При этом общественное мнение было негативно настроено даже к планам выделения дополнительных 9 млрд долл., не говоря уже о предложении отправки самолетов ССЯ. Согласно проведенному 2–3 февраля 1991 г. опросу, 39% японцев одобрили первую меру (против выступили 44%, при этом еще бóльший процент, 51%, выступили против повышения налогов для финансирования этого пакета помощи) и лишь 33% — вторую (против были 55%)[97].

В результате даже хотя правительство действительно издало указ, дающий возможность использования самолетов ССЯ для транспортировки беженцев, конкретных действий для его выполнения предпринято не было. Как объяснял сам премьер Кайфу во время слушаний в бюджетной комиссии палаты представителей 6 февраля 1991 г., отправка самолетов ССЯ будет осуществляться, только если Япония получит соответствующий запрос от Международной организации по миграции[98]. И то, что такого запроса не посту-

[95] Дай 120 кай коккай. Сю:гиин. Хонкайги. Дай 5 го: (120-я сессия парламента. Палата представителей. Пленарное заседание. Заседание № 5). 18.01.1991 [Электронный ресурс] // Коккай кайгироку кэнсаку сисутэму (Система поиска протоколов заседаний Парламента Японии). URL: http://kokkai.ndl.go.jp/SENTAKU/syugiin/120/0001/12001180001005a.html (дата обращения: 25.11.2021).

[96] Purrington C. Tokyo's Policy Responses During the Gulf War. P. 166.

[97] Дзиэйтайки хакэн 55% га хантай (55% против отправки самолетов ССЯ) // Асахи симбун. 05.02.1991, утренний выпуск. С. 1.

[98] Дай 120 кай коккай. Сю:гиин. Ёсан иинкай. Дай 7 го: (120-я сессия парламента. Палата представителей. Бюджетная комиссия. Заседание № 7). 06.02.1991 [Электронный ресурс] // Коккай кайгироку кэнсаку сисутэму (Система поиска протоколов заседаний парламента Японии). URL: http://kokkai.

пило, стало удобным способом, чтобы избежать реализации непопулярного плана[99].

В конечном счете Япония смогла внести свой «человеческий вклад» лишь после того, как 28 февраля 1991 г. было объявлено о прекращении огня и активная фаза конфликта в Персидском заливе прекратилась. Сделано это было в форме отправки кораблей-минных тральщиков Морских сил самообороны для очистки акватории Персидского залива от мин. Соответствующее предложение было озвучено МИД Японии 13 марта 1991 г. с той мотивировкой, что после прекращения боевых действий больше нет риска вовлечения Японии в войну, а потому подобная операция, пускай она и осуществлялась бы Силами самообороны, не вызывала бы никаких возражений с точки зрения конституционных ограничений[100]. Подчеркивалось, что это необходимо, поскольку оказание Японией лишь финансовой помощи не было высоко оценено другими странами, а также что через акваторию Персидского залива проходит большое количество японских танкеров, и поэтому отправка туда кораблей ССЯ необходима для обеспечения безопасности японского же судоходства[101].

В сложившейся политической ситуации, и особенно после того, как две предыдущие попытки «человеческого вклада» завершились ничем, ЛДП была вынуждена искать поддержки оппозиции и на этот раз. Для чего в тот

ndl.go.jp/SENTAKU/syugiin/120/0380/12002060380007a.html (дата обращения: 25.11.2021).

[99] Purrington C. Tokyo's Policy Responses During the Gulf War. P. 166.

[100] Со:кайтэй хакэн сэйфу, дзимин най дэ фудзё: (В правительстве и ЛДП возникла идея отправки минных тральщиков) // Асахи симбун. 14.03.1991, утренний выпуск. С. 1.

[101] Накамура Т. Масумэдиа. С. 211.

же день, когда идея отправки тральщиков была обнародована, 13 марта 1991 г., председатель партийного Совета по политическим вопросам Като Муцуки встретился с представителями СПЯ, Комэйто и ПДС, чтобы убедить их поддержать это предложение. В качестве одного из аргументов в пользу необходимости такого шага он приводил и давление, которое на Японию оказывает Вашингтон[102]. Следует, впрочем, подчеркнуть, что в данной ситуации требования США к Японии вряд ли можно считать чрезмерными: еще в августе 1990 г. президент Буш в телефонном разговоре с Т. Кайфу призвал японскую сторону отправить корабли-тральщики в зону конфликта, и тогда японский лидер отказался, сославшись на опасность вовлечения в боевые действия[103]. А потому неспособность японского правительства реализовать этот шаг после того, как военные действия закончились, с точки зрения Вашингтона, и в самом деле выглядела бы как явное нежелание выполнять свой долг перед международным сообществом.

Учитывая то, что для отправки кораблей ССЯ в мирное время не требовалось одобрения парламента, непреодолимых внутриполитических сложностей на этот раз не возникло: 24 апреля 1991 г. на заседании совета безопасности и внеочередном заседании Кабинета министров решение об отправке японских тральщиков было принято. В правительственном заявлении отмечалось, что это решение основано на статье 99 закона «О силах самообороны», в которой прямо прописывалось, что ликвидация морских мин является одной из задач ВМС ССЯ, и подчеркивалось, что по-

[102] «Бэй га ё:сэй» то Като: си (Г-н Като говорит о «требованиях США») // Асахи симбун. 14.03.1991, утренний выпуск. С. 2.

[103] Накамура Т. Масумэдиа. С. 211.

добные операции не являются «отправкой войск за рубеж» (*кайгай хахэй*) и «применением силы»[104].

Впрочем, нельзя было и сказать, что этот план не вызывал совсем никаких возражений. Как и в случае с законопроектом «О содействии мирным усилиям ООН» и с предложением отправить самолеты ССЯ для эвакуации беженцев, идея отправки в Персидский залив минных тральщиков снова спровоцировала критику со стороны значительной части парламентской оппозиции (опять-таки, за исключением ПДС), обвинявшей правительство в злоупотреблении своими полномочиями. Так, например, представитель Комэйто Инокума Дзюдзи на пленарном заседании нижней палаты 24 апреля 1991 г. настаивал, что в статье 99 закона «О силах самообороны», на которую ссылалось правительство, говорится лишь о ликвидации морских мин в территориальных водах Японии[105].

Но поскольку к тому моменту решение о выделении дополнительной финансовой помощи уже было принято, а отправка кораблей ССЯ, во всяком случае, с точки зрения правящей партии, могла быть осуществлена без санкции парламента, существенных рычагов давления на правительство у оппозиции не оставалось. Тем не менее в ответ на настоятельные требования гарантий того, что эта операция не откроет путь к будущим боевым операциям ССЯ за рубежом, министр иностранных дел Накаяма во время слушаний в комиссии по международным делам палаты представителей был вынужден пообещать, что в будущем подобные

[104] Дзиэйтай хацу но кайгай хакэн (Первое командирование ССЯ за рубеж) // Асахи симбун. 25.04.1991, утренний выпуск. С. 1.

[105] Дай 120 кай коккай. Сангиин. Хонкайги. Дай 21 го: (120-я сессия парламента. Палата советников. Пленарное заседание. Заседание № 21). 24.04.1991 [Электронный ресурс] // Коккай кайгироку кэнсаку сисутэму (Система поиска протоколов заседаний парламента Японии). URL: http://kokkai.ndl.go.jp/SENTAKU/sangiin/120/0010/12004240010021a.html (дата обращения: 26.11.2021).

решения будут каждый раз приниматься в индивидуальном порядке и только при выполнении ряда условий, таких как отсутствие в регионе активных боевых действий, безопасность обстановки для командируемых судов и согласие со стороны региональных государств[106].

Существенным подспорьем для японского руководства стало и то, что предлагаемая мера на этот раз была в целом поддержана общественным мнением: согласно проведенному 21–22 апреля 1991 г. газетой «Асахи симбун» опросу, 56% респондентов одобрили отправку тральщиков и лишь 30% выступили против[107]. Кроме того, «за» высказались и несколько видных представителей делового сообщества, среди которых были и председатель Кэйданрэн (Федерации экономических организаций Японии) Хираива Гайси, и председатель Никкэйрэн (Федерации предпринимательских организаций Японии) Судзуки Эйдзи. Японский бизнес беспокоила не только безопасность морских путей как таковая, но и то, что отсутствие конкретных действий со стороны Японии могло бы подорвать ее имидж в глазах стран Ближнего Востока и, соответственно, негативно сказаться на перспективах экономических связей Японии с этим регионом.

Наконец, 26 апреля 1991 г. шесть кораблей Морских СС Я (в том числе четыре минных тральщика), на борту которых было около 500 японских военнослужащих, отбыли

[106] Дай 120 кай коккай. Сю:гиин. Гайму иинкай. Дай 12 го: (120-я сессия парламента. Палата представителей. Комиссия по иностранным делам. Заседание № 12). 25.04.1991 [Электронный ресурс] // Коккай кайгироку кэнсаку сисутэму (Система поиска протоколов заседаний парламента Японии). URL: http://kokkai.ndl.go.jp/SENTAKU/syugiin/120/0110/12004250110012a.html (дата обращения: 26.11.2021).

[107] Со:кайтэй хакэн. Сампи ни дандзёса кивадацу (Отправка минных тральщиков. Обращает на себя внимание разница в отношении между мужчинами и женщинами) // Асахи симбун. 24.04.1991, утренний выпуск. С. 3.

из порта Йокосука и спустя месяц присоединились к кораблям еще восьми стран, занимавшихся очисткой акватории Персидского залива от мин.[108] Тем самым долгожданный символический «человеческий вклад» Японии в решение кризиса в Персидском заливе был обеспечен, пусть и после завершения активной фазы этого конфликта.

3.3. Выводы

Несмотря на неудачу и законопроекта «О содействии мирным усилиям ООН», и плана отправки самолетов ССЯ для эвакуации беженцев во время операции «Буря в пустыне», кризис в Персидском заливе стал, как уже было отмечено, важным этапом на пути к активизации роли Японии на международной арене. Принятый японским парламентом 15 июня 1992 г., в период, когда премьерское кресло занимал преемник Т. Кайфу Миядзава Киити (оказавшийся, к слову, последним премьер-министром эпохи «системы 1955 года»), закон «О сотрудничестве в операциях ООН» во многом брал за основу именно не принятый в 1990 году законопроект «О содействии мирным усилиям ООН»[109].

Более того, то, что кризис в Персидском заливе со всей очевидностью показал неадекватность системы кризисного реагирования Японии, стало одной из важных мотиваций к проведению административной реформы в 1990-х годах. Оказалась эта ситуация и стимулом для дискуссий о пересмотре конституции, остававшихся на периферии японской политики на протяжении нескольких десятилетий, с тех пор, как ситуация вокруг подписания и ратификации Договора безопасности 1960 г. побудила подавляющую часть

[108] Purrington C. Tokyo's Policy Responses During the Gulf War. P. 171–172.

[109] Накамура Т. Масумэдиа. С. 200.

японских консерваторов перенести основной акцент политической повестки с проблем перевооружения на проблемы экономического роста и внутреннего развития[110].

С точки зрения вопросов, ставящихся в настоящей работе, вполне можно заключить, что «поражение» Японии (а такая оценка представляется вполне обоснованной, учитывая, что оказанная Токио помощь действительно не была оценена должным образом, а свой символический «человеческий вклад» Япония смогла внести, лишь когда война уже закончилась) оказалось прямым следствием специфики внешнеполитического процесса, во многом сходной с той, какая характеризовала процесс принятия внешнеполитических решений и в случае с подготовкой Договора безопасности в конце 1950-х годов, и в ситуации «шока Никсона» в начале 1970-х годов.

Конечно, у внешнеполитического процесса образца начала 1990-х годов были и существенные отличия от тех ситуаций, что рассматривались в первой и второй главах. Отличия эти были связаны прежде всего с изменившимся раскладом политических сил на последнем этапе существования «системы 1955 года»: ЛДП, потеряв контроль над палатой советников, была вынуждена считаться с оппозицией и уже не могла «продавливать» решения через парламент так, как это было возможно ранее. Более того, изменения во фракционной структуре привели к тому, что если раньше премьер-министр был пусть и не абсолютным лидером, но, во всяком случае, представителем одной из крупных фракций, а потому «первым среди равных» в правящей партии, то теперь глава правительства, не обладающий существенной фракционной поддержкой, оказался еще более зависим

[110] Yamaguchi J. The Gulf War and the Transformation of Japanese Constitutional Politics. P. 159.

от партийного руководства. В рассмотренных событиях это неоднократно проявлялось, когда «три партийных должности» ЛДП, и прежде всего представитель «ястребов» И. Одзава, могли фактически навязывать свои решения и премьеру Т. Кайфу, и правительству в целом.

Тем не менее острые разногласия внутри правящей партии оставались обычным делом, а спешка, в которой приходилось принимать соответствующие решения, усугубляла ситуацию еще больше, и в этом смысле реакция Японии на кризис в Персидском заливе была похожа на рассмотренную в предыдущей главе ситуацию с нормализацией японо-китайских отношений. В результате по такому принципиальному вопросу, как поддержка законопроекта «О содействии мирным усилиям ООН», правительству не удалось не только убедить оппозицию (что, с учетом контроля ею верхней палаты, уже само по себе делало перспективы принятия этого законопроекта крайне сомнительными), но и к моменту начала обсуждений документа в парламенте добиться однозначного одобрения со стороны значительного числа депутатов, представлявших правящую ЛДП. Для японской политической культуры, в которой на официальных обсуждениях подчас лишь формально утверждаются решения, консенсусное мнение по которым было выработано в ходе предварительных неформальных консультаций-«*нэмаваси*», подобная ситуация была признаком явного кризиса.

К противоречиям в политических кругах добавлялись и противоречия внутри бюрократии — к примеру, между МИД и Министерством финансов по вопросу объемов выделяемой Японией финансовой помощи или между МИД и УНО относительно того, как именно должны набираться миротворцы, которых Япония могла бы отправить на Ближний Восток. То, что взгляды различных политических игроков на одни и те же вопросы зачастую были в принципе

несовместимы (например, в то время как «ястребы» в ЛДП считали, что Японии нужно стремиться к полноценному участию в миротворческих операциях ООН, оппозиция и даже часть правящей партии, напротив, были уверены, что такого участия, которое подразумевало бы отправку ССЯ за рубеж, нужно избегать любой ценой), вело к тому, что формулируемые в итоге компромиссные варианты не устраивали в полной мере ни ту ни другую сторону.

В рассмотренных событиях проявилось и свойственное для японского внешнеполитического планирования внимание к техническим и частным деталям в ущерб общему и стратегическому ви́дению ситуации. Уместной представляется оценка японского политолога Ямагути Дзиро, отмечавшего, что вопрос о «международном вкладе» Японии, по сути, заключался в том, как лучше поступить в ответ на давление со стороны США, а сами дискуссии сводились к проблеме участия или неучастия ССЯ в этом вкладе[111]. При этом предметом обсуждений практически не становилось то, что даже в случае успешной реализации того или иного плана (например, отправки японского миротворческого корпуса, будь он гражданским или набранным из числа военнослужащих, или же командирования нескольких самолетов ССЯ для решения логистических задач)«человеческий вклад» Японии все равно оставался бы чисто символическим и несопоставимым не только с ролью США, но и с тем, что для разрешения кризиса сделали многие другие страны — члены международной коалиции.

При этом и реальная разница между предлагаемыми сторонами вариантами была нередко далеко не такой серьезной, как могло показаться, исходя из риторики поли-

[111] Yamaguchi J. The Gulf War and the Transformation of Japanese Constitutional Politics. P. 169.

тических дебатов. Примером тому может послужить то, что содержание предложенного социалистами проекта организации японских миротворцев как полностью гражданской организации, по сути, повторяло ту позицию, которой и премьер Т. Кайфу, и часть МИД придерживались до того, как давление со стороны руководства ЛДП вынудило их допустить участие в Корпусе по содействию мирным усилиям ООН подразделений ССЯ.

Наконец, такие эпизоды, как готовность оппозиции одобрить выделение дополнительного пакета помощи, но лишь при условии, что ЛДП поддержит их кандидата на пост мэра Токио, снова показывают, что принципиальные внешнеполитические вопросы зачастую оказывались для японских (впрочем, конечно, не только японских) политиков предметом торга и скорее способом укрепления собственных позиций на внутриполитической арене, нежели инструментом достижения стратегических внешнеполитических целей.

Заключение

В основной части настоящего исследования были рассмотрены три конкретных примера внешнеполитического процесса в Японии в периоды, соответственно, начала, середины и конца эпохи «системы 1955 года»: подготовка и ратификация Договора безопасности 1960 г., реакция Японии на «шок Никсона» и последовавшая за этим нормализация японо-китайских отношений, реакция Японии на войну в Персидском заливе. По каждой из этих ситуаций была дана характеристика ее значимости для послевоенной внешней и внутренней политики Японии, показан политический контекст, определявший условия, в которых принимались соответствующие решения, проанализированы ход внешнеполитического процесса, роль в нем различных акторов и взаимодействие их друг с другом, а также влиявшие на этот процесс внешние и внутренние факторы.

Каждая из этих ситуаций имела собственную специфику, связанную как с текущей конфигурацией сил на внутриполитической арене, так и с тем, какой именно вопрос стоял в центре внимания японской внешней политики в том или ином случае. Но в то же самое время изучение внешнеполитического процесса в каждом из этих примеров позволяет сделать и ряд выводов, касающихся роли отдельных элементов системы принятия внешнеполитических решений

и общих характеристик этого процесса в период «системы 1955 года»:

1. Ключевым фактором, определявшим ход выработки важных внешнеполитических решений в период «системы 1955 года», была конфигурация сил внутри правящей Либерально-демократической партии прежде всего с точки зрения соотношения сил между различными фракциями. Даже хотя формально главой исполнительной власти был премьер-министр, во всех трех ситуациях наглядно видно, что противодействие внутрипартийных сил серьезно ограничивало его свободу действий: в первом примере именно необходимость заручиться поддержкой фракций привела к тому, что процесс подготовки Договора безопасности занял значительно больше времени, чем планировалось первоначально; во втором — изменение баланса сил в пользу внутрипартийного «пропекинского лобби» повлияло на то, что и у Э. Сато, и у К. Танака фактически не оставалось иного выбора, кроме как добиваться нормализации отношений с КНР; в третьем — слабость внутрипартийных позиций Т. Кайфу предопределила то, что инициатива в принятии конкретных решений зачастую принадлежала не ему, а другим руководителям партии, из которых наиболее заметной фигурой был генеральный секретарь ЛДП И. Одзава, представлявший «суперфракцию», которая на тот момент была доминирующей силой в Либерально-демократической партии.

2. Роль Министерства иностранных дел в решении важных внешнеполитических вопросов была ограниченной и пассивной, чаще всего сводящейся к техническим функциям и проведению в жизнь курса, определенного политическим руководством. Вызвано это было как тем, что министр иностранных дел, являющийся в японской политической системе политическим назначенцем, как правило, лишь реализовывал курс, намеченный премьер-министром,

так и тем, что карьерные сотрудники МИД были вынуждены постоянно оглядываться на позицию политического руководства. Примеры этого имеются во всех трех рассмотренных ситуациях: и в случае с подготовкой Договора безопасности, когда общие положения нового документа и его форма были определены премьер-министром вопреки мнению МИД, и в случае с «шоком Никсона», когда внутренние противоречия во внешнеполитическом ведомстве привели к тому, что оно до последнего отстаивало осторожную позицию по вопросу о нормализации отношений с КНР, и в случае с войной в Персидском заливе, когда инициатива в определении конкретных форм «человеческого вклада» Японии была за партийными лидерами. При этом, конечно, игнорировать роль внешнеполитического ведомства во внешнеполитическом процессе полностью нельзя, и в некоторых случаях ему удавалось отстаивать свои инициативы даже в условиях противодействия других участников внешнеполитического процесса, как это произошло, например, с предложением о выделении большего объема финансовой помощи в ответ на начало кризиса в Персидском заливе, нежели предлагало Министерство финансов. Но гораздо чаще, если речь шла о по-настоящему важных внешнеполитических решениях, МИД вынужден был лишь приспосабливаться к меняющейся политической повестке дня.

3. Заметную роль в принятии внешнеполитических решений в период «системы 1955 года» играли другие министерства и ведомства, помимо МИД: Министерство международной торговли и промышленности, Министерство финансов, Управление национальной обороны. При этом подчас они занимали даже более активную позицию, нежели склонный к осторожным решениям МИД: так, в случае с нормализацией японо-китайских отношений именно Министерство международной торговли и промышленности

было на стороне тех, кто считал необходимым скорейшее налаживание связей с Пекином, поскольку опасалось, что в противном случае Япония может уступить конкурентам свои позиции в экономическом сотрудничестве с Китаем, а во время кризиса в Персидском заливе значительная часть УНО выступала за отправку на Ближний Восток Сил самообороны в качестве японского «человеческого вклада».

4. Оппозиционные партии практически не принимали позитивного участия во внешнеполитическом процессе в период «системы 1955 года», даже когда обладали существенным представительством в парламенте. В условиях доминирования ЛДП в обеих палатах парламента самое большее, на что могла надеяться оппозиция, — это использование методов процедурного противодействия правящей партии, а также участие в движениях общественного протеста вне стен парламента, примером чему может послужить тактика оппозиции во время «борьбы против Договора безопасности», причем даже в этих протестных движениях парламентская оппозиция вовсе не обязательно была ведущей силой. Аналогичным образом и в случае с нормализацией японо-китайских отношений ведущую роль в налаживании связей с КНР играли не левые оппозиционные партии, а члены «пропекинского лобби» в правящей ЛДП. Представители оппозиции смогли принять лишь ограниченное участие в развитии связей Токио и Пекина — при организации торговли через систему «дружественных фирм», а также в качестве посредников, примером чего можно назвать миссии в Китай Р. Минобэ и Ё. Такэири. Что же касается событий, рассмотренных в третьей главе, разворачивавшихся, когда ЛДП уже потеряла контроль над верхней палатой, но еще сохраняла большинство в нижней, то хотя действительно оппозиционные партии смогли использовать это свое преимущество, чтобы сорвать реализа-

цию инициатив правительства и в случае с законопроектом «О содействии мирным усилиям ООН», и, в определенной степени, в случае с планом отправки на Ближний Восток транспортных самолетов Воздушных сил самообороны, но содержательного участия в обсуждении тех или иных внешнеполитических мер оппозиционные партии по-прежнему чаще всего не принимали, ограничиваясь критикой позиции правительства.

5. Сдерживающим фактором, определяющим рамки возможных для политических лидеров внешнеполитических решений, выступало общественное мнение — и в форме рейтингов поддержки правительства или отдельно взятых его инициатив, и в виде общего настроя средств массовой информации, и (в случае особенно острых вопросов) в форме движений общественного протеста. В первом примере именно накал «борьбы против Договора безопасности» привел к политическому кризису, ставшему причиной отставки Кабинета Н. Киси. Во втором — заинтересованность японского общества в налаживании связей с Китаем, особенно после «шока Никсона» и принятия КНР в ООН, побудила Э. Сато и К. Танака стремиться к нормализации отношений с Пекином. В третьем — пацифистские настроения общества в совокупности с сопротивлением оппозиции не позволили правительству ни принять законопроект «О содействии мирным усилиям ООН», ни отправить самолеты ССЯ для эвакуации беженцев, и, наоборот, именно одобрение общественного мнения сделало возможным «человеческий вклад» Японии в форме отправки кораблей-тральщиков в Персидский залив, пусть и после завершения боевых действий.

Кроме того, отдельным и существенным фактором в рамках общественного мнения была и роль делового сообщества, отстаивавшего собственные экономические интересы,

а потому подчас лоббировавшего выгодные для себя внешнеполитические решения. Так, именно японский бизнес активно выступал (в том числе посредством связанного с ним «пропекинского лобби» в правящей партии) за развитие связей с КНР, и именно деловые организации после завершения войны в Персидском заливе, опасаясь за экономические позиции Японии в регионе Ближнего Востока, стали одной из сил, поддерживающих хотя бы символический «человеческий вклад» Японии.

Все это свидетельствует в пользу того, что, даже несмотря на продолжавшееся почти четыре десятилетия правление ЛДП, общественное мнение могло влиять на процесс принятия решений не в меньшей мере, чем это было в других демократических странах. Однако, в отличие от последних, «передаточным механизмом», обеспечивающим это влияние, выступала не столько конкуренция между партиями (в условиях господства ЛДП роль оппозиционных партий, как было отмечено выше, была очень ограниченной), сколько борьба между фракциями и иными группировками (например, «пропекинским» и «протайваньским» лобби) внутри правящей партии.

6. Специфика внешнеполитического процесса в Японии давала рычаги влияния на него и внешним акторам, причем это могли быть не только Соединенные Штаты, главный внешнеполитический партнер Токио (давление со стороны Вашингтона особенно ярко проявилось в период войны в Персидском заливе), но и другие страны, как, например, Китай: Пекин умело использовал стремление японского общества к нормализации японо-китайских отношений, чтобы, с одной стороны, не позволить добиться этой цели Э. Сато, которого в Пекине считали недружественно настроенным к КНР политиком, а с другой — чтобы помочь прийти к власти К. Танака, который, по мнению китайских

властей, был бы готов пойти на нормализацию отношений на выгодных для Пекина условиях.

7. Децентрализованность внешнеполитического процесса означала, что вопросы внешней политики подчас играли для его участников вторичную роль по отношению к их собственным внутриполитическим целям, а итоговые решения нередко оказывались половинчатыми и субоптимальными. Примеры этому имеются во всех рассмотренных ситуациях. При согласовании японской позиции относительно положений Договора безопасности 1960 года лидеры фракций ЛДП продолжали выдвигать частные и технические замечания, хотя в итоге после долгого политического торга и согласились с предложениями министра иностранных дел («планом Фудзияма»), которые были сформулированы с самого начала. После «шока Никсона» представители «пропекинского лобби», в значительном своем числе относившиеся к «антиосновному течению» (т. е. внутрипартийной оппозиции), не были готовы оказывать полную поддержку в нормализации отношений с Китаем премьер-министру Э. Сато. А то, что К. Танака был вынужден спешить с нормализацией, будучи подстегиваемым прокитайскими настроениями и в общественном мнении, и в правящей партии, привело к тому, что нормализация была осуществлена, по сути, с уступками Пекину. Наконец, обсуждение вариантов вклада Японии в решение кризиса в Персидском заливе продемонстрировало, что в центре внимания политиков были сугубо частные вопросы, притом что реальная эффективность предлагаемых проектов с точки зрения цели разрешения конфликта практически не становилась темой дискуссии. В результате во время самого кризиса Япония так и не смогла внести хотя бы символический «человеческий вклад», что нанесло существенный урон ее международному авторитету.

Конечно, нельзя не признать, что, как и любое другое исследование, настоящая работа, ее теоретико-методологические основания и выводы могут быть подвергнуты критике. Сам по себе выбор в качестве рассматриваемых примеров рубежных и критически важных для послевоенной японской внешней политики событий ведет к тому, что выводы работы относятся главным образом к тому, как японский внешнеполитический процесс функционировал именно в таких неординарных и даже кризисных ситуациях. Признавая и справедливость такого замечания, и тот факт, что в случае более рутинных и повседневных решений внешнеполитический процесс, конечно, функционирует иначе (в частности, гораздо большую роль в нем играет отвечающее за такую рутинную работу Министерство иностранных дел), следует, однако, отметить, что и с точки зрения научной ценности исследования, и с точки зрения потенциальной практической применимости его выводов приоритетной задачей является все же объяснение процесса принятия решений в подобные поворотные моменты истории.

Теоретико-методологические основания работы, ее цель и задачи накладывают определенные ограничения и на то, обобщения какого уровня могут быть сделаны в результате проведенного анализа. В частности, используемая аналитическая схема позволяет судить о закономерностях поведения отдельных политических игроков в рамках внешнеполитического процесса и о факторах, оказывавших очевидное и непосредственное влияние на этот процесс, в то время как более масштабные феномены и тенденции, касающиеся макроцелей японской внешней политики, а также культурно-цивилизационной специфики Японии, отражавшейся в ее внешнеполитическом курсе, не получают достаточного внимания. Но, как представляется, при выборе из двух зол — либо оставить эти фундаментальные

и, несомненно, важные вопросы за рамками исследования, либо попытаться все же осветить их, ограничившись более или менее голословными умозаключениями — требования научной объективности и обоснованности предписывают выбрать первое.

Еще одна оговорка, без которой нельзя обойтись, касается того, что непосредственное применение выводов работы к анализу внешнеполитического процесса в современной Японии должно осуществляться с осторожностью. Нельзя слепо переносить закономерности, выявленные на примере того периода, на современную ситуацию. В начале XXI века переход к постиндустриальному обществу и цифровой экономике, в свою очередь ведущие к тектоническим переменам во всех сферах человеческой жизни, трансформация ценностей японского общества, его отношения к политике и государству означают, что и внешнеполитический процесс, и политика в целом подчас радикально отличаются от того, в каком виде они существовали в послевоенные десятилетия.

Тем не менее очевидным фактом является весьма существенное сходство политической системы Японии эпохи «системы 1955 года» и Японии начала XXI века, ставшее еще более наглядным после ухода с поста премьер-министра Абэ Синдзо в 2019 г.: в начале 2020-х годов у власти также находится ЛДП, оппозиция снова представлена в основном партиями левой ориентации (если в эпоху «системы 1955 года» это были прежде всего СПЯ и КПЯ, то сейчас самая существенная оппозиционная сила — это леволиберальная Конституционно-демократическая партия Японии — КДП), преемник С. Абэ на посту премьера, Суга Ёсихидэ, продержался на своем посту совсем недолго, всего год, и такая частая смена премьер-министров тоже была обычным делом в эпоху «системы 1955 года», а в избрании

следующего главы правящей партии, Кисида Фумио, ставшего преседателем ЛДП и премьером осенью 2021 г., точно так же, как и в послевоенные десятилетия, решающую роль сыграл баланс сил внутри партии. Характерно, что его главный конкурент в борьбе за пост главы ЛДП, Коно Таро, более популярный среди широких масс избирателей, потерпел поражение именно потому, что оказался менее приемлемой фигурой для партийных боссов.

Итак, если держать в уме все названные выше оговорки, какие уроки с точки зрения понимания процесса принятия решений в японской внешней политике начала XXI века можно извлечь из изучения внешнеполитического процесса в Японии эпохи «системы 1955 года»?

Во-первых, нужно осознавать, что премьер-министр не является полновластным лидером, который может «продавить» любое решение. Этот тезис во многом подтверждается опытом С. Абэ, который, хотя и считался очень сильным лидером по меркам японской политики[1], все же не смог ни добиться пересмотра конституции страны, ни заручиться согласием своих однопартийцев и японского политического мира в целом относительно налаживания отношений с Россией, хотя оба эти направления были среди ключевых пунктов его личной политической программы. Даже решения в сфере активизации японо-американского сотрудничества и японской политики в сфере национальной безопасности в целом во многом имели половинчатый и ограниченный характер[2]. В этой связи приходится признать, что «личная дипломатия» на уровне лидеров стран имеет в случае с Японией ограниченный потенциал.

[1] Более подробно см.: Mulgan A. G. The Abe Administration and the Rise of the Prime Ministerial Executive. L.: Routledge, 2019. 122 p.

[2] Нелидов В. В. Военная политика Японии на современном этапе: мотивация, задачи, перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 4. С. 95.

Во-вторых, анализ перспектив японского внешнеполитического курса вообще должен исходить из того, что в выработке каждого значимого решения «решающий голос» подчас имеют не только премьер-министр и — в меньшей степени — МИД страны, но и многие другие министерства и ведомства, чья компетенция так или иначе затрагивает это решение. Именно поэтому японская внешняя политика может показаться столь «инерционной» и неповоротливой, лишенной динамизма, но при этом и опрометчивости, которая может быть свойственна государствам с более централизованной моделью выработки внешнеполитических решений.

В-третьих, и во многом это является развитием предыдущего пункта, широкий круг акторов, участвующих во внешнеполитическом процессе, означает, что внешнеполитический курс японского государства оказывается, как правило, прагматическим и деидеологизированным. Даже в рамках правящей ЛДП отсутствует однозначная «генеральная линия партии», которой придерживались бы все представители партийной элиты. Влияние же на внешнеполитический процесс многих других сил, включая и общественные организации, и общественное мнение в целом, еще сильнее лишает внешнеполитический курс какой-либо однозначной идеологической компоненты, если не считать положений, которые, по сути, стали предметом общенационального консенсуса — таковым, например, в начале XXI века является представление о важности и необходимости для Японии сохранения военно-политического союза с США, а также восприятие КНДР и КНР как наиболее серьезных потенциальных угроз национальной безопасности Японии.

Это означает, что задача, встающая перед аналитиком, пытающимся предсказать будущий внешнеполитический курс Японии в целом или ее поведение в каких-либо кон-

кретных ситуациях в частности, одновременно и сложна, и достаточно проста. Она сложна в том смысле, что ему недостаточно оценить политические предпочтения нынешнего премьер-министра и его ближайшего окружения — необходимо также понимать, какую позицию по этому вопросу занимают ключевые силы внутри правящей ЛДП, другие политические партии, а также японское общество в различных его ипостасях в целом; придется оценить и то, насколько правящая верхушка готова и способна «продавливать» свои решения и свое ви́дение ситуации. Но она и проста, поскольку можно быть достаточно уверенным, что сложность и многоступенчатость внешнеполитического процесса скорее всего (но не гарантированно!) будут означать, что решение, которое будет принято и воплощено в жизнь в итоге, окажется компромиссным и в целом «нейтральным» вариантом.

Как бы то ни было, изучение внешнеполитического процесса Японии, роли в нем различных политических игроков и сил является важной практической задачей, необходимой для адекватной оценки перспектив японской дипломатии вообще и российско-японских отношений в частности. В настоящей работе была предпринята попытка проанализировать несколько примеров этого внешнеполитического процесса, но исследование других конкретных ситуаций, а также дальнейшее теоретическое осмысление полученных результатов — задача для будущих исследований.

Библиография

Источники

На европейских языках

Nixon R. Asia after Viet Nam // Foreign Affairs. 1967. Vol. 46. No. 1. P. 111–125.

President Nixon's Statement. 15 July 1971 // Survival. 1971. Vol. 13. Is. 9. P. 292.

Yoshida S. Yoshida's Letter to Dulles // Far Eastern Survey. 1952. Vol. 21. No. 4. P. 38–39.

Yoshida S. The Yoshida Memoirs. The Story of Japan in Crisis. London: Heinemann, 1961. 302 p.

На восточных языках

Ёсида С. Син ампо дзё:яку тё:ин ни омоу (Мысли о подписании нового Договора безопасности) // Нихон кэйдзай симбун. 20.01.1960. С. 1.

Киси Н. Киси Нобусукэ кайкороку: хосю го:до: то ампо кайтэй (Воспоминания Киси Нобусукэ: объединение консервативных сил и пересмотр Договора безопасности). Токио: Косайдо сюппан, 1983. 643 с.

Кокурэн хэйва кё:рёку хо:ан (Законопроект «О содействии мирным усилиям ООН») // Ванган сэнсо: то Нихон: товарэру кики канри (Война в Персидском заливе и Япония: кризисное управление под вопросом). Токио: Асахи симбунся, 1991. С. 213–223.

Коно И. Ко:но Итиро: Дзидэн (Автобиография Коно Итиро). Токио: Токума сётэн, 1965. 269 с.

Курияма Т. Сэнго Нихон гайко: кисэки то кадай (Послевоенная японская дипломатия: траектория и проблемы). Токио: Иванами сётэн, 2016. 271 с.

Кусуда М. Сюсэки хисёкан. Сато: со:ри то но дзю:нэнкан (Главный секретарь. Десять лет с премьером Сато). Токио: Бунгэйсюндзю, 1975. 220 с.

Орита М. Ванган сэнсо:, Футэмма мондай, Ираку сэнсо:: Гайко: сё:гэнроку (Война в Персидском заливе, проблема Футэмма, война в Ираке: дипломатические воспоминания). Токио: Иванами сётэн, 2013. 272 с.

Тамба М. Вага гайко: дзинсэй (Моя дипломатическая жизнь). Токио: Тюокоронся, 2011. 196 с.

Фудзияма А. Сэйдзи вага мити. Фудзияма Айитиро: кайсо:року. (Мой путь в политике. Мемуары Фудзияма Айитиро). Токио: Асахи симбунся, 1976. 315 с.

Литература

На русском языке

Алексеева Т. А., Казанцев А. А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2012. 223 с.

Арутюнян Е. В. Политика Японии в регионе Персидского

Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б. История Японии. XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. 528 с.

Нелидов В. В. Полвека японо-американскому Договору безопасности: некоторые итоги и перспективы // Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политические, экономические и социально-культурные аспекты. М.: Восточная литература, 2009. С. 72–91.

Нелидов В. В. Военная политика Японии на современном этапе: мотивация, задачи, перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 4. С. 88–96.

Павленко П. А. Либерально-демократическая партия в политической системе современной Японии (1955–2001). М.: АИРО-XXI; Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006. 268 с.

Панов А. Н. Японская дипломатическая служба. М.: Международные отношения, 1988. 184 с.

Панов А. Н. Дипломатическая служба Японии и эволюция японо-советских и японо-российских отношений в послевоенный период (1945–1995 гг.): учеб. пособие. М.: МГИМО, 1994. 94 с.

Пашковский П. И., Крыжко Е. В. Особенности внешнеполитического механизма Индии // Теории и проблемы политических исследований. 2017. № 2А. С. 248–262.

Петров Д. В. Япония в мировой политике. М.: Международные отношения, 1973. 296 с.

Политическая система современной Японии: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2013. 384 с.

Российско-японские отношения в формате параллельной истории: коллективная монография / под общ. ред. акад. А. В. Торкунова и проф. М. Иокибэ. М.: МГИМО-Университет, 2015. 1024 с.

Стрельцов Д. В. Современный японский парламент. М.: Наука: Восточная литература, 1994. 199 с.

Стрельцов Д. В. Система государственного управления Японии в послевоенный период. М.: МАКС Пресс, 2002. 304 с.

Стрельцов Д. В. Внешнеполитический процесс в современной Японии // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1(10). С. 245–256.

Стрельцов Д. В., Колдунова Е. В. Внешнеполитический процесс на Востоке: некоторые подходы к методологии исследования // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1(10). С. 145–152.

Стрельцов Д. В. Система доминантной партии в Японии: некоторые уроки исторического опыта // Японские исследования. 2016. № 3. С. 70–85.

Стрельцов Д. В. Партийная система современной Японии: от господства ЛДП до реальной многопартийности // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 3. С. 120–136.

Стрельцов Д. В. Политическая коррупция в Японии в период «системы 1955 года» // Японские исследования. 2018. № 4. С. 44–59.

Стрельцов Д. В. «Система 1955 года»: внешняя и внутренняя политика Японии эпохи холодной войны. М.: ИВЛ, 2019. 239 с.

Того К. 50 лет японской дипломатии (1945–1995 гг.). М.: МФТИ, 1996. 175 с.

Чугров С. В. Социокультурное пространство и внешняя политика современной Японии. М.: ИМЭМО РАН, 2007. 252 с.

Япония без предвзятостей / отв. ред. В. Б. Рамзес. М.: Издательство «Япония сегодня», 2003. 315 с.

Япония: полвека обновления / отв. ред. В. Б. Рамзес. М.: ТОЛК, 1995. 575 с.

На европейских языках

Aruga T. The Problem of Security Treaty Revision in Japan's Relations with the United States: 1951–1960 // Hitotsubashi Journal of Law and Politics. 1985. № 13(02). P. 31–60.

Baerwald H. H. Japan's Parliament. An Introduction. L., New York: Cambridge University Press, 1974. 155 p.

Berton P. The Chinese and Japanese communist parties: three decades of discord and reconciliation, 1966–1998 // Communist and Post-Communist Studies. 2004. Vol. 37. P. 361–372.

Bouissou J. — M. Party factions and the politics of coalition: Japanese politics under the "system of 1955" // Electoral Studies. 2001. Vol. 20, No. 4. P. 581–602.

Calder K. E. Japanese Foreign Economic Policy Formation: Explaining the Reactive State // World Politics. 1988. Vol. 40, No. 4. P. 517–541.

Campbell J. C., Scheiner E. Fragmentation and Power: Reconceptualizing Policy Making under Japan's 1955 System // Japanese Journal of Political Science. 2008. Vol. 9, Is. 1. P. 89–113.

Cheng J. Y. China's Japan Policy: Adjusting to New Challenges. New Jersey: World Scientific, 2014. 484 p.

Curtis G. L. The Logic of Japanese Politics. Leaders, Institutions, and the Limits of Change. New York: Columbia University Press, 1999. 303 p.

Drifte R. Japan's Foreign Policy. New York: Council on Foreign Relations Press, 1990. 112 p.

Eldridge R. D. The revision of the US-Japan security treaty and Okinawa: Factional and domestic political constraints on Japanese diplomacy in the 1950s // Japanese Diplomacy in the 1950s: From Isolation to Integration. London; New York: Routledge, 2008. P. 164–180.

Farnsworth L. W. Japan: The Year of the Shock // Asian Survey. 1972. Vol. 12, No. 1, A Survey of Asia in 1971: Part I. P. 46–55.

Fukui H. Party in power. The Japanese liberal-democrats and policy-making. Berkeley: University of California Press, 1970. 301 p.
Fukui H. Economic Planning in Postwar Japan: A Case Study in Policy Making // Asian Survey. 1972. Vol. 12, No. 4. P. 327–348.
Fukui H. Too Many Captains in Japan's Internationalization: Travails at the Foreign Ministry // The Journal of Japanese Studies. 1987. Vol. 13, No. 2. P. 359–381.
Hagan J. D. et al. Foreign Policy by Coalition: Deadlock, Compromise, and Anarchy // International Studies Review. 2001. Vol. 3, No. 2. P. 169–216.
Hellmann D. C. Japanese Foreign Policy and Domestic Politics. The Peace Agreement with the Soviet Union. Berkeley: University of California Press, 1969. 202 p.
Hoey F. Sato, America and the Cold War: US-Japanese relations, 1964–72. New York: Palgrave Macmillan, 2015. 245 p.
Hook G. D. et al. Japan's International Relations. 3rd edition. New York: Routledge, 2012. 587 p.
Hosoya C. Characteristics of the Foreign Policy Decision-Making System in Japan // World Politics. 1974. Vol. 26, Is. 3. P. 353–369.
Inoguchi T. Japan's Response to the Gulf Crisis: An Analytic Overview // The Journal of Japanese Studies. 1991. Vol. 17, No. 2. P. 257–273.
Inoguchi T. The Nature and Functioning of Japanese Politics // Government and Opposition. 1991. Vol. 26, Is. 2. P. 185–198.
Inoguchi T. Japan's Foreign Policy in an Era of Global Change. New York: St. Martin's Press, 1993. 210 p.
Ito K. The Japanese State of Mind: Deliberations on the Gulf Crisis // The Journal of Japanese Studies. 1991. Vol. 17, No. 2. P. 275–290.
Johnson C. The Patterns of Japanese Relations with China, 1952–1982 // Pacific Affairs. 1986. Vol. 59, No. 3. P. 402–428.
Kesavan K. V. Japan's Response to the Swing in US-Soviet Relations // International Studies. 1974. Vol. 13, Is. 4. P. 677–686.

Kohno M. Japan's Postwar Party Politics. Princeton: Princeton University Press, 1997. 172 p.
Lee C. Factional Politics in the Japan Socialist Party: The Chinese Cultural Revolution Case // Asian Survey. 1970. Vol. 10, No. 3. P. 230–243.
Masumi J. The 1955 System in Japan and Its Subsequent Development // Asian Survey. 1988. Vol. 28, No. 3. P. 286–306.
Mendel D. H. Sino-Japanese Relations in Crisis // China Report. 1972. Vol. 8, Is. 4. P. 18–27.
Miller J. M. Cold War Democracy. The United States and Japan. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2019. 358 p.
Minor M. Decision Models and Japanese Foreign Policy Decision Making // Asian Survey. 1985. Vol. 25, No. 12. P. 1229–1241.
Mulgan A. G. Japan's Political Leadership Deficit // Australian Journal of Political Science. 2000. Vol. 35, No. 2. P. 183–202.
Mulgan A. G. The Abe Administration and the Rise of the Prime Ministerial Executive. L.: Routledge, 2019. 122 p.
Nobayashi T. Prime Minister, Bureaucracy and Ruling Party: Leadership Characteristics in Japan's Foreign Policy Decision-Making // The Doshisha Law Review. 1979. Vol. 30, Is. 5. P. 1–32.
Ogata S. Japanese Attitude toward China // Asian Survey. 1965. Vol. 5, No. 8. P. 389–398.
Ogata S. Normalization with China. A Comparative Study of U.S. and Japanese Processes. Berkeley: Institute of East Asian Studies, University of California, 1988. 113 p.
Packard G. R. Protest in Tokyo: The Security Treaty Crisis of 1960. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1978. 423 p.
Pempel T. J. Japanese foreign economic policy: the domestic bases for international behavior // International Organization. 1977. Vol. 31, Is. 04. P. 723–774.
Policymaking in Contemporary Japan / ed. by T. J. Pempel. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1977. 345 p.
Potter W. C. Issue area and foreign policy analysis // International Organization. 1980. Vol. 34, Is. 3. P. 405–427.

Pugliese G. Kantei diplomacy? Japan's hybrid leadership in foreign and security policy // The Pacific Review. 2017. Vol. 30, Is. 2. P. 152–168.

Purrington C. Tokyo's Policy Responses during the Gulf Crisis // Asian Survey. 1991. Vol. 31, No. 4. P. 307–323.

Purrington C. Tokyo's Policy Responses During the Gulf War and the Impact of the "Iraqi Shock" on Japan // Pacific Affairs. 1992. Vol. 65, No. 2. P. 161–181.

Shibata A. Japanese Peacekeeping Legislation and Recent Developments in U.N. Operations // Yale Journal of International Law. 1994. Vol. 19, Is. 2. P. 307–348.

Tanaka T. The Soviet-Japanese Normalization in 1955–6 and US-Japanese Relations // Hitotsubashi Journal of Law and Politics. 1993. Vol. 21. P. 65–93.

The Cambridge History of Japan. Vol. 6. The Twentieth Century / ed. by P. Duus. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 826 p.

The Foreign Policy of Modern Japan / ed. by R. A. Scalapino. Berkeley: University of California Press, 1977. 426 p.

Togo K. Japan's Foreign Policy, 1945–2003. The Quest for a Proactive Policy. 2nd edition. Leiden, Boston: Brill, 2005. 484 p.

Yamaguchi J. The Gulf War and the Transformation of Japanese Constitutional Politics // The Journal of Japanese Studies. 1992. Vol. 18, No. 1. P. 155–172.

Yoshii M. The Creation of the "Shock Myth": Japan's Reactions to American Rapprochement with China, 1971–1972 // The Journal of American-East Asian Relations. Vol. 15 (2008), P. 131–146.

Zakowski K., Bochorodycz B., Socha M. Japan's Foreign Policy Making. Central Government Reforms, Decision-Making Processes, and Diplomacy. Cham, Switzerland: Springer International Publishing, 2018. 242 p.

Zhao Q. Japanese Policymaking: The Politics Behind Politics. Informal Mechanisms and the Making of China Policy. Westport, Connecticut: Praeger, 1993. 230 p.

На восточных языках

Ванган сэнсо: то Нихон: товарэру кики канри (Война в Персидском заливе и Япония: кризисное управление под вопросом). Токио: Асахисимбунся, 1991. 230 с.

Гаймусё: но хяку нэн. Гаймусё: хяку нэн си хэнсан иинкай хэн (Сто лет Министерства иностранных дел. Под редакцией Комитета по составлению столетней истории Министерства иностранных дел). Т. 2. Токио: Хара сёбо:, 1969. 1669 с.

Икэда Н. «Цуёсугиру Дзиминто:» но бё:ри. Ро:дзин сихай то Нихон кэй попюридзуму (Патология «слишком сильной ЛДП». Господство стариков и популизм по-японски). Токио: PHP Кэнкю:ся, 2016. 189 с.

Иокибэ М. Сэнго Нихон гайко:си (Дипломатическая история послевоенной Японии). Токио: Ю:хикаку, 2014. 380 с.

Накамура Т. Масумэдиа то сэйсаку кэттэй катэй — «Кокурэн хэйва кё:рёку хо:ан» но хайан (СМИ и процесс определения политического курса — снятие с обсуждения «Законопроекта о миротворческом сотрудничестве ООН») // Кэнрицу Нагасаки Зи:боруто Дайгаку кокусай дзё:хо: гакубу киё: (Вестник факультета глобальных коммуникаций префектурального университета Нагасаки им. Зибольда). 2005. № 6. С. 199–212.

Накамура Т. Сё:ва си. Гэ (1945–89) (История Сёва. Т. 2 (1945–1989 гг.)). Токио: Тоё: кэйдзай симпося, 2012. 897 с.

Накано М. Гэндай Нихон но сэйсаку катэй (Политический процесс в современной Японии). Токио: То:кё: дайгаку сюппанкай (Издательство Токийского университета), 1992. 301 с.

Нитиро канкэй си: парарэру хисутори: но тё:сэн (История российско-японских отношений: вызов параллельной истории) / под общ. ред. акад. А. В. Торкунова и проф. М. Иокибэ. Токио: То:кё: дайгаку сюппанкай (Издательство Токийского университета), 2015. 713 с.

Нихон то Росиа: магяку ка со:и ка (Япония и Россия: полная противоположность или сходство?) / под ред. Т. Иногути. Токио: Харасёбо:, 2015. 245 с.

Нобаяси Т. Тайгай сэйсаку кэттэй катэй кэнкю: но син до:ко: : о:ганидзэ:сёнару апуро:ти но итидзукэ (Новые направления в исследовании процесса принятия внешнеполитических решений: место организационного подхода) // До:сися Амэрика кэнкю: (Американские исследования в университете Досися). 1975. № 11. С. 73–80.

Оцука К. Нихон но сэйдзи бунка (Политическая культура Японии). Токио: Кэйсо:сёбо:, 2008. 277 с.

Сато И. Ко:дансяварод зитэн (Японо-русский словарь Кодансяя) / И. Сато. Токио: Кодансяя, 1997. 1192 с.

Сёдзи Т. Хо:ан сакусэй о мэгуру арасои. Гаймусё: то кокурэн хэйва кё:рёку хо:ан сакусэй катэй (Борьба вокруг составления законопроекта. Министерство иностранных дел и процесс составления законопроекта о миротворческом сотрудничестве с ООН) // Нэмпо: сэйдзигаку. 2011. № 62(2). С. 206–227.

Такидзава С. Ванган сэнсо: ни миру гэндайсэйдзи (Современная политика через призму войны в Персидском заливе). Токио: Цукидзисёкан, 1992. 259 с.

Ханаи Х. Син гайко: сэйсаку рон (Новая теория внешней политики). Токио: То:ё: кэйдзай симпося, 1998. 350 с.

Хатано С. Рэкиси тоситэ но нитибэй ампо дзё:яку: кимицу гайко: кироку га акасу «мицуяку» но кёдзицу (Японо-американский Договор безопасности как история: правда о «секретных соглашениях», которую показывают секретные протоколы переговоров). Токио: Иванами сётэн, 2010. 291 с.

Периодика

На восточных языках

«Айку хо:нити хантай» Со:хё: тайкай мандзё: итти дэ кэцуги (На съезде Сохё единогласно принята резолюция «против визита Эйзенхауэра») // Асахи симбун. 09.06.1960, утренний выпуск. С. 1.

«Ампо кайтэй ё:ко:» о рё:сё: Дзиминто: со:му кай (Совет по общим вопросам ЛДП одобрил «проект пересмотра Договора безопасности») // Асахи симбун. 03.05.1959, утренний выпуск. С. 1.

«Бэй га ё:сэй» то Като: си (Г-н Като говорит о «требованиях США») // Асахи симбун. 14.03.1991, утренний выпуск. С. 2.

«Кайсан э юиицу но мити». Сято: гиин со:дзисёку о сэймэй («Единственный путь к роспуску нижней палаты». СПЯ заявила об отставке всех депутатов) // Асахи симбун. 02.06.1960, утренний выпуск. С. 1.

«Кокурэн кё:рёку хо:» но сэйтэй о. Дзиэйтайхо: кайсэй ни мо фукуми. Сюсё: кайкэн (Призыв принять закон «О содействии мирным усилиям ООН». Также включается и пересмотр закона о Силах самообороны. Пресс-конференция премьер-министра) // Нихон кэйдзай симбун. 30.08.1990, утренний выпуск. С. 1.

«Найран дзё:ко:» ва сакудзё. Ампо кайтэй, Фудзияма, Ино: кайдан дэ идти (Ликвидация «статьи о внутренних беспорядках». Пересмотр договора безопасности, на встрече Фудзияма и Ино достигнуто согласие) // Асахи симбун. 21.02.1959, вечерний выпуск. С. 1.

«Сокудзи Киси тайдзин» дэ кэссю:. Дзимин но хансюрю: сампа (Три фракции антиосновного течения ЛДП постановили «сосредоточиться на «немедленной отставке Киси») // Асахи симбун. 02.06.1960, утренний выпуск. С. 1.

«Тайван ва Тю:гоку но итибу» Накасонэ со:мукайтё: утидасу (Председатель совета по общим вопросам Накасонэ про-

возглашает, что «Тайвань — часть Китая») // Асахи симбун. 14.09.1971, утренний выпуск. С. 1.

«Фудзияма сиан» но найё: (Содержание «Плана Фудзияма») // Асахи симбун. 18.02.1959, утренний выпуск. С. 1.

Ампо ва данкайтэки ни кайсё:. Мински синто:, гайко:, кэйдзай сэйсаку о хаппё: (Поэтапная ликвидация Договора безопасности. Новая Партия демократического социализма обнародовала курс в сфере дипломатии и экономики) // Нихон кэйдзай симбун. 04.01.1960, утренний выпуск. С. 1.

Ампо кайтэй мондай. Сэйфу, ёто: сюно: кайдан (Вопрос пересмотра Договора безопасности. Совещание руководства правительства и правящей партии) // Асахи симбун. 18.02.1959, вечерний выпуск. С. 1.

Ампо кайтэй о тё:сэй (Согласование условий пересмотра Договора безопасности); Гё:сэй кё:тэй мо до:дзи ни (Одновременно следует подписать и Административное соглашение) // Асахи симбун. 26.02.1959, утренний выпуск. С. 1.

Ампо кайтэй, дандори кимару (Определена программа действий по пересмотру Договора безопасности) // Асахи симбун. 03.04.1959, утренний выпуск. С. 1.

Ампо кайтэй, консю: кара тайбэй ко:сё:. «Сэнкё ё:» ни кю: сиагэ (С этой недели начинаются переговоры с США о пересмотре Договора безопасности. Спешная подготовка «ради выборов») // Асахи симбун. 06.04.1959, утренний выпуск. С. 1.

Ампо кайтэй. Гайсё:, асу Ма тайси то кайкэн (Пересмотр Договора безопасности. Министр иностранных дел завтра встретится с послом Макартуром) // Асахи симбун. 12.04.1959, утренний выпуск. С. 1.

Дзё:яку сю:сэйкэн мондай «Ко: но хацугэн» то то:най хабацу («Заявление Коно» о праве на внесение изменений в договор и внутрипартийные фракции) // Асахи симбун. 22.02.1960, утренний выпуск. С. 1.

Дзиминто:, син ампо о тандоку кацу (ЛДП одобрила новый Договор безопасности без присутствия депутатов от оппозиции) // Асахи симбун. 20.05.1960, утренний выпуск. С. 1.

Дзиэйтай хацу но кайгай хакэн (Первое командирование ССЯ за рубеж) // Асахи симбун. 25.04.1991, утренний выпуск. С. 1.

Дзиэйтайки хакэн 55% га хантай (55% против отправки самолетов ССЯ) // Асахи симбун. 05.02.1991, утренний выпуск. С. 1.

Дзэнгакурэн, коккай ко:най ни ранню:. Дзёси то:дайсэй га сибо: (Демонстранты из Дзэнгакурэн ворвались на территорию парламента. Погибла студентка Токийского университета) // Асахи симбун. 16.06.1960, утренний выпуск. С. 1.

Ёято: ни одороки то фуман. «Минобэ тю:кай» сэйкай ни хамон (Удивление и недовольство среди правящей партии и оппозиции. Резонанс в политических кругах в ответ на «посредничество Минобэ») // Асахи симбун. 15.11.1971, утренний выпуск. С. 1.

Кё:до: сэнгэн. Бо:рёку о хайси, гикайсюги о маморэ (Совместная декларация. Отказавшись от насилия, сохраните парламентаризм) // Асахи симбун. 17.06.1960, утренний выпуск. С. 1.

Кёкуто: ни тэйги наси. Нити бэй цукицумэру дорёку сэдзу (Определения Дальнего Востока нет. Япония и США не прикладывали усилий, чтобы конкретизировать этот вопрос) // Асахи симбун. 11.02.1960, утренний выпуск. С. 1.

Киси найкаку о до: омоу ка. Каватта хо: га ёи 58% (Что вы думаете о кабинете Киси? 58% считают, что правительство нужно сменить) // Асахи симбун. 03.06.1960, утренний выпуск. С. 1.

Киси сюсё:, тайдзин но кэцуи о хё:мэй (Премьер-министр объявил о намерении уйти в отставку) // Асахи симбун. 23.06.1960, вечерний выпуск. С. 1.

Ко:но си ни кё:рёку ё:сэй сюсё: гайю: тю: но сэйкёку антэй ни (Премьер-министр просит г-на Коно о содействии для обеспечения стабильности политической ситуации на время зарубежной поездки) // Асахи симбун. 07.07.1959, утренний выпуск. С. 1.

Коккай синги, найрицу гэкика э (Во время рассмотрения в парламенте противостояние будет обостряться) // Нихон кэйдзай симбун. 20.01.1960, утренний выпуск. С. 1.

Конкоккай тэйсюцу кимару. Ся, ко:, мин «кокко: кайфуку кэцуги» (Резолюцию СПЯ, Комэйто и ПДС о «восстановлении отношений» решено предоставить на рассмотрение во время этой сессии парламента) // Асахи симбун. 18.07.1971, утренний выпуск. С. 1.

Минся, кё:то: о рё:сё (ПДС и СПЯ договорились о совместной борьбе) // Асахи симбун. 25.05.1960, утренний выпуск. С. 1.

Мондайтэн кику дзимин сё:и хацукайго: (Первое заседание подкомитета ЛДП по рассмотрению проблемных вопросов) // Асахи симбун. 14.04.1959, утренний выпуск. С. 1.

Найран дзё:ко: сакудзё ни ва хантай. Дзимин со:му конданкай (На совещании членов совета по общим вопросам ЛДП озвучен протест против исключения статьи о «внутренних беспорядках») // Асахи симбун. 04.04.1959, утренний выпуск. С. 1.

Наммин юсо: ни дзиэйтайкиан. Сэйфу, дзимин ни хакэнрон фудзё: (План использования самолетов ССЯ для транспортировки беженцев. В правительстве и ЛДП возникла идея командирования) // Асахи симбун. 17.01.1991, утренний выпуск. С. 1.

Окинава, Огасавара фукумэё. Ампо тиики, Ко:но си, Ма тайси ни кё:тё: (Включите Окинаву и Огасавару в сферу действия Договора безопасности, — настаивает г-н Коно в беседе с послом Макартуром) // Асахи симбун. 29.01.1959, утренний выпуск. С. 1.

Райсю: ни мо то:най тё:сэй. Фукуда кандзитё: катару ампо дзё:яку кайтэй дэ (Генеральный секретарь Фукуда: по вопросу пересмотра Договора безопасности внутрипартийные согласования будут и на следующей неделе) // Асахи симбун. 29.01.1959, вечерний выпуск. С. 1.

Рё: ё:ко: томо сё:нин. Дзимин ампо сё:и дэ кэцурон (Оба проекта одобрены. Заключение подкомиссии ЛДП по Договору безопасности) // Асахи симбун. 02.05.1959, вечерний выпуск. С. 1.

Рё:ин но ниттю: кэцугиан дзё:тэй дэкидзу хэйкай (Сессия закрыта без внесения на рассмотрение в обеих палатах проекта резолюции о японо-китайских отношениях) // Асахи симбун. 25.07.1971, утренний выпуск. С. 1.

Санто: сэймэй о хаппё:. Ампо син дзё:яку но сидзэн сё:нин (Заявления трех партий. Автоматическое одобрение нового Договора безопасности) // Асахи симбун. 19.06.1960, утренний выпуск. С. 2.

Сато: сэйкэн цудзуку кагири ниттю: канкэй каварадзу (Пока правительство Сато у власти, изменений в японо-китайских отношениях не будет) // Асахи симбун. 12.01.1971, вечерний выпуск. С. 1.

Саха то тайкэцу. Сято: Нисио си тю:моку но хацугэн (Противостояние с левыми. Привлекшее внимание выступление г-на Нисио из СПЯ) // Нихон кэйдзай симбун. 20.07.1959, утренний выпуск. С. 1.

Син ампо тандоку какэцу то какуто: (Принятие нового Договора безопасности без участия оппозиции и политические партии) // Асахи симбун. 20.05.1960, утренний выпуск. С. 2.

Син ампо хидзюн ситара сюсё ва тайдзин сэё. Ко:но си катару (Пускай премьер-министр уйдет в отставку, когда будет ратифицирован новый Договор безопасности. Выступление г-на Коно) // Асахи симбун. 05.01.1960, утренний выпуск. С. 1.

Со:кайтэй хакэн сэйфу, дзимин най дэ фудзё: (В правительстве и ЛДП возникла идея отправки минных тральщиков) // Асахи симбун. 14.03.1991, утренний выпуск. С. 1.

Со:кайтэй хакэн. Сампи ни дандзёса кивадацу (Отправка минных тральщиков. Обращает на себя внимание разница в отношении между мужчинами и женщинами) // Асахи симбун. 24.04.1991, утренний выпуск. С. 3.

Со:сай ко:сэн ва хаямаро: О:но си катару. Ампо хидзюн тёкуго атари. (Выступление г-на Оно. Проведите выборы председателя ЛДП раньше — сразу после ратификации Договора безопасности) // Нихон кэйдзай симбун. 11.01.1960, утренний выпуск. С. 1.

Сэйфу, дзимин ёкунай 50%, сято: ни мо 32% но хихан (50% считают плохими действия правительства, 32% процента критически оценили и действия СПЯ) // Асахи симбун. 02.06.1960, утренний выпуск. С. 1.

Сэккёкутэки ни иннай то:со:. Со:дзисёку тю:си (Активная борьба в рамках парламента. Отмена общей отставки) // Асахи симбун. 20.06.1960, утренний выпуск. С. 1.

Сю:сэйкэн дэ рё:ся кё:ко: (Обе социалистические партии занимают жесткую позицию относительно права на внесение поправок) // Асахи симбун. 22.02.1960, утренний выпуск. С. 1.

Сю:сэйкэн мондай гиунин дэ кё:ги (Вопрос о праве корректировки обсуждается в процедурной комиссии) // Нихон кэйдзай симбун. 24.02.1960, утренний выпуск. С. 1.

Сясэцу. Ампо дзё:яку кайтэй но хо:ко: о аямару на (Редакционная статья. Не ошибитесь с направлением пересмотра Договора безопасности) // Асахи симбун. 08.04.1959, утренний выпуск. С. 2.

Сясэцу. Нао нокору ампо дзё:яку кайтэй э но гимон (Редакционная статья. К пересмотру Договора безопасности все еще остаются вопросы) // Асахи симбун. 27.05.1959, утренний выпуск. С. 2.

Сясэцу. Хэйва гайко: но кё:рёку на гутайка о нодзому (Редакционная статья. Надеемся на серьезную конкретизацию мирной дипломатии) // Асахи симбун. 29.01.1959, утренний выпуск. С. 2.

Сято: га кё:рёкухо: дэ тайан. Хигундзи, гэнсёку дзиэйкан нуки (СПЯ предложила контрпредложение в ответ на закон о сотрудничестве. Невоенная структура без участия военнослужащих ССЯ на действительной службе) // Нихон кэйдзай симбун. 16.10.1990, утренний выпуск. С. 2.

Тё:ки сэйкэн танто: но кэцуи Киси сюсё: катару (Премьер Киси говорит, что нацелен на длительное пребывание у власти) // Нихон кэйдзай симбун. 03.01.1960, утренний выпуск. С. 1.

То:най тё:сэй кусубуру. Дзимин сэйдзитэки на какуха но омоваку (Внутрипартийное согласование буксует. Взгляды политических фракций ЛДП) // Асахи симбун. 12.04.1959, утренний выпуск. С. 1.

Фудзияма эндзэцу но сё:хо: (Подробности речи Фудзияма) // Асахи симбун. 26.05.1959, утренний выпуск. С. 2.

Хагати: си ни дэмотай га рамбо: (Бесчинство демонстрантов по отношению к г-ну Хэгерти) // Асахи симбун. 11.06.1960, утренний выпуск. С. 1.

Хакэн ан, Одзава си ра сэттоку. Кю:хэн но сюсё:, нао юрэру (Убеждение со стороны г-на Одзава и других привело к резкому изменению позиции премьера относительно плана об отправке ССЯ, премьер все еще продолжает колебаться) // Асахи симбун. 18.01.1991, утренний выпуск. С. 31.

Хэйва э но омоиуттаэ. Дои си Ираку дайто:рё: то кайдан «хибакуся» надо рэй ни (Призыв к миру. Г-жа Дои встретилась с президентом Ирака, привела в качестве примера пострадавших от атомных бомбардировок и др.) // Асахи симбун. 14.01.1991, утренний выпуск. С. 2.

Ято: хэйва мотомэ самадзама на угоки (Оппозиция предпринимает разнообразные шаги, призывая к миру) // Асахи симбун. 15.01.1991, утренний выпуск. С. 2.

Summary

The monograph considers the characteristic features of the foreign policy making process in post-war Japan in the era of the «1955 System»: the period from 1955 to 1993, when the country was ruled by the Liberal Democratic Party (LDP). For this purpose, the author provides detailed analysis of the foreign policy making process: preparation and ratification of the Japan — US 1960 Security Treaty, Japan's reaction to the so-called «Nixon China shock» (the news that the US was going to start the process of normalizing relations with the PRC) in 1971, which led to the normalization of Japan-China relations in 1972; Japan's reaction to the 1990–1991 Gulf War. Based on this analysis, the author makes conclusions about the general characteristics of the foreign policy making process of this period, the role of various domestic actors in it (the ruling party and factions within it, the Ministry of Foreign Affairs, other ministries and agencies, opposition parties), as well as the degree to which it was influenced by public opinion and external forces.

The book is aimed at specialists in Asian studies, political scientists and historians, university students specializing in history, regional studies, and political science, as well as a broad range of readers interested in history and politics of Asian countries.

Научное издание

Нелидов Владимир Владимирович

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЯПОНИИ

Монография

Редакторы: *М. С. Грикурова, Н. А. Сидоркина*
Корректор *М. Я. Колесник*
Верстальщик *Н. А. Кильдишева*
Оформитель *М. Е. Заболотникова*
Технический редактор *Д. С. Лялюева*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 08.07.2022. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 14,25. Тираж 300 экз. Заказ № 2273-22

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр, заведующий *Ш. Р. Кашаф*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте https://book.ivran.ru

КНИГИ BOOKS IOS RAS ИВ РАН

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах, изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Амирит»
410004, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88
Тел.: +7(800)700-86-33, +7(8452)24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru. Вебсайт: http://amirit.ru